

МИР ИСТОРИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

МИР ИСТОРИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ. ОТ ИСТОЧНИКА К ИССЛЕДОВАНИЮ

Материалы докладов VII Всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и соискателей

Екатеринбург, 29–30 ноября 2014 г.

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2015

УДК 94(0)
ББК ТЗ(О)я43
М 63

Редакционная коллегия:

Н. Б. Городецкая, К. Р. Капсалыкова, А. М. Кюсснер, Н. А. Павлюкова,
У. Е. Головачева (отв. за выпуск).

М 63   Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию : материалы докл.
VII Всероссийск. науч. конф. студентов, аспирантов и соискателей. Екатеринбург,
29–30 ноября 2014 года. – Екатеринбург: Изд-во Урал.ун-та. 2015. – 180 с.

ISBN 978-5-7996-1509-3

В сборнике опубликованы материалы VII Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и соискателей «Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию», проведенной департаментом «Исторический факультет» Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина 29-30 ноября 2014 года. Материалы объединены общей проблематикой – исследования и интерпретации исторических источников. Хронологически материалы охватывают различные периоды истории: от первобытных культур и древних цивилизаций до современности.

Книга рассчитана на студентов, аспирантов и всех интересующихся историей.

УДК 94(0)
ББК ТЗ(О)я43

ISBN 978-5-7996-1509-3

© Уральский федеральный университет, 2015

*Светлой памяти
Юрия Сергеевича Кирьякова*

В 2008 г., когда было решено проводить первую конференцию «Мир истории: новые горизонты», у оргкомитета было много сомнений: мы не были уверены в том, действительно ли нужна такая конференция, и будет ли она востребована студентами и преподавателями исторического факультета. В тот момент важной для нас оказалась поддержка со стороны доцента кафедры новой и новейшей истории Юрия Сергеевича Кирьякова. Мы попросили провести его заседание одной из секций. Он откликнулся на нашу просьбу с живым интересом. Юрий Сергеевич пришел на первую конференцию и приходил к нам следующие 5 лет.

Иногда мы оставляли Юрия Сергеевича без секции, зная, что он только что вернулся из командировки. Однако он приходил на конференцию в свой выходной день, задавал вопросы на секционных заседаниях, комментировал выступления участников, выступал в рамках круглых столов. Юрию Сергеевичу всегда были интересны исследования начинающих ученых, он стремился поддержать молодых историков. Он был щедр на советы, давал их без всякого высокомерия, если критиковал – то всегда по-доброму. Юрий Сергеевич часто приводил примеры из истории своих любимых Балкан, которыми занимался всю жизнь, и этот опыт сравнительного анализа нередко становился источником новых исследовательских идей для молодых историков. Его советы, мудрость, щедрость и доброе отношение к первым шагам в исторической науке действовали вдохновляюще.

Каждый год, в сентябре, когда мы планировали новую конференцию, Юрий Сергеевич, встретив кого-то из нас в коридоре истфака, всегда спрашивал, что нового будет предложено участникам в этом году. Мы начинали рассказывать, а Юрий Сергеевич очень внимательно слушал, задавал уточняющие вопросы, подсказывал, как, по его мнению, сделать планируемые секции и круглые столы действительно полезными для начинающих ученых. В такие моменты все сомнения оргкомитета разрешались, а работа по организации конференции начинала идти легче.

Такая же совершенно обыкновенная встреча состоялась и 22 октября 2014 г. Мы пригласили Юрия Сергеевича провести один из круглых столов, рассказывали о проблемах, которые хотим обсудить в его рамках. Юрий Сергеевич выслушал нас, согласился прийти, поблагодарил, что мы опять придумали что-то интересное для него. Потом мы говорили о заявках, которые пришли на конференцию, он спрашивал о наших впечатлениях от тезисов его студентов и аспирантов, кого-то шутливо ругал, кого-то хвалил...

Через четыре дня Юрия Сергеевича не стало...

В 2014 г. конференцию «Мир истории: новые горизонты. От источника к исследованию» мы посвятили памяти Юрия Сергеевича. Сборник материалов, который вы держите в руках, – дань уважения и благодарности нашему Учителю, любимому преподавателю и коллеге.

Оргкомитет конференций 2008–2014 гг.

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Ю. М. Галкина

Уральский федеральный университет

Сербия и Франция в Первой мировой войне – партнерство или братство?*

На сегодняшний день в отечественной публицистике и массовом сознании принято считать, что русские и сербы – «братья навек», при этом акцент делается на конфессиональное и этническое родство, усиленное рядом ценностных исторических моментов – например, заступничеством России в Первой мировой войне. В то же время, если мы обратим внимание на представление самих сербов о чьей-либо особенной роли в их истории, то не сможем пройти мимо их чрезвычайного расположения к Франции.

Начать диалог следует издалека. В 1844 г. на свет появилась знаменитая сербская политическая программа – «Начертание» Илии Гарашанина, которая впервые официально обозначила возможность реализации западного вектора сербской политики, «основным игроком» в котором была Франция [1] в противовес классическому треугольнику «Россия – Австрия – Османская Империя».

Тема французского влияния в Сербии в конце XIX – начале XX вв. разработана достаточно полно [2; 3]. Так, на сегодняшний день сербские исследователи утверждают, что заимствование французских политических институтов и традиций было важной вехой в становлении сербской государственности [4, р. 93], а возможность восприятия такого опыта склоны объяснять сходством французской революции 1789 г. и сербской революции 1804 г. [4].

Помимо политического фактора, важную роль играл фактор экономический в виде экспорта французского капитала в Сербию. Андрей Митрович утверждает, что за период с 1880 по 1914 г. не существовало ни одного крупного французского банка, которого не интересовала бы перспектива присутствовать в Сербии [5, с. 167]. Более того, французский капитал в начале XX в.

---

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

занимал там лидирующие позиции, выдавливая основных конкурентов в лице Австро-Венгрии и Германии [5]. По объему займов, экспортируемых на Балканы Францией, Сербия стояла на втором месте [5, с. 163].

При этом активное участие Франции в балканских делах и формирование двусторонних взаимосвязей между ней и Сербией сложились в конце XIX – начале XX в., благодаря русско-французскому союзу [6]. А «балканизация» русско-французского альянса окончательно оформила партнерство между Францией и Сербией в виду невозможности первой игнорировать ситуацию на Балканах в условиях союза с Россией в начале Первой мировой войны [7, р. 293–301].

Важным, но малоизученным на сегодняшний день является вопрос франко-сербского военного сотрудничества в годы Первой мировой войны. Так, отправленная 25 октября 1914 г. из Тулона [8, р. 163] по просьбе сербского правительства [9], французская «Mission D» (командир – капитан-лейтенант Эдуард-Этьен Пико), показала один из лучших результатов в деле противодействия австро-венгерским мониторам на Дунае в 1914–1915 гг. Она имела в своем распоряжении морскую артиллерию, способную эффективно бороться с мониторами, что отмечалось командиром вражеской флотилии Олафом Вульфом [10, с. 20]. Изначально миссия насчитывала порядка 100 человек личного состава, но со временем численность миссии выросла по меньшей мере до 1200 человек – моряков, летчиков, артиллеристов, телеграфистов [11, р. 226]. Кроме того, с апреля по август 1915 г. миссия обеспечила прибытие более 100 человек медицинского персонала для борьбы с эпидемиями.

С ноября 1914 г. по октябрь 1915 г. французская батарея неоднократно обстреливала австро-венгерские мониторы, сковывая возможность их передвижений по Саве и Дунаю. Одним из наиболее знаковых эпизодов стал обстрел монитора «Enns», получившего пробоину ниже ватерлинии и выбросившегося на мель [8, р. 164].

Помимо непосредственного участия французских контингентов, на сербском театре военных действий, была организована линия снабжения Салоники-Белград, через которую Сербия получала от Франции снаряды к полевым и горным орудиям, а также униформу [12, с. 184–192].

Следующей важной точкой франко-сербского сотрудничества стала эвакуация сербов на Корфу и Салоникский фронт. Благодаря французам сербская армия была перевооружена и реорганизована, а также налажена жизнь эвакуированного гражданского населения и функционирование основных политических институтов в условиях изгнания. Венцом взаимоотношений Сербии и Франции стало образование Королевства Сербов, Хорватов и Словенцев, осуществленное под эгидой Франции, которое, с одной стороны, соответствовало «великосербской» идее, а с другой стороны, обеспечило Франции доминирующее положение на Балканах вместо господства прежних традиционных сил в этом регионе [13, с. 330].

Таким образом, до начала Первой мировой войны франко-сербские отношения носили односторонний характер – Франция была примером для подражания и не рассматривала Сербию как достойную партнерства политическую единицу; в Первую мировую войну Франция вступила союзницей Сербии и вышла ее покровительницей, «потеснив» в этом поле Россию.

На сегодняшний день в Белграде можно увидеть два главных места памяти, свидетельствующих о сербской благодарности французам: это монумент в крепости Калемегдан с начертанием «Любим Францию, потому что и она нас любила» и захоронение французских солдат на Новом Кладбище [14]. Подводя итог, хотелось бы вспомнить одну красноречивую реплику из документального фильма Здравко Шотра (2006 г.) «Там, где цветет желтый лимон», повествующего о судьбе сербов в годы Первой мировой войны и проникнутого чувством глубокой любви и благодарности к Франции: «Когда наши дети спросят нас: где Франция? Мы положим руку на сердце, и они все поймут».

-
1. *Гарашанин И.* Начертаније. URL: <http://www.srpskakruna.no/biblioteka/Ilija%20Garasanin%20-%20Nacertanije.pdf>
  2. *La Serbie et la France. Une alliance atypique: les relations politiques, economique et culturelles 1870–1940.* Belgrade, 2010.
  3. *Bataković D.* Les sources françaises de la démocratie serbe. Paris, 2013.
  4. *Bataković D.* French influence in Serbia 1835-1914. Four generations of «Parisians» // *Balkanica XLI.* Belgrade, 2011. P. 93–129.
  5. *Мумровић А.* Стране банке у Србији 1878–1914. Београд, 2004.
  6. *Sretenović S.* Francusko-srpski odnosi u XIX i XX veku. URL: <http://www.doiserbia.nb.rs/img/doi/0025-8555/2009/0025-85550904536S.pdf>
  7. *Clark C.* The Sleepwalkers. How Europe went to war in 1914. Penguin books. London, 2013.
  8. Extraits du rapport du 30 octobre 1915 du Capitaine de Frégate PICOT, commandant la mission D. // *G. Delannoy.* Guerre 1914–1918. Citations a l'ordre de l'armée des formations et batiments de la marine francaise. Paris, 2011. P. 163–166.
  9. *Бокић Н., Радовановић Р.* Борбе на Сави и Дунаву 1914–1915. године. URL: <http://www.paluba.info/smf/index.php?topic=12758.0;wap2>
  10. *Вульф О. Р.* Австро-венгерская дунайская флотилия в мировую войну 1914–1918 гг. СПб., 2004.
  11. *Troude A.* Les relations franco-serbes au sein de l'Armée d'Orient 1915–1918 // *Balkanica XXXVII.* Belgrade, 2007. P. 221–241.
  12. *Ђуришић М.* Србија у рату 1914. Београд, 2008.
  13. *Живојиновић Д. Р.* Невольни ратници. Велике силе и Солунски фронт 1914–1918. Београд, 2010.
  14. Список захороненных французских военных. URL: http://www.ambafrance-srb.org/IMG/pdf_Cimetiere_militaire_francais_de_Belgrade.pdf

Военные действия СССР против Югославии: реальная возможность или миф?

Советско-югославский конфликт 1948–1953 гг. стал одним из самых значимых и определяющих событий как для социалистической Югославии, навсегда изменившей вектор своего развития, так и для Советского Союза, начавшего строить отношения со всем социалистическим блоком на других основаниях. В основе конфликта лежали многие противоречия, накопившиеся между двумя странами, однако с уверенностью можно заявить, что по сути своей он был противостоянием двух лидеров – Иосипа Броз Тито, маршала Югославии, и «вождя народов» И. В. Сталина.

В данной статье нам предстоит ответить на вопрос: «До каких пределов могло дойти противостояние и могло ли оно перерасти дипломатические рамки, вызвав военный конфликт соратников по антифашистской борьбе?»

Для ответа на поставленный вопрос нам необходимо начать с выявления видимых для общественности событий конфликта, исполнителем которых стал наследник Коминтерна Коминформ. Обличительными для Югославии стали II и III совещания Коминформа. На II совещании 21 июня 1948 г. А. А. Ждановым был прочитан доклад под названием «О положении в Коммунистической партии Югославии», в котором недвусмысленно говорилось о необходимости «сменить и выдвинуть новое руководство», а также надежда на «здоровые силы внутри коммунистической партии Югославии» [1, с. 412].

Советская сторона развернула жесточайшую пропагандистскую войну против югославского руководства, активно используя факт осуждения «ревизионистской клики Тито» для навязывания своим клиентам – странам Восточной Европы «советской модели развития». Этой цели она добивалась с помощью целой серии политических процессов над т. н. титоистами в руководстве восточноевропейских государств [2, с. 594].

На III совещании Коминформа 18 ноября 1949 г. был озвучен доклад «Югославия во власти убийц и шпионов», осуждающий «гнусную» политику Тито и призывающий повести активную борьбу с «переродившейся Коммунистической партией Югославии» и «титовской кликой» [3, с. 638–642].

К 1949 г. возможность военного вторжения Красной Армии в Югославию многократно возросла. По мнению известного специалиста С. А. Романенко, после осознания невозможности сменить власть в Югославии руководством Советского Союза стал готовиться план военного вмешательства, а первые сведения, реально подтверждавшие существование плана интервен-

ции, были получены от эмигрировавшего высокопоставленного венгерского офицера Белы Кирайя [4].

С. А. Романенко также приводит в качестве доказательства обмен репликами между Н. А. Булганиным и Н. С. Хрущёвым на июльском пленуме ЦК КПСС 1955 г. Булганин вспоминал, как в 1949 г. Сталин отдал приказ вывести всех военных и гражданских советников в течение 48 часов, а Хрущёв прокомментировал: «Так делается, когда объявляется война». И добавил: «Мы же двинули дивизию к югославской границе» [4].

В зарубежной прессе была отчетливо видна обеспокоенность сложившейся ситуацией. В статье, опубликованной в югославском официозе, газете «Борба», 21 апреля 1949 г. под названием «Почему ТАСС не опровергает измышления западной печати о Югославии», приводились выдержки из материалов французской и американской печати относительно военных планов СССР.

Разведывательные источники, отмечавшие «увеличение передвижений советских войск и войск сателлитов», дату этой акции определяли «как осень 1950 – весна 1951 г.». Аналитики ЦРУ оценивали поставку советского военного оборудования на Балканы в количестве, «способном удовлетворить нужды советских вооруженных сил». В документах ЦРУ еще от 18 ноября 1948 г. демонстрировалась возможность ликвидации Тито [5, с. 48].

Сам Тито в своем дневнике заявляет о возможности нанесения ударов СССР и странами-сателлитами, в случае чего югославская армия должна была перейти к партизанской войне [6, с. 65].

Подводя итог вышесказанному, стоит заметить, что военные операции оказались неприменимы по ряду факторов. Один из них – четкая управленческая политика югославских лидеров и органов госбезопасности, которые фактически устранили внутрипартийную оппозицию [7, с. 47]. Другой фактор – интернационализация конфликта и вмешательство западных стран.

---

1. Протокол второго совещания Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998.

2. Югославия в XX веке: Очерки политической истории. М., 2011.

3. Протокол третьего совещания Коминформа // Совещания Коминформа, 1947, 1948, 1949. Документы и материалы. М., 1998.

4. Романенко С. А. Как поссорились Иосиф с Йосипом / С. Романенко, А. Улунян URL: <http://www.sovsekretno.ru/magazines/article/870>

5. Dokumenta CIA o Jugoslavii 1948–1983. Beograd, 2009.

6. Титов дневник. Београд, 2009.

7. Едемский А. Б. От конфликта к нормализации: советско-югославские отношения в 1953 – 1956 гг. М., 2008.

СЕКЦИЯ I.

РЕЛИГИЯ, ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

А. А. Михеева

Уральский федеральный университет

Богослужебно-певческая культура староверов Вятки (по материалам полевых дневников Уральской объединенной археографической экспедиции)

Вятская провинция, позднее Вятская губерния, включавшая в себя территории нынешней Кировской области, части Удмуртии, Мари Эл, относилась к числу наиболее плотно заселенных староверами регионов. Значительное число их сохранилось в этом регионе и в XX в., поэтому он привлекал и продолжает привлекать пристальное внимание специалистов, занимающихся изучением традиционной русской культуры. С 1970-х гг. на Вятке работали экспедиции трех археографических центров – Библиотеки Академии наук, Московского и Уральского государственных университетов. Экспедиции последнего в регион (а именно на Южную и Центральную Вятку) начались в 1978 г. [1, с. 6] и активно продолжались в 1980-е гг. Отдельный интерес представляют дневниковые записи археографов: замечания о состоянии местного старообрядчества, перечни обнаруженных книжных памятников, конспекты бесед со староверами, сообщения о посещении их богослужений. Эти записи касаются и богослужебно-певческой культуры вятского старообрядчества.

Археографы познакомились с общинами староверов Южной и Центральной Вятки – с представителями поморского, федосеевского, филипповского и белокриницкого согласий. Степень сохранности традиции крюкового пения в них оказалась разной. Так, об Иосифе Егоровиче Шихалева, наставнике моленного дома федосеевцев в Старой Тушке, сообщается, что он «хочет хорошо обучиться демественному пению, показывал разницу в распеве» [2, Л. 5]. В то же время филипповцы с. Пиляндыш «поют сугубо по напевке, со-

левых книг нет и не знают» [3, Л. 22]. Впрочем, данный пример объясним. Если Старая Тушка издавна была центром федосеевского согласия на Вятке [4, с. 14], то Пиляндыш возник только в 1930-е гг., сюда съехались старoverы из разных мест [2, Л. 26], и крюковое пение здесь забыли. Некоторые местные старoverы даже уверяли археографов, что «соли – антихристово письмо, исправленное» [3, Л. 30].

В дневниках есть заметки, отражающие разнообразие традиций богослужечно-певческой культуры. Пиляндышские филипповцы вновь особенно выделились: у них на службе женщины стоят молча сзади («женское пение хуже змеиного шипения») [3, Л. 29].

Из дневниковых записей видна динамика изменений в жизни старообрядческих общин и степени сохранности традиции на Вятке в XX в.: где раньше были общины, какие только появились, какие из них находятся в упадке или процветают. Например, в 1978 г. археографы побывали на службе у федосеевцев в Русском Туреке в доме Саввы Федоровича Климова, где было только 4 человека («боятся преследований местных властей») [5, Л. 13–14]. А уже в 1979 г. Нестор Петрович Шихалев из Пиляндыша рассказывал, что «раньше часто ездил молиться в Русский Турек, когда там молились у Климова» [2, Л. 22]... В то же время на всенощную в «австрийской» церкви в Ижевске пришли около 60 женщин и 10 мужчин, а на литургии «народу было вдвое больше» [6, Л. 21–26].

Некоторые старoverы рассказывали, как учились крюковому пению: в школе, у родственников, у приезжих грамотеев, самостоятельно... Высокая степень сохранности певческой традиции в Старой Тушке объясняется, например, тем, что там при молельном доме действовала школа, а обучение вел известный старообрядческий просветитель Л.А. Гребнев (по воспоминаниям Антышевой Прасковьи Ивановны, поющей в молельне) [7, Л. 12].

По рассказам старoverов иногда можно проследить связи общин как на Вятке, так и с другими регионами. Так, Никита Архипович Уланов из Шурмы сообщал, что маленьким (когда жил в Шихалях) «учился у учителей, которые приезжали на 1–2 зимы. Из Лебяжьего – Курочкин Антон Давыдович, из Москвы – Курочкин Василий Николаевич (миссионер), из Костромской губернии – Силиверст Егорович» [8, Л. 19].

В целом из дневников экспедиций Лаборатории археографических исследований Уральского федерального университета на Вятку возникает пестрая и динамичная картина развития богослужечно-певческой культуры старoverов в XX в.

---

1. К истории книжной культуры Южной Вятки. Л., 1991.

2. ЛАИ УрФУ. Кировское (XVII) собрание. Д65/79. 1979 г.

3. ЛАИ УрФУ. Кировское (XVII) собрание. Д64/78-13. 1978 г.
4. Материалы к истории старообрядчества Южной Вятки. М., 2012.
5. ЛАИ УрФУ. Кировское (XVII) собрание. Д61/78-10. 1978 г.
6. ЛАИ УрФУ. Кировское (XVII) собрание. Д67/79. 1979 г.
7. ЛАИ УрФУ. Кировское (XVII) собрание. Д59/76. 1978 г.
8. ЛАИ УрФУ. Кировское (XVII) собрание. Д63/78-12. 1978 г.

Д. Е. Хорин

Тюменский государственный университет

Традиционные напитки чувашей Тюменского Притоболья

Традиционные напитки собственного изготовления широко представлены в селах компактного проживания чувашей Тюменского Притоболья. Помимо воды и чая, используемых для утоления жажды, в качестве напитков выступали также молочные продукты: пахта, варенец, сквашенное молоко; безалкогольные: квас, медовая сыта и алкогольсодержащие напитки: пиво, бражка, медовые настои.

Молоко и молочные продукты являются неотъемлемой частью питания чувашей Тюменского Притоболья. Надо отметить, что молоко сет в чистом виде практически не потреблялось. Его давали в основном детям, пили до возраста 12–14 лет [1; 2; 3; 4]. Также оно перерабатывалось на масло су и различные кисломолочные продукты. В частности, при переработке сбиванием сливок хайма в масло в пахталке уйран щупци остается кисловатая жидкость – уйран (ойран), которую пили или использовали в качестве приправ к блюдам. Интересно, что с появлением электрических сепараторов для сбивания масла, традиция потреблять уйран осталась и прослеживается до сих пор [3; 4; 5].

Другой кисломолочный напиток – простокваша турах. Это свернувшееся, чуть сквашенное молоко. Практически все молоко, не ушедшее на изготовление масла, доводилось до состояния простокваши и только после этого подавалось на стол [1; 3; 4; 6]. Данная традиция характерна для т. н. верховых чувашей, низовые чуваша под турах понимают ряженку – топленое молоко с добавлением закваски. Закваску готовили, смешивая творог, сметану и ржаной хлеб [7, с. 59].

Еще один специфический молочный напиток, который был в обиходе во многих семьях, – коровье молозиво ене ырри (досл. – коровья радость) [1; 3; 4; 5]. Это молоко от первого удоя после отела. Иногда коров доили также и во время беременности. Данный продукт потребляли и в сыром виде, и в качестве запеканки или мягкого сыра. В некоторых семьях потребление данного продукта сохраняется до сих пор [1; 5; 8].

Безалкогольные напитки собственного изготовления до середины 80-х гг. XX в. пользовались, наряду с молочнокислыми продуктами, большой популярностью.

Во многих семьях до появления в продаже заквасок и квасного сусла квас кавас готовили по традиционной технологии. Замоченный и пророщенный ячмень перемалывали ручными жерновами, получали солод. Солод пропаривали с водой в сусло. В качестве закваски использовали муку и ржаной хлеб. Зачастую в напиток добавляли мед. Такой квас использовался не только как напиток, но и как компонент еды: из него делали окрошки, добавляли в супы [3; 4; 9].

Медовая сыта шерпет делалась из меда, растворенного в кипяченой воде. Традиционно, многие семьи чувашей Тюменского Притоболья держали ульи. Соответственно, учитывая несложность приготовления напитка, шерпет был весьма популярен. Зачастую потребление напитка происходило в контексте похоронно-поминальных обрядов [3; 4; 9; 10]. Однако с третьей четверти XX в. традиция пчеловодства постепенно нивелируется, вместе с этим изготовление и потребление медового сыта значительно сокращается и практически не встречается в наши дни.

Алкогольсодержащие напитки представлены традиционным чувашским пивом сѧра, бражкой (зачастую медовой), медовухой.

Традиция пивоварения является маркерной в культуре жизнеобеспечения чувашского этноса, неоднократно описывалась в различных источниках [11, с. 72; 12, с. 45]. Пиво сѧра, являясь древнейшим традиционным напитком чувашей, присутствовало практически во всех ритуальных действиях, календарно-обрядовых, семейных праздниках [13, с. 19].

В этнолокальных поселениях чувашей Тюменского Притоболья методы и технология изготовления напитка практически не изменились со времени первых чувашей-переселенцев конца XIX в. [1; 4; 6]. В настоящее время домашнее пиво до сих пор весьма широко представлено в среде балтанских чувашей, являясь неременным атрибутом ряда праздников (Акатуй, Мангун) и коллективной помочи Ниме. Однако акцент в приготовлении традиционного напитка сместился из ритуального поля в сторону его повседневного использования. Стоит отметить, что в последнее время наблюдается процесс активной популяризации данной традиции в среде ассоциаций и объединений чувашей Тюменской области.

Не менее популярна в обиходе была и медовая бражка, особенно в 90-е гг. прошлого века. Но в силу большого содержания в ней сивушных масел в наши дни ее потребление минимально.

Таким образом, подводя итог, можно отметить, что в среде чувашей Тюменского Притоболья наименее трансформировалась культура потребления кисломолочных продуктов. Безалкогольные и алкогольсодержащие напитки,

которые готовились по традиционным технологиям до третей четверти XX в., постепенно вытеснились заводской продукцией и в наши дни встречаются реже. Основными повседневными безалкогольными напитками являются чай и кофе, алкогольными – покупное пиво и водка.

-
1. Мельникова М. В., чувашка, г.р. 1939, деревня Хурабыр, Вурнарский район, Республика Чувашия // ПМА. 2014.
  2. Васильев М. Б., чуваш, г.р. 1986, село Канаш, Тюменская область, Нижнетавдинский // ПМА. 2014.
  3. Арсентьев И. К., чуваш, г.р. 1925, село Мун-Ялы, Вурнарский район, Республика Чувашия // ПМА. 2008.
  4. Арсентьева М. Ф., чувашка, село Кюль-Сирма, Аликовский район, Республика Чувашия // ПМА. 2008.
  5. Грициенко Л. И., чувашка, г.р. 1957, село Канаш, Тюменская область, Нижнетавдинский район // ПМА. 2014.
  6. Дмитриев Олег Дмитриевич, чуваш, г.р. 1953, село Верхняя Яндоба, Канашский район, Республика Чувашия // ПМА. 2014.
  7. Яковлева И. Г. Терминология культуры питания в чувашском языке. Чебоксары, 2006.
  8. Ивакова Л. С., чувашка, г.р. 1960, село Нижняя Тавда, Тюменская область // ПМА. – 2014.
  9. Архипова А. Н., чувашка, г.р. 1933 // ПМА. 2014.
  10. Грачева Раиса Терентьевна, чувашка, г.р. 1930, село Сугут, Вурнарский район, Республика Чувашия // ПМА. 2014.
  11. Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах казанской губернии. Казань, 1840.
  12. Сбоев В. А. Чуваша в бытовом, историческом и религиозном отношениях. Москва, 1865.
  13. Магницкий В. К. Материалы к объяснению старой чувашской веры. Казань, 1881.

М. В. Алексанова

Уральский федеральный университет

Реализация декрета об отделении церкви от государства на Урале в документах эпохи

Приход большевиков к власти осенью 1917 г. оказался поворотным для Русской православной церкви (РПЦ). Советская власть понимала, что для борьбы с церковью необходимо было лишить ее законодательной основы,

поставить деятельность церкви вне закона. Важнейшую роль в этом отношении сыграл декрет «О свободе совести, церковных и религиозных обществах», опубликованный 26 января 1918 г.

Декрет вызвал протесты среди верующих. В Екатеринбурге родительские собрания высказывались за сохранение Закона Божия в школах [1, с. 34]. На Каслинском заводе собрание также постановило оставить этот предмет [2, с. 175].

Церковным организациям по некоторым вопросам удалось отсрочить реализацию декрета. Представители церкви смогли договориться с новой властью по поводу епархиального женского учебного заведения, и его на тот момент не стали закрывать «ввиду окончания занятий в женском училище, а также после некоторых разъяснений со стороны совета училища, о природе расходуемых на содержание средств». Училище, находясь в ведении местного комиссариата просвещения, смогло завершить учебный год [3, с. 194]. Продолжило набор учащихся Камышловское духовное училище, которое в июне 1918 г. объявило о приемных экзаменах [4, с. 161].

Тем не менее местные власти настойчиво проводили антицерковную политику. По материалам Верхотурского Николаевского монастыря можно увидеть, что в течение 1918 г. богослужение в Верхотурском монастыре совершалось в Крестовоздвиженском соборе, так как остальные здания были приспособлены для других нужд [5, Л. 20]. В частности, 16–18 мая 1918 г. советская власть реквизировала хозяйственные и жилые помещения [5, Л. 24]. Было изъято здание школы [5, Л. 37].

После окончания Гражданской войны на Урале давление на РПЦ усилилось. Церковные здания подвергались частным обыскам. Как отметил настоятель Николаевского монастыря, это потрясло даже «сильных натур» [5, Л. 25]. Обыски проводились не только в Верхотурье. 24 апреля 1918 г. чрезвычайной следственной комиссией были произведены обыски Духовной Консистории и Епархиального совета, 7 марта – церкви с. Багарякского [6]. В 1918 г. в Верхотурском монастыре были реквизированы архивы и канцелярии. Значительное время ключи от храма находились в руках представителей советской власти [5, Л. 19].

4 апреля 1921 г. были переданы вещи церковно-археологического музея музею уральского общества любителей естествознания [7, Л. 57]. 21 апреля 1921 г. состоялась передача храмов Верхотурского монастыря и принадлежащего им имущества приходскому совету [6, Л. 40]. Процесс передачи храмов в пользование общины верующих прошел достаточно мирно. Монастырь сдал сумму в размере 161 810 р., оставшуюся с прошлого года [6, Л. 9]. 17 декабря 1921 г. ликвидирован Екатеринбургский Епархиальный совет [7, Л. 35].

В Камышловском уезде 27 марта 1922 г. община получила в бессрочное бесплатное пользование Иоанно-Предтеченскую церковь [8, Л. 6–7]. Был составлен акт, по которому она обязалась беспрепятственно допускать представителей власти, оплачивать все текущие расходы. Также она должна была нести уголовную ответственность за непринятие всех зависящих от нее мер по выполнению обязанностей договора, каждый подписавший договор был ответственен за его выполнение [8, Л. 6–7].

Итак, молодое советское государство существенно изменило положение церкви в обществе, лишив ее зданий, денежных средств и возможности влиять на умы через преподавание Закона Божия в школах.

---

1. Отделение Церкви от государства // Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 3. 15 февраля.

2. Картинки жизни. Каслинский завод // Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 10. 15 – 31 мая.

3. Прот. Н. Слюнков. Вопросы, подлежащие обсуждению епархиального съезда и мирян 1918 года касающиеся условий существования Екатеринбургского епархиального женского училища в предстоящем учебном году с приложением кратких докладов по ним, как материал для суждения на окружных благочиннических собраниях // Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 11. 1–15 июня.

4. От правления Камышловского Духовного училища // Известия Екатеринбургской церкви. 1918. № 9. 1–15 мая.

5. ГАСО. Ф. 603 Оп 1. Д. 637.

6. ГАСО. Ф. 603 Оп 1. Д. 748.

7. ГАСО. Ф. Р-511 Оп 1. Д. 120.

8. ГАСО. Ф. 268. Оп 1. Д. 26.

Н. Ю. Попова

Уральский федеральный университет

Баптистская община Свердловска в 1920–1950-е гг.

Евангельское христианство – одно из течений в протестантизме, близкое по вероучению к баптизму. Это направление возникло в 1870-е гг. в Петербурге и быстро распространилось по другим регионам страны. На Среднем Урале евангельские христиане-баптисты (ЕХБ) появились на рубеже 1910–1920-х гг., одним из их центров стал Екатеринбург.

Данное исследование посвящено реконструкции истории и выявлению численности баптистской общины Свердловска на основании материалов

периодической печати, фотографий, интервью с членами общины, а также материалов переписки и других документов из архива церкви Международного союза церквей евангельских христиан-баптистов (МСЦ ЕХБ) Екатеринбурга.

Согласно полученным документам екатеринбургская община евангельских христиан была основана С. Е. Вологодским. С 1921 по 1934 г. собрания проходили в доме молитвы на Арсеньевском проспекте (современная ул. Свердлова). Общиной руководили И. В. Павлов и И. Ф. Епифанов, бывший председателем отдела евангельских христиан [1, с. 56]. К 1925 г. в общине числилось до 20 членов [2, Л. 2]. Состав общины рос благодаря областным съездам евангельских христиан [1, с. 56], и в 1928 г. ее численность достигла 80 человек.

Вследствие первой антирелигиозной кампании численность общины к 1933 г. сократилась наполовину. В 1934 г. церковь была закрыта, собрания проходили тайно [2, Л. 1]. Во время репрессий 1937 г. 6 прихожан были приговорены к 10 годам заключения в исправительно-трудовых лагерях и 28 человек – к расстрелу. Подсудимые обвинялись в участии в контрреволюционной повстанческой организации «церковников». Так была ликвидирована большая часть свердловской общины [3, Л. 287; 4, Л. 4].

К сожалению, источников по истории общины с 1938 по 1946 г. обнаружить не удалось. Тем не менее можно предположить, в результате ослабления репрессивной политики в годы Великой Отечественной, община пополнилась спецпоселенцами, а также вошла в состав образовавшегося в 1944 г. Всесоюзного совета евангельских христиан и баптистов (ВСЕХиБ).

С 1947 г., судя по документам, община начала быстро расти. В это время из Шанхая в Свердловск приехал В. И. Захаров со своей матерью, Февроньей Павловной. Получив духовное образование и будучи рукоположенным в дьяконство [5, Л. 1], Захаров включился в активную церковную деятельность, в результате чего численность общины превысила в 1949 г. сотню [2, Л. 2]. Это обстоятельство вызвало новый виток репрессий. В 1949 г. 14 членов церкви были осуждены по статье 58 УК РСФСР и получили сроки заключения от 5 до 25 лет ИТЛ и тюрьмы [6]. В 1952 г. к 25 годам ИТЛ была приговорена и 73-летняя Ф. П. Захарова. В архиве церкви МСЦ ЕХБ сохранилась копия протокола обвинения, поясняющего, что Захарова «...установила связь с американской разведкой и проводила шпионскую работу против СССР. ...В 1951 г. ... установила связь с антисоветской сектантской организацией в г. Новая Ляля и давала установки ...в части конспирации при проведении американской секретной деятельности...» [7, Л. 1; 8].

В 1956 г. вернулись из заключения члены церкви, арестованные в 1949 г., и уже в 1958 г. активисты общины – Захаровы и Плюснины – были выселены в г. Серов, где образовалась община из шести человек [9, Л. 2] под руководством А. Ф. Плюснина. Таким образом, репрессивная политика способствовала образованию новых общин на севере области.

С выходом в 1959 г. «Положения о Союзе ЕХБ в СССР» и «Инструктивного письма» из ВСЕХиБ выделилась группа «Инициативников», не желавших принимать нововведения. К «Инициативникам» присоединились имеющие опыт ГУЛАГа верующие из свердловской общины и дочерних церквей. Оставшиеся во ВСЕХиБ в начале 1960-х гг. были зарегистрированы как отдельная община.

Таким образом, историю баптистской общины Свердловска до конца 1950-х г. можно разделить на несколько периодов:

1920-е г. – период развития, активной деятельности общины и роста ее численности, поддающийся реконструкции на основании сохранившихся фотоматериалов, редких публикаций в религиозных печатных изданиях;

1929–1944 гг. – период репрессий, сокращения состава общины и затем относительная свобода в годы Великой Отечественной войны;

1944 г. и до раскола ВСЕХиБ – этап частичной легализации церквей, объединительных процессов, увеличения численности общины и нового витка репрессий; период поддается описанию на основе архивных документов и воспоминаний информантов.

---

1. Белоусов Ф. Уральский областной съезд евангельских христиан // Христианин. 1928. № 7.

2. Письмо Яковлева П. Д., пресвитера церкви МСЦ ЕХБ г. Екатеринбург. 24.04.2014 // ЛА автора. Ф. 8. Оп. 2. Д. 3.

3. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20106.

4. Постановление об отмене дел // ЛА Яковлева П. Д. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1.

5. Свидетельство о рукоположении // ЛА Яковлева П. Д. Ф. 3. Оп. 1. Д. 2.

6. Постановления «троек» // ЛА Яковлева П. Д. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2-15.

7. Выписка из протокола. Письмо от Яковлева П. Д., пресвитера церкви МСЦ ЕХБ г. Екатеринбург. 06.04.2014 // ЛА автора. Ф. 8. Оп. 2. Д. 5.

8. Жертвы политического террора в СССР. URL: <http://lists.memo.ru/d13/f229.htm>

9. Интервью по анкете «Опросник для руководителей общин» с дьяконом церкви ЕХБ Плюсниным А. А., г. Серов. 23.04.2014. // ЛА автора. Ф. 2. Оп. 1. Д. 4.

Современное состояние буддийских общин Российской Федерации

Крупнейшей буддийской организацией Российской Федерации является централизованная религиозная организация (ЦРО) «Бурятская традиционная сангха России» (БТСР), которая номинально провозглашена как общегосударственная, но фактически эта организация занимается только вопросами буддизма в Бурятии, занимая в этом вопросе четкую националистическую позицию [1]. В период с 1946 по 1998 г. это действительно была единственная организация, объединявшая всех традиционных буддистов страны. Однако когда в 1997 г. буддисты Калмыкии и Тывы вышли из нее, то годом позднее был образован Межрелигиозный совет при правительстве РФ, в который вошел лишь глава БТСР, Пандито Хамбо-лама Д. Б. Аюшеев. Остальные буддисты по сей день не имеют представительства в МСР, а проявление политической активности БТСР на федеральном уровне имеет мало последствий для них. В качестве причины, по которой сохраняется исключительное положение БТСР, можно назвать прогосударственные взгляды Аюшеева («Когда меня спрашивают, почему я не иду против нашего главы, я говорю: “Я не могу идти, потому что он является для меня Белой Тарой, я не могу идти против своей богини”») [2] и его курс на независимость «бурятского буддизма» от иностранного (тибетского) влияния («Буряты получили буддизм от Дамба-Доржи Заяева, а он, в свою очередь, получил его в первом своем рождении от Будды Кашьяпы» [3]).

В свою очередь, общинам Москвы и Санкт-Петербурга присуще отсутствие доминирующей школы буддизма, однако в этих городах есть центральные религиозные организации, координирующие работу в регионах (Санкт-Петербургский «Буддийский центр Алмазного пути школы Карма Кагью», Московская Дзогчен-община «Ринченлинг»). Но тенденция к взаимодействию у представителей данных организаций слаба. По данным интервью с президентом буддийских центров Карма Кагью в России А. Ш. Койбагаровым: «С другими общинами бывает трудно работать: у них нет опыта, нет слаженности работы. Понимаете, это люди другого типа личности» [4, Л. 8].

Помимо наличия ЦРО, Москву и Санкт-Петербург часто посещают буддийские наставники, а некоторые из них постоянно проживают там. Это позволяет удовлетворять духовные потребности буддистов из прилегающих регионов Центральной России.

В 2013 г. на базе общин учеников геше Тинлея была организована ЦРО «Дже Цонкапа». В качестве «одной из главных причин» регистрации геше Тинлей назвал возможность «приглашать Его Святейшество Далай-ламу в Россию» от такой организации, «которая представляла бы всю Россию, а не только одну республику» [5]. Почти половина местных общин (8) в этой ЦРО расположены в городах Приуралья, Урала и Западной Сибири, т. е. регионах, отдаленных от современных центров российского буддизма и традиционно с буддизмом не связанных. Однако и эта организация не спешит совершать совместные действия с другими буддистами России, в данном случае силен фактор принадлежности к определенному учителю.

По нашим выводам, в тех уральских общинах, которые не являются МРО, заметны две тенденции: или спокойное существование без юридического статуса (дзен-община г. Екатеринбурга, община Тхеравады пос. Новый Кременкуль Челябинской области), или активные контакты со столичными ЦРО для получения такового («Путь Будды» г. Нижний Тагил, строящийся монастырь «Шадтчуплинг» г. Качканар).

Первый шаг навстречу подобным общинам делает «Центральное Духовное управление буддистов» (ЦДУБ), которое возникло в 1998 г. после конфликта внутри БТСР. Эта организация, базирующаяся в Москве, управляется четырьмя сопредседателями-представителями Калмыкии, Тывы, Бурятии и Москвы. Пока ЦДУБ принимает под свое крыло общины из европейской части России, так как, по данным интервью с Б. У. Китиновым, сопредседателем от республики Калмыкия: «...Урал и Сибирь для нас остаются непознанными. Они слишком далеко расположены от Москвы, просто невозможно знать о реальных событиях, не присутствуя на месте». Такое сотрудничество (не только по мнению ЦДУБ, но и некоторых буддистов Урала) остро необходимо для вывода буддизма в стране на качественно новый уровень.

---

1. *Филатов С. Б.* Буддизм в Бурятии: новые тенденции. URL: http://www.keston.org.uk/_russianreview/edition43/03-filatov-s-buryatiya.html

2. *Андреева О.* Так говорит Хамбо-лама. URL: <http://rusrep.ru/article/2013/05/15/lama>

3. *Махачкеев А.* Мы поддерживаем наших братьев – тибетских буддистов. URL: <http://www.info.tyvanet.com/2009/07/28/aodhyou-iiеоее-аоааесi-ia-ec-оеааоа-оаiаi-еаiа-aodhyоее-ааiаа-athоааа>

4. ЛА автора. Ф. 3. Д. 3.

5. Пресс-конференция: досточтимый Геше Тинлей отвечает на вопросы калмыцких журналистов. URL: <http://geshe.ru/node/3944>

Мониторинг идентичности русских уральцев (по материалам ЭтноЭкспедиции «Урал–2014»)

В течение трех лет, в 2012–2014 гг., ЭтноЭкспедиция проводила интервьюирование представителей разных народов Урала, в том числе русских, по анкете «Этнокультурное наследие и идентичность». В июле 2014 г. Центральным отрядом этнографической экспедиции в Артинском и Красноуфимском районах Свердловской области было собрано 148 анкет, 90 из которых – марийские, 30 – татарские и 28 – русские. От социологического анкетирования, предполагающего массовый опрос и репрезентативную выборку, этнографическое интервьюирование отличается тем, что позволяет выявить личные позиции собеседников, а не замер общественного мнения по заранее определенным параметрам. Наши собеседники из числа русских проявили как общие с другими уральцами, так и особенные черты идентичности.

Петр I.

Один из ключевых признаков идентичности состоит в определении референтных персонажей истории, что позволяет сделать пункт анкеты «Выдающиеся люди России (из истории)». По совокупности мнений респондентов, первое место осталось за Петром I – 67,9 %, второе разделили Жуков и Сталин – по 17,9 %, третье – Кутузов с 14,3 %. Почитание царя-реформатора характерно именно для русских, заметно снижаясь в позициях представителей других народов: у татар Петр набрал 42,9 %, а у марийцев – 29,3 %, хотя во всех случаях занял первое место. Подобные же тенденции были выявлены ЭЭ на Северном Урале в 2012 г. (Петра назвали 47 % русских, 39 % коми, 27 % хантов, 18 % нагайбаков) [1, с. 13]. Любопытно сравнение этого уральского тренда с всероссийским, где лидирует Сталин, а Петр делит второе место с Лениным [2].

Религия без религиозности.

Довольно интересны ответы на вопросы, касающиеся религии – респонденты тепло отзываются о православии, выделяя его в качестве отличия русского народа, сами не являясь верующими. Религию выделили в ответах на вопросы: «Самое ценное в культуре» – 10,7 % собеседников; «Главное в культурном наследии вашего народа» – 50 %; «Главное отличие вашего народа» – 42,9 %. В то же время на вопрос «Какие традиции вы соблюдаете в вашей семье?» религию не назвал ни один из интервьюируемых. Возможное объяснение – трансформация религиозной идентичности в культурную, православие в сознании людей отождествлено с их русскостью [3, с. 144–145].

Эту тенденцию можно наблюдать у опрошенных татар: 66,7 % считают ислам своим главным отличием, но лишь один человек на вопрос «Какие традиции чтят в Вашей семье?» выбрал религию. Марийцы же гораздо больше привержены своей религии – 30 %. Причина, возможно, в кризисе идентичности, вызванным русской ассимиляцией, и поиском национального стержня в традиционной религии [4].

Уральская идентичность.

Один из пунктов анкеты предполагает завершение фразы «Я считаю себя...» с вариантами ответа «россиянин» и «уралец». Респонденты не часто ставят региональную идентичность впереди государственной. Лишь 21,4 % опрошенных назвали себя уральцами (28,6 % – россиянами, 50 % не разделяют эти понятия). Эти результаты занимают промежуточное положение между ответами русских Южного и Северного Урала – там уральцев 72 % и 9 % [1, с. 13–14]. Среди татар и марийцев уральцами себя назвали, соответственно, 70 % и 66,7 %.

Украинский кризис.

В сравнении с анкетированием прошлых лет, летом 2014 г. резко актуализировался «украинский фактор» идентичности русских. Он обозначился в ответах на вопросы: «Главные проблемы в мире» – 10,7 %; «Темы разговоров с друзьями» – 7,1 %; «Темы, освещаемые в СМИ и касающиеся вашего народа» – 17,9 %. В этом же тематическом ряду стоит присоединение Крыма к России, названное в ответах на вопросы: «Значимые события в истории вашего народа» – 7,1 %; «Ситуации, в которых вы испытываете гордость за свою национальность» – 7,1 %; «Значимые события в истории России» – 17,9 % (больше только у Великой Отечественной войны); «Ситуации, в которых вы испытываете гордость, за то, что вы – гражданин России» – 21,4 %.

---

1. Головнев А. В. Уральские этнодиалоги // Уральский исторический вестник. 2013. № 2(39).

2. «Левада-Центр». Отношение к Сталину в России и странах Закавказья. URL: <http://www.levada.ru/sites/default/files/stalin.pdf>

3. Рыжова С. В. О соотношении православной идентичности и гражданского сознания // Гражданские, этнические и религиозные идентичности в современной России. М., 2006. С.141–169.

4. Иванова З. И. Марийское язычество: пережиток или основа этнокультурного самосохранения // Религии России: проблемы социального служения : сб. материалов конф. URL: <http://www.idmedina.ru/books/islamic/?2679>

Татаро-нагайбакский диалог (по материалам ЭтноЭкспедиции «Урал–2014»)

Нагайбаки – коренной малочисленный народ Южного Урала, который преимущественно проживает в Нагайбакском районе Челябинской области (села Фершампенуаз, Париж, Остроленка, Кассель) [1, с. 5]. В рамках ЭтноЭкспедиции 2014 г. (руководитель А. В. Головнёв) было выявлено, что нагайбаки тесно взаимодействуют с разными народами, проживающими на этой территории. Наиболее интересным межэтническим диалогом является взаимоотношения татар и нагайбаков. Сами нагайбаки говорят на диалекте татарского языка, и, согласно одной из версий, нагайбакский народ ведет свое происхождение от татар. В 1939 г. нагайбаки были причислены к татарам, долгое время в их паспортах в строке «национальность» было написано «татарин». При этом нагайбаки всячески отрицают свою связь с татарами, любое упоминание об их родстве вызывает у нагайбаков отторжение. Не исключено, что неприятие «статуса татар» заставили нагайбаков претендовать на включение их в перечень коренных малочисленных народов.

Большинство нагайбаков резко отрицают свое происхождение от татарского народа, поскольку их вера является христианской, а по социальному статусу в прошлом они принадлежали к казачеству. Кроме того, важной отличительной чертой их народа от татар является их славянская внешность. «Смотрите, я светлая, а татары темные, загоревшие, смуглые», – замечает потомственная нагайбачка [2, с. 86]. Нагайбакский язык, по мнению самих нагайбаков, отличается от татарского языка. «Язык он отличается все равно и от татарского и от башкирского языка. Он жестче, чем татарский» [2, с. 14], – делится наблюдениями нагайбачка. В полевых исследованиях нам часто приходилось слышать, что внутреннее чувство нагайбаков не позволяет отождествлять себя с татарским народом. «Я не татарин, я чувствую это здесь (знак, указывающий на сердце. – Е. М.)». Черты сходства с татарами либо не принимаются во внимание, либо трактуются по-своему.

Татары же в большинстве своем, считают нагайбаков частью своего народа, некогда отделившегося от него. Православная вера, славянская внешность и казачий статус нагайбаков не убеждают татар в обратном, так как татары считают, что у них, по крайней мере, общий язык. Один из татар, интервьюированный в ходе экспедиции в Нагайбакском районе 2014 г., дает следующий комментарий: «Что касается языка, то он у нас один». По мнению татар, нагайбаки когда-то предали мусульманскую веру, приняв христианство. При этом татары считают нагайбаков недостаточно религиозным на-

родом, так как церковь посещается ими редко, обычно по случаю церковных праздников или личной нужды. Даже сами нагайбаки признают этот факт. Нагайбачка на вопрос «Часто нагайбак ходит в церковь – молится?» отвечает «Наверное, нет. Кто крещеный – старается» [2, с. 31]. Татары утверждают, что «нагайбаки от мусульманства ушли, а к православию так и не пришли». Внутренне татары не признают нагайбаков отдельным народом, а считают их теми же татарами, некогда отошедшими от мусульманской веры.

С точки зрения нагайбака, татар Нагайбакского района можно разделить на две группы. К первой группе относятся коренные татары, которые уже в нескольких поколениях проживают среди нагайбаков. Эту группу нагайбаки не причисляют к чистым татарам, а говорят о них, что «это те же нагайбаки». Вторую группу составляют приезжие татары из других регионов. Пришлые татары вызывают у нагайбаков некое опасение, они не принимают их в свое сообщество. Если коренные татары для нагайбаков являются «своими», то пришлые татары могут навсегда оставаться «чужими» для нагайбакского сообщества.

Нагайбаки и татары мирно существуют и взаимодействуют на одной территории. Иногда они обсуждают между собой вопрос об истинной принадлежности нагайбаков, однако они осторожно пытаются обмениваться своими мнениями, стараясь не обидеть чувств своего собеседника. Такие диалоги сводятся к вопросу веры и завершаются примиряющей фразой: «Вера разная, а бог один». Наконец, татары и нагайбаки Челябинской области подвержены русификации, так как с каждым годом увеличивается численность русского населения. Это оставляет большой след на двух этих этнических группах и постепенно сглаживает их этнические особенности.

---

1. *Атнагулов И. Р.* Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX в. Магнитогорск, 2007.

2. АЭБ. Ф. 1. Д. 8. Прил. 1.

Е. А. Коптяева

Уральский федеральный университет

Этничность и соседские установки в представлении молодежи г. Екатеринбурга

Добрососедские отношения в наше время являются одним из важных аспектов современной жизни. Конечно, не стоит исключать влияния на отношения между соседями личностных факторов, но в целом представления

об «идеальном соседе» зачастую отражают имеющиеся в обществе социальные установки, в том числе и этнические стереотипы.

В 2014 г. автором были проведены исследования среди населения г. Екатеринбурга. В качестве основных методов использовались анкетирование и интервьюирование. Для написания данной статьи были проанализированы ответы молодежи. Возраст опрошенных ранжировался от 17 до 23 лет. Преимущественно это студенты высших учебных заведений. Собранные данные позволяют рассмотреть картину типичных межнациональных отношений, наиболее распространенных в указанной возрастной группе.

Акцент на молодежную возрастную группу был сделан в виду того, что в данный возрастной промежуток наблюдается определенное ориентирование на социальную группу, к которой человек принадлежит. Позиция молодежи – это в том числе и отражение установок родителей, учителей и других авторитетов. Соответственно, исследование этнических установок молодежи является хорошей возможностью выявить бытующие в обществе стереотипы, так как «младшие возрастные группы отличает в большей мере, чем зрелых людей, черно-белое восприятие действительности» [1, с. 119].

Для проведения исследования был использован специально разработанный автором вопросник. В данной работе использованы ответы информантов на вопрос относительно их потенциальных соседей: «Если бы у Вас была возможность выбирать себе соседей, представителей какой национальности вы бы выбрали? Почему?» Собранные данные были разделены на две группы в соответствии с гендерной принадлежностью респондентов.

Ответы, полученные от респондентов мужского пола, были поделены на несколько категорий в соответствии с их содержанием: «Этническая принадлежность соседей не имеет значения», «Среди соседей предпочтительны представители только своей национальности», «Имеются предпочтения в этнической принадлежности соседей». Самой малочисленной оказалась группа, предполагающая наличие предпочтений в отношении потенциальных соседей – 30 % опрошенных указали, что для них имеет значение национальность соседей и указали, кого именно хотели бы видеть. Чаще всего упоминались представители народов Кавказа («гостеприимные»), также были названы немцы («чистоплотные», «не лезут не в свое дело»), русские («их много», «давно живем вместе»). В равной степени представленными оказались группы ответов «Этническая принадлежность соседей не имеет значения» и «Среди соседей предпочтительны представители только своей национальности» – по 35 % ответов на каждую группу.

Ответы женской группы также были разделены на три точно таких же категории. Большая часть ответов могут быть отнесены к группе «Этническая принадлежность соседей не имеет значения» – 45 % от всех респондентов. Чуть меньшее количество респондентов (31 %) указали, что для них предпочтительнее, чтобы среди соседей были представители только их нацио-

нальности. В качестве аргументов было указано: «схожие традиции», «нет языкового барьера», «все поймут».

Меньшинство (24 %) указали, что для них имеет значение национальная принадлежность соседей и отметили, представители каких именно национальностей для них наиболее желательны. В частности, многие девушки желают видеть среди своих соседей любых европейцев («так как не любят жить сборищами»), особенно предпочтительны немцы, так как они «аккуратные». Также встречались ответы, где были указаны представители тех национальностей, которых респонденты бы не хотели видеть в числе своих соседей. В основном это выходцы с азиатской части Евразийского континента (китайцы, таджики).

Рассматривая полученные данные в совокупности, можно прийти к выводу, что для большинства респондентов (40 %) этническая принадлежность их соседей не имеет значения. Около 29 % обращают внимание на данный аспект и имеют определенные предпочтения в отношении соседей. И 31 % указали, что для них предпочтительнее всего, чтобы сосед имел ту же этническую принадлежность, что и они сами.

Можно предположить, что представления об «идеальном соседе» являются своего рода маркером межэтнических отношений. В случае распространения доброжелательных или нейтральных межнациональных отношений вопросам национальной принадлежности соседей либо будет уделяться минимум внимания, либо же будут указаны «желательные» национальности. Наличие же предубеждений против появления представителей той или иной национальности среди своих соседей является показателем определенной межэтнической напряженности. Анализируя полученные данные, можно предположить, что для студенчества г. Екатеринбурга характерны невысокие показатели межэтнической напряженности.

-
1. *Сикевич В. З.* Русские: «образ» народа (социологический очерк). СПб., 1996.

Н. О. Викулова

Забайкальский государственный университет

Многослойный памятник Усть-Менза-6 (Груздевая)

Многослойные памятники – это уникальные археологические объекты, которые позволяют проследить историю развития и формирования материальной культуры древнего человека в течение длительного времени. Стра-

тиграфическая позиция археологического материала в соотношении с технологического-типологическим анализом позволяет предварительно датировать культурные остатки и отследить элементы изменений в индустриях по мере смены климатических условий.

Территория Забайкалья особенно богата многослойными памятниками. Одним из наиболее ярких комплексов многослойных памятников является Усть-Мензинский. Чикойской археологической экспедицией Забайкальского государственного университета с 1980 г. проводятся систематические исследования Усть-Мензинского археологического комплекса, который расположен в Красночикойском районе Забайкальского края при впадении р. Менза в р. Чикой (бассейн р. Селенги). Археологический комплекс Усть-Мензинского урочища представлен многослойными поселениями, культурные горизонты которых относятся к периодам от среднего палеолита до железного века [1, с. 11]. Древние поселения располагаются на надпойменных террасах с I по VI. Наиболее изучены на данный момент поселения, связанные с нижними террасами.

В 2012 г. были впервые на базе Усть-Мензинского археологического комплекса были проведены крупные раскопочные работы на уровне V надпойменной террасы, 32 м над меженным уровнем р. Менза. Исследования проводились на поселении Усть-Менза-6 (Груздевая) в рамках раскопа площадью 54 м². В процессе изучения культуровмещающих отложений на поселении выделено семь культурных слоев, которые соотносятся с последовательно залегающими литологическими слоями. В 7 горизонтах залегания археологического материала совокупно зафиксировано 928 артефактов.

В культурном слое 2, выявленном в каштановой супеси, зафиксирована небольшая серия артефактов, в числе которых скребки, проколки, пластинки и отщепы. Особый интерес представляет грунтовое погребение. Оно заложено с подошвы культурного слоя два. Представлено полным скелетом взрослого человека в скорченном положении на боку. Скелет помещен в округлую погребальную яму размером 81х90 см. Глубина погребальной ямы – 70 см. Скелет и череп пропитаны охрой. Рядом со скелетом была найдена двугранная микропластинка размерами 4х0,7 см. Под скелетом на дне ямы зафиксировано небольшое скопление угля, пробы которого взяты на C14 датирование. Предварительно погребение отнесено к периоду мезолита.

На уровне культурного слоя 3 зафиксирована рабочая площадка, которая представлена большим количеством отходов производства, в виде чешуек и технических сколов, а также серии нуклеусов. Основные технологические приемы обработки камня соотносятся с материалами многослойных поселений Усть-Мензинского археологического комплекса. Наличие в орудийном наборе слоя 3 острий и долотовидной формы, использование в качестве основы для орудий главным образом отщепа коррелируется с Куналеем (слой 2), Мельничное 1 (слой 2).

Культурный слой 4 представлен хозяйственным комплексом. Поверхность обитания фиксируют несколько золистых пятен. Из заполнения наиболее яркого пятна получена радиоуглеродная калиброванная дата 21090 ± 350 (ЛУ-7206). Пластинчатый принцип снятий и орудийный набор, типичный для культурного слоя 4 позволяет соотносить его с материалами поселения Мельничная-2 (слои 2, 3), которое «демонстрирует мелкопластинчатую (без микротехники) индустрию и относится к средней поре верхнего палеолита 25–18 тыс. л. н.» [2, с. 172].

Археологический материал культурных слоев 5 и 7 представлен остеологическим материалом и единичными каменными инструментами среднепалеолитического облика в виде грубых однолезвийных скребел, остроконечников и выемчатых орудий, в сравнение с материалом из вышележащих слоев он весьма архаичен.

Сырьевой базой поселения на уровне культурных слоев 5–7 служил местный, в основном галечный материал; встречаются кварциты. Для культурных слоев 1–4 сырьевой базой служил приносной плитчатый материал, в основе кремнистый; местный галечник использовался редко. Стратиграфическая позиция культурных слоев и технолого-типологический анализ материалов поселения позволяет предварительно отнести: культурный слой 1 – к эпохе бронзы; культурный слой 2 – к мезолиту-неолиту; культурные слои 3–4 – к верхнему палеолиту; культурные слои 5–7 – к началу среднего палеолита.

В итоге можно сказать, что древнее поселение Усть-Менза-6 (Груздевая) – это многослойный памятник, который с большей или меньшей полнотой иллюстрирует этапы развития материальной культуры древнего человека от среднего палеолита до бронзового века. Изучение памятников такого рода крайне важно для формирования представлений о развитии и взаимодействиях культур на территории Усть-Мензинского урочища и западного Забайкалья в целом. Ранее работы на таких высоких террасовых уровнях Усть-Мензы не проводились, и представления о стратотипе этих отметок находятся на стадии формирования. Планируется дальнейшее изучение поселения Усть-Менза-6 (Груздевая) с целью выявления дополнительных материалов и подтверждения предварительных наблюдений.

---

1. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ – Чита, 1994.

2. Мороз П. В. Особенности каменных индустрий средней поры верхнего палеолита Западного Забайкалья (на примере стоянок Мельничная-2 и Мастеров Ключ) // Культурология и история древних и современных обществ Сибири и Дальнего Востока : материалы XLII РАЭСК. Омск, 16–19 апреля 2002 г. Омск, 2002. С. 170–172.

Лук и стрелы в военном деле аборигенов северо-западной Сибири (по данным фольклора и этнографии)

Оружие является одной из важнейших категорий археологического материала. В отличие, например, от орудий труда, оружие значительно более функционально детерминировано, поскольку ориентировано на один и тот же объект с однозначной целью. Степень его дифференциации и специализации в процессе эволюции определяется и стимулируется наряду с видовым и типовым многообразием, дихотомией внутри комплекса предметов вооружения, соответствующей двум альтернативным функциям: нападению и защите [1, с. 7]. В предлагаемой работе речь пойдет о луке и стрелах важнейшем компоненте культуры населения севера Сибири. Они могут быть рассмотрены в трех аспектах: лук и стрелы как атрибут воинов, оружие для промысла и предметы культовой практики.

Лук и стрелы – основное охотничье и боевое оружие сибирских жителей. Они упомянуты в сказаниях многих народов. Это основное, а нередко и единственное оружие воинов. Наряду с мифическими железными луками описываются образцы, имевшие реальные параллели в охотничье-боевой практике носителей фольклора. Например, ханты и ненцы использовали на нижнюю планку сосну или ель, а на верхнюю – береза. Особые требования предъявлялись сосне, использовали только дерево, выросшее на опушке леса или на склоне оврага обращенном к югу. Она отличалась повышенной прочностью, потому что под теплыми солнечными лучами хорошо пропитывалась смолой [2, с. 178].

Говоря о стрелах, следует отметить, что они имели наконечники из разных материалов, форм и размеров, определяемых назначением. Не каждый наконечник годился для боя. В мансийской героической «Сказке про Вищ-Отыр богатыря» воин в доспехах был неуязвим для «утиных и гусиных» стрел (очевидно, с костяными наконечниками). Лексика мифов свидетельствует о внутренней дифференциации среди охотничьих и боевых стрел. Например, мансийский термин «юнтуп сам нял» А.Н. Баландин перевел как «стрела с граненым шилообразным наконечником, легко проникающая в скважины панциря» [3, с. 174].

В фольклоре всех без исключения западно-сибирских народностей перестрелка из луков часто была решающим событием в общей схеме схватки. Именно она делила враждующие стороны на победителей и побежденных.

Все остальные фазы боя лишь корректировали это распределение, не изменяя его коренным образом. Обучение лучному бою начиналось в раннем детстве, поэтому войны и охотники в совершенстве владели этим грозным оружием, которым они могли эффективно пользоваться в любом положении: стоя, на коленях и даже лежа. Перед боем лучник старался занять удобную для стрельбы позицию, чаще всего доминирующую над местом битвы высот: крышу жилища, вершину дерева. Возможно, разные группы населения владели своими приемами стрельбы. По крайней мере, известно, что на р. Вах «ненцы стреляли, подняв высоко лук, ханты держали лук перед собой, стреляли в упор» [3, с. 184]. Перестрелка из луков, очевидно, была не только решающим, но и самым продолжительным этапом боя. Если лучная стрельба не выявляла победителя, войска сходились в ближний бой с использованием мечей, ножей, дубин и другого оружия.

О боевых построениях войск данных в фольклоре почти нет. Доминировала, судя по кратким упоминаниям, тактика рассыпного стрелкового строя. Они не умели сражаться сомкнутыми рядами, а дрались врассыпную, причем каждый выбирал себе противника, чтобы с ним схватиться. Строй рассыпанных среди деревьев лучников мог весьма эффективно решать свои боевые задачи, особенно при таком тактическом приеме, как ночное окружение. Практиковалась и более сложное многолинейное построение. Причем такое оперативное построение корректировалось маневром во время боя – например, передняя линия легковооруженных воинов залегла в период перестрелки из луков, чтобы в подходящий момент при поддержке стрельбы богатырей броситься в ближний бой. Встречалось и обратное построение стрелковых линий: переднюю – защитную на первом этапе боя и ударную на втором – составляла цепь воинов в защитных доспехах, позади выстраивались легковооруженные лучники [3, с. 184–185].

В данной работе лук и стрелы были рассмотрены, только в одном аспекте – военном. Изучение этих вещей как атрибутов промысловой и культовой практики требует дальнейшей работы.

---

1. Худяков Ю. С. Оружие как исторический источник. Новосибирск, 1990.

2. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003.

3. Яковлев Я. А. Вооружение и военное дело дорусского населения северо-западной Сибири (по материалам фольклора). Екатеринбург, 1993.

О преемственности погребальной традиции коптяковской культуры

В центре внимания – погребальные комплексы коптяковской культуры. Ее изучение начинается с середины 1960-х гг., когда К.В. Сальниковым был выделен коптяковский тип посуды [1, с. 7–10]. Но, несмотря на полвека исследований, долгое время она рассматривалась как маломощное объединение местного горно-лесного населения, испытавшего определенное воздействие со стороны южных соседей.

Серьезно изменили взгляд на коптяковскую культуру результаты раскопок памятника Палатки I под Екатеринбургом, где было исследовано несколько погребений и жилище коптяковской культуры, а также открытие памятника Шайтанское Озеро II неподалеку от Екатеринбурга (8 погребений). Захоронения исследованы при раскопках могильника Березки V-е (1 погребение) на побережье Аргизи [2, с. 151], на территории поселения Палатки I (8 погребений) [3, с. 95–107].

Захоронения совершены по обряду ингумации и кремации в грунтовых могилах, огражденных на поверхности каменными конструкциями. Большинство раскопанных погребений были разрушены более поздними объектами, и, возможно, по этой или иной причине многие из них оказались пустыми. В.Д. Викторова интерпретирует их как кенотафы. Одна могила на Палатках была устроена в скальном углублении и завалена камнями. В большинстве могил обнаружены бронзовые и каменные вещи: нож и шило (погр. 1), бронзовый пробойник, штырь с загнутым концом и три каменных наконечника стрелы (погр. 2), бронзовые подвески (погр. 3), обломки бронзового ножа (погр. 5), обломок бронзовой подвески (погр. 6), бронзовые подвески (погр. 10), бронзовый нож (погр. 7). Антропологические останки обнаружены в 4 захоронениях. В двух захоронениях были обнаружены останки взрослых в возрасте до 30 лет, а в двух других – дети 6–8 лет. Собственно в палаткинских погребениях горшки не стояли, но они стояли иногда рядом с могилами на уровне древней поверхности, отдельные фрагменты коптяковской керамики находились в заполнении могил. В погребении Березки V-е умершего, уложенного головой на восток, сопровождали сосуд, бронзовые нож и игла.

Предположение В.Д. Викторовой о появлении совершенно неизвестного здесь ранее погребального обряда [4, с. 54] не вполне справедливо, тем

более что среди известных энеолитических погребальных комплексов известны захоронения по обряду кремации и ингумации, полные и фракционные, детские и взрослые [5, с. 24–40; 6, с. 49–52]. Общей чертой является отсутствие сосудов в могилах. По набору этих признаков коптяковская обрядность вполне наследует черты предшествующего времени. К этому времени в лесостепной полосе от Урала до Иртыша археологически зафиксировано две основных погребальных традиции. Одна из них относится к степным культурам синташтинско-петровско-алакульской линии развития, а вторая продемонстрирована в могильниках сейминско-турбинского пласта (кротовско-елунинская линия) [7, с. 87]. К какой из них относятся коптяковские погребения сказать сложно – в распоряжении исследователей весьма ущербные данные о положении костяков и устройстве погребальных сооружений, т. к. почти все они разрушены более поздними объектами (по большей части, раннего железного века). Специфической особенностью могли бы быть каменные оградки, но были ли эти камни принесены целенаправленно или камни были вынуты при выкапывании могил и оставлены рядом? Второй вариант кажется предпочтительнее.

Открытие новых памятников, бесспорно, многое уточнит, выявятся какие-то локальные особенности, в т. ч. и связанные с геологическими особенностями горно-лесного Зауралья.

---

1. Сальников К. В. Некоторые вопросы истории лесного Зауралья в эпоху бронзы // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1964. Вып. 6. С. 5 – 23.

2. Петрин В. Т., Нохрина Т. И., Шорин А. Ф. Археологические памятники Аргазинского водохранилища (эпохи камня и бронзы). Новосибирск, 1993.

3. Викторова В. Д. Погребальные комплексы на острове Каменные Палатки // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Вып. 4. Екатеринбург, 2001. С. 95–107.

4. Викторова В. Д. Коптяковская культура в горно-лесном Зауралье // Третьи Берсовские чтения. Екатеринбург, 1997. С. 49–54.

5. Зах В. А., Скочина С. Н., Пархимович С. Г. Грунтовый могильник Чепкуль 21 на севере Андреевской озерной системы // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 24–41.

6. Чаиркина Н. М. Погребальные комплексы эпохи энеолита и раннего железного века Зауралья. Екатеринбург, 2011.

7. Корочкова О. Н. Взаимодействие культур в эпоху бронзы в Среднем Зауралье и подтаежном Тоболо-Иртыше (факторы, механизмы, динамика) : автореф. дис. ... докт. ист. наук. М., 2011.

«Текстильная керамика» как источник для изучения древнего ткацкого производства

Древние ткани, как и другие органические материалы, из-за их плохой сохранности лишь в исключительных случаях доступны археологу. Однако возможностью изучения древнего ткачества обладает «текстильная керамика», изготавливавшаяся по модели с использованием тканей, которые оставили отпечатки на стенках сосудов. Такие сосуды очень важны как для исследования ткацкого, так и керамического производства, а также при решении проблем общеисторического плана [1, с. 94]. Сосуды с текстильными отпечатками встречаются в коллекциях всех археологических эпох, в частности, они характерны для эпохи бронзы Южного Урала.

Изучение этого вида археологического источника ставит перед исследователем ряд первостепенных вопросов: о сырьевой базе текстильного производства, о типе переплетения того или иного полотна, о способе формовки сосуда. Американский ученый В. Холмс выделяет четыре типа возможных текстильных переплетений в древности. Первая группа - это самый простой тип переплетения – две нити расположены перпендикулярно друг к другу. Вторая группа – это тип ткани с двойным рядом нитей, переплетенных под прямым углом. Третья группа отличается тем, что нити основы утроены двойным рядом (как во втором типе переплетения), но переплетены таким образом, чтобы возможно было совместить два узла из противоположных рядов вместо одного и соединиться с каждым двойным рядом утка. Наконец, четвертая группа дает представление о наиболее интересном типе переплетения. Два ряда нитей переплетаются под прямым углом друг к другу, но расположены так, чтобы в итоге получилось диагональное переплетение [2, с. 401–418]. Данная работа предлагает очень удобную классификацию на основе типа текстильного переплетения, которое можно обнаружить на глиняной посуде. Безусловно, исследование только типа переплетения нитей по глиняному оттиску является неполным, и поэтому следует обратиться к следующему аспекту исследования «текстильной керамики» – характеристике сырьевой базы. В археологии выделен всего один относительно достоверный признак, на который можно опираться в процессе диагностирования сырья по тканевым отпечаткам, а именно: четкость и глубина этих отпечатков на поверхности сосуда. Его использовала М. В. Галиуллина, обратившись к ткацкому материаловедению. Данная наука различает три группы натуральных волокон: волокна растительного происхождения, волокна из шерсти животных и минераль-

ные волокна. Последние не учитываются, так как их использование в древности не выявлено.

Характерной особенностью волокон растительного происхождения является наличие в них лигноэлементов, которые сообщают запас дополнительной прочности. Следовательно, если ткань, отпечатавшаяся на керамике, имела в своей основе волокна растительного происхождения, то оттиснувшиеся элементы фактуры будут четкими и глубокими, что объясняется как раз наличием лигноэлементов в составе волокон. Волокна животного происхождения в своем составе не имеет лигноэлементов. Их основное свойство – извитость, то есть «...отклонение шерстяного волокна в сторону от мысленно проведенной прямой линии». Таким образом, наличие или отсутствие в отпечатках следов извитков и шипообразных «отростков» является признаком, который в совокупности с признаками четкости и глубины отпечатка позволяет сделать вывод о природе сырья, из которого была соткана оттиснувшаяся на поверхности керамики ткань [3, с. 95–102].

---

1. *Чернай И. Л.* Текстильное дело и керамика по материалам из памятников энеолита-бронзы Южного Зауралья и Северного Казахстана // Энеолит и бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1985.

2. *Holmes W. H.* Prehistoric Textile Fabrics of The United States, Derived From Impressions On Pottery. Third Annual Report of the Bureau of Ethnology to the Secretary of the Smithsonian Institution. Washington, 1884.

3. *Галиуллина М. В.* К реконструкции сырьевой базы ткацкого производства на поселении эпохи бронзы Аркаим. Челябинск, 2000.

СЕКЦИЯ II.

«АНТИЧНЫЕ ЭТЮДЫ»: КЛАССИЧЕСКАЯ ДРЕВНОСТЬ И ЕЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

В. С. Кондратьев

Тюменский государственный университет, Тобольский филиал

Архаическая Иония и Лидийская держава: проблема взаимоотношений

Иония, в силу своего геополитического положения, находилась на перепутье восточных культур и западного мира. Поэтому многие торговые пути пролегали через территорию расселения ионийцев. Многие культурные достижения, которые присущи восточным народам были знакомы и азиатским грекам. Так, ионийцы первыми начали использовать в своих интересах алфавит и первыми среди греков стали использовать деньги для совершения торговых сделок [1, с. 432].

Описывая отношения ионийцев с варварами на территории Ближнего Востока, необходимо остановиться на взаимоотношениях с Лидийской державой, которая оказывала заметное влияние на экономическое и культурное развитие области.

Отношения ионийцев с лидийцами носят длительный характер, и начались после переселения первых на территорию Малоазийского полуострова. На многих территориях Ионии бок о бок жили два народа. Страбон приводит в пример равнину Меандра. Она была заселена «лидийцами, карийцами, ионийцами (как милетцами, так и мисийцами), а также эолийцами из Магнесии» [2, XIV, I, 42]. При всем многообразии народов авторы не упоминают враждебного отношения народов друг другу.

И. С. Свентицкая отмечает, что лидийцы были заинтересованы в существовании греческих центров. Даже во время захватнических рейдов лидийские цари не делали попыток «аннексировать ионийские полисы и использовать их в качестве своих портов» [3, с. 256]. Геродот, описывая военные действия Аллиата против Милета отмечает, что царь не стал разрушать и сжигать дома жителей [4, I, 17], ограничился уничтожением хлебов.

Одной из составляющих политических отношений служила практика наемничества. Геродот в качестве примера приводит ситуацию с царем Крезом. После сражения с персами он ожидал подкрепления, а наемников распустил по домам [4, I, 77]. Скорее всего, это были греческие наемники, ибо царь бы не стал отпускать наемных воинов, которые жили бы далеко от Лидии. Абидос мог быть колонией милетских наемников, находящихся на службе у лидийского царя. Есть мнение, что лидийская монета появилась для оплаты труда ионийских наемников.

Стремясь поддерживать дружеские отношения, лидийские цари практиковали женитьбу на знатных ионянках. Геродот, отмечает, что лидийский царь Алиат был женат на ионянке [4, I, 92].

Важным составляющим отношений являлось вмешательство лидийского царя во внутренние дела ионийских полисов. В источниках мы не находим сведений о прямом вмешательстве лидийских царей во внутренние дела полисов. Исключение составляет борьба с тиранами. Во время военных действий Крезом был разрушен город Сидена. Причиной разрушения города стало то, что в нем скрывался тиран Главкий [2, XIII; 5, с. 42].

В тоже время цари оказывали поддержку греческим храмам. Алиатт после военных действий против Милета не только восстановил храм Афины, но и построил новый [4, I, 22].

Интересным представляется вопрос об отношении лидийских царей к ионийской колонизации Малой Азии. Лидийцы не препятствовали колонизации представленного района. Ионийцы с разрешения царя Гигеса основали колонию Абидос [2, XIII; 5, С. 22]. Колония занимала выгодное экономическое положение, так как была основана в одном из самых узких мест пролива Гелеоспонт. Через нее проплывали множество судов идущих в Черное море. Через Лидию греки могли осуществлять контакты с древними центрами восточных цивилизаций. Дружеские отношения давали и безопасную торговлю с лидийскими купцами и купцами из других восточных стран.

Из Лидии в Ионию поступало золото, серебро, электр, шерсть, одежда, обувь, изделия из бронзы, слоновой кости. Как отмечает Геродот, что «земля лидийцев богата серебром» [4, V, 49]. «Золотоносная» река Пактол в изобилии давала самородки и золотой песок. Множество изделий покупались ионийскими купцами. Так, в Милете имелся большой золотой щит, изготовленный в Лидии. В Эфесе «известные золотые коровы» [4, I, 92].

Столица лидийцев Сарды имела важное значение для ионийско-лидийской торговли. О Сардах можно говорить, как о главном пункте восточно-греческого «общего рынка». Здесь пересекались множество торговых путей.

Одной из статей экспорта ионийцев лидийцам были художественные изделия. Геродот, отмечает, что Аллиат принес «посвятительные дары» в Дельфы. Это была серебряная чаша, сделанная хиосцем Главком [4, I, 25]. В «Исто-

рии» есть упоминания о Феодоре, изделия которого имелись в царской казне и отличались «на редкость чудесной работой» [4, I, 51].

Одним из последствий экономической и торговой активности стала чеканка монеты ионийцами. Лидийцы «первыми из людей стали чеканить и ввели в употребление золотую и серебряную монету» [4, I, 94]. В VII в. до н. э. при царе Гигесе стала чеканиться монета из электрума, а в VI в. до н. э. при Крезе начали чеканить уже и золотую монету.

Лидийская культура в ходе своего исторического развития оказала влияние на греческую. Ионийцы восприняли от своих восточных соседей новые идеи и формы в области религии музыки. Греческая традиция тесным образом связывает культ Диониса с Фригией и Лидией, а также матерью богов Кибелой. Считалось, что культ Диониса отличен от греческой религиозной традиции и был связан с неистовыми танцами, захватывающей музыкой и неумеренным пьянством. В. Буркерт приводит несколько этимологий происхождения греческих имен «Вакх» и «Дионис» из лидийского и фригийского языков: «виноградная лоза», «плакать» [5, с. 269]. Однако он указывает только о наложении на греческие традиции варварских элементов.

В архитектуре мы также встречаем следы влияния лидийского зодчества. Храм Артемиды в Эфесе был украшен обильными мраморным резным орнаментом и скульптурой, правильными ионическими капителями с завитками (волютами), а также колоннами.

Как отмечают исследователи, восточногреческие мастера работали и при дворе лидийских царей. Были обнаружены фрагменты стенных росписей в Сардах и других лидийских городах. Данный факт свидетельствует о высоком уровне ионийских мастеров и об их знакомстве с варварской культурой.

Отношения ионийских полисов и Лидии строились с учетом интересов последних. Это было связано с военной экспансией лидийских царей. Однако отношения были доброжелательными и взаимовыгодными. Они основывались на торговом и военном сотрудничестве. Важным остается тот факт, что лидийские цари вмешивались во внутренние дела полисов. Однако их вмешательство было крайне редким. Как отмечает С.Я. Лурье, из-за неимения собственного флота лидийцы отдали ионийцам всю морскую торговлю. Поэтому греки не тяготились лидийским господством, так как оно было для них скорее выгодным [6, с. 136].

---

1. Лантева М. Ю. У истоков древнегреческой цивилизации: Иония XI–VI вв. до н.э. СПб., 2009.

2. Страбон. География. М., 1994.

3. Свентицкая И. С. Греческие города в составе Лидийского царства // Древние цивилизации. Греция. Эллинизм. Причерноморье. М., 1997. С. 252–265.

4. Геродот. История. Л., 1972.

5. Буркерт В. Греческая религия: Архаика и классика. СПб., 2004.

6. Лурье С. Я. История Греции. СПб., 1993.

Е. В. Ляхин

Тюменский государственный университет, Тобольский филиал

Спарта: от античного полиса к римскому муниципию

Сколько хорошо ни была бы изучена история Древнего Рима, все же имеются множество белых пятен, исследование которых требует завершения. В числе этих белых пятен история отдельных областей, городов и местностей, из которых складывается представление о римской цивилизации.

Римляне подчиняют Грецию в 146 г. до н. э., благодаря стараниям консула того года Луция Муммия, прозванного за это событие «Ахейским». Причина, по которой римляне дали такое название своей новой провинции, объясняет Павсаний: «Римляне называют его не наместником Эллады, а Ахайи, потому что эллины были покорены римлянами из-за ахейцев, имевших тогда гегемонию над всей Элладой».

Римляне появились в Греции в 146 г. до н. э. после ее завоевания консулом Луцием Муммием, прозванным за это Ахейским. Как сообщает Павсаний, название провинции Ахайя появилось, из-за того, что римлянам оказал сопротивление Ахейский союз. Провинциальное управление появилось лишь с Октавианом Августом в 27 г. до н. э. [1, с. 80]. Во главе провинции был поставлен проконсул преторского ранга. Резиденцией наместника был город Коринф – римская колония, основанная по указу Цезаря в 44 г. до н. э. Положение отдельных городов Греции в эпоху Поздней республики и Ранней империи изучено, через призму в основном Афинского полиса. Но известной альтернативой Афинам выступал Спартанский полис, который своей известности и месту в истории Античности занимает лидирующее положение. Что же произошло после римской оккупации с этим известным городом?

Спарта после похода Луция Муммия в Ахайю получила наивысший статус – *civitatis liberae et immunis*. Это связано с позицией Спарты в войне Рима против Ахейского союза. Но Лакедемон к 146 г. до н. э. уже давно был расчленен ахейцами, а потом и сенаторской комиссией на отдельные части: Спарта и окрестности, города периеков были объединены в так называемый союз «свободных лаконцев». Лаконские илоты получили свободу. Такое расчленение когда-то сильного государства связано с традиционной

римской провинциальной политикой. Римляне не вмешивались во внутренние дела Спарты, оставляя все как было до них, но негласно поддерживали олигархическую форму правления в полисе. Отчасти сохранение полисной организации диктовались условиями завоевания; стремясь приобрести поддержку, Рим пользовался лозунгом эллинистической свободы. Еще в 196 г. до н. э. на Истмийских играх римляне провозгласили свободу эллинов. Другая причина сохранения полисной организации заключалась в том, что Рим не мог ничего противопоставить полису. Такое расчленение лаконских полисов было связано с нивелированием Лакедемона как сильного полиса Пелопоннеса, угрожавший стабильной жизни Греции в качестве римской провинции.

Сама Спарта после провинциальных реформ Октавиана Августа контролировала лишь долину реки Эврот, но не до порта Гитей. Богатый порт вошел в союз так называемых «свободных лаконцев» и более не входил в ареал хоры Спарты. Внутриполитический строй Спарты по сравнению с классическим периодом претерпел весьма значительные изменения. Спартанское общество, еще в конце Классики, несмотря на старинные законы Ликурга, расслоилось. Аристократия Спарты контролировала полис и хору, правили в основном 100 спартанских аристократических семей (гомеи). Потомки тех самых спартиатов, которым некогда Ликург выделил клеры в Лаконике. Ко II в. до н. э. эти аристократические семьи объединялись вокруг тирана, наиболее известный из которых был Набис. Эта традиция сохранилась и после римской оккупации. О. В. Кудрявцев называет такую форму правления аристократической тиранией [1, с. 210]. Носителями ее были Гай Юлий Эврикл при Августе, Гай Юлий Лакон при Тиберии. Судя по именам, спартанская аристократия получила римское гражданство и поддерживала с римлянами дружественные отношения.

Утратили свое значение традиционные спартанские институты. Герусия, или совет старейшин, состоящий из 28 старцев и двух царей. Спартанские цари ушли с исторической сцены еще в эпоху Эллинизма. Герусию упразднил Клеомен III (235–222 гг. до н. э.), заменив ее коллегией патрономов. Известно, что после вторжения Ахейского союза (188 г. до н. э.) оба эти органа были окончательно уничтожены. Единственный орган власти Древней Спарты, который не упраздняли ни разу, – это народное собрание, которое придавала легитимность власти тиранов и в римское время.

Таким образом, Спарта вошла в римскую эпоху как полностью изменившийся полис, который не имеет ничего общего со Спартой Архаики и Классики. Эллинистический мир изменил спартанское общество и государство, постоянные войны сократили сословие спартиатов и обескровили Спарту. Обессиленный и полностью эллинизированный Лакедемон продолжал трансформироваться в римский город. На всем протяжении римской исто-

рии спартиаты не поднимали восстаний, как это было в Димах, Афинах и т. д. Спарта стала полностью лояльным римской власти полисом. Аристократия признавала Рим и его власть, и даже копировала его обычаи и традиции.

---

1. *Кудрявцев О. В.* Эллинские провинции Балканского полуострова во II в. н. э. М., 1954.

Ф. В. Рассохин

Уральский федеральный университет

Когда и сколько дней праздновали Гимнопедии в Спарте

Имеющиеся в нашем распоряжении источники позволяют заключить, что какой-либо четкой привязки Гимнопедий к конкретному месяцу по григорианскому календарю не существует. Так, сообщение о поражении спартанцев в битве при Левктрах, состоявшейся в июле [1, p. 79, Note 5], достигло Лакедемона в последний день Гимнопедий (Xen. Hell. VI. 4.16., Plut. Ages. 29. 3.), Демарат покинул Элладу в начале лета [2, p. 460], вскоре после того, как на этом же торжестве слуга Левтихида оскорбил его (Hdt. 6.67), а демократический переворот Аргосе 417 года до н. э. (Thuc. V. 82) случился в конце лета [3, p. 82], опять же во время данного праздника. Однако говорить о плавающей дате не приходится, ведь, как убедительно доказал Б. Меритт, по спартанскому календарю Гимнопедии справлялись в начале карнейского месяца, который, в свою очередь, мог совпадать с аттическими гекатомбеоном, метагитнионом и боэдромеоном, а значит мог приходиться на месяцы с июня по сентябрь по нашему календарю [3, p. 70–84]. Таким образом, высказывания некоторых исследователей о том, что Гимнопедии справлялись в «июле» [4, s.v. Gymnopaedia], «июне» [5, с. 288. Прим. 19], «гекатомбеоне» [6, p. 222, Note 4], «в середине лета» [1, p. 79] и даже просто «летом» [7, с. 491] следует считать некорректными.

Теперь логично будет попытаться реконструировать программу Гимнопедий. Ядром праздника, безусловно, являлось состязание хоров, причем победителей определяли, по крайней мере, в двух «номинациях». Афиней сообщал, что хоры на празднике были двух видов: мальчиков и наиболее храбрых мужчин (Athen. 678 с), причем первые выступали рано утром (πρὸς ἑω), а вторые после полудня (ἐξ ἁρίστου). Соперничающие «команды», очевидно, формировались из об, которых в Спарте насчитывалось ровно пять. Таким образом, если считать, что Гимнопедии начинались с выступления хора мальчиков первой обы и заканчивались выступлением мужчин послед-

ней, то праздник длился пять дней. Достоверно же установить, проходили ли параллельно с указанным конкурсом или предшествовали ему бои мальчиков и игры с мячом, о которых сообщал схолиаст Платона (Schol. Plato Legg. 633.b-c) [Цит. по: 8, р. 42], не представляется возможным. На основании фрагмента Фукидида (V. 82) можно, пусть и с известной долей осторожности, сделать вывод, что Гимнопедии все-таки длились больше пяти дней, ведь перечисленный им круговорот событий вряд ли мог произойти в считанные дни. Здесь же стоит упомянуть и сообщение Плутарха (De Mus. 9), где говорится о том, что Фалет и другие поэты установили не сам праздник, а «то, что относится к Гимнопедиям в Лакедемон» [9, с. 23. Прим 14], а именно состязания хоров. Таким образом, принимая во внимание тот факт, что до этого существовала некоторая программа, отменять которую, очевидно, никто не собирался, можно предположить, что именно она и предшествовала музыкальному конкурсу. Также стоит упомянуть и о том, что в справочной литературе без указания на какие-либо источники время от времени проскальзывали мнения, что Гимнопедии длились «возможно, десять» [4, s.v. Gymnopaedia], «приблизительно пять» [10, s.v. Gymnopaedia], «шестьдесят» [11, s.v. Gymnopaedia], дней. Нельзя промолчать и о построениях Болта [12, s. 79], который пытался доказать, что, помимо названных двух категорий, на празднике присутствовали еще и «неженатые мужчины», которые выступали вечером. Базируется данное утверждение на предположении о наличии лакуны в тексте Афиней. В действительности же ничего подобного Афиней писать не собирался [1, р. 79, Note 2], ведь из сообщения Ксенофонта становится ясно, что выступление хора мужчин завершало праздник.

-
1. *Wade-Gery T. H.* A Note on the Origin of the Spartan Gymnopaediai // *The Classical Quarterly*. 1949. Vol. 43. Is. 1–2. P. 79–81.
  2. *Muller C. O.* The history and antiquities of the Doric race. Vol. II. London, 1839.
  3. *Meritt B. D.* The Spartan Gymnopaedia // *Classical Philology*. 1931. Vol. 26. № 1. P. 70–84.
  4. A dictionary of Greek and Roman Antiquities. London, 1898.
  5. *Ксенофонт*. Воспоминания о Сократе. М., 1993.
  6. The laws of Plato. Vol. I. Manchester, 1921.
  7. *Фукидид*. История. Л., 1981.
  8. *Petterson V.* Cults of Apollo at Sparta. The Hyakinthia, the Gymnopaediai and the Karneia. Stockholm, 1992.
  9. *Зайков А. В.* Фалет Критский в Спарте // *Исседон*. 2002. Т. I. С. 16–35.
  10. *Harpers Dictionary of Classical Literature and Antiquities*. N-Y., 1898.
  11. *Любкер Ф.* Реальный словарь классических древностей. М., 2007.
  12. *Bölte F.* Zu lakonischen Festen // *Rheinisches Museum für Philologie*. 1929. № 78. S. 124–143.

Причины первого приезда Платона ко двору Дионисия Младшего

Одной из ярких страниц биографии Платона являются его поездки в Сиракузы к тиранам Дионисиям. Особый интерес вызывает его приезд на Сицилию к молодому правителю Дионисию Младшему. Выяснение причин данной поездки помогут понять личность мыслителя и его воззрение на общественное устройство. Основными источниками по данной проблеме являются Плутарх, Диоген Лаэртский и письма самого Платона.

В это время в Сиракузах сложилась сложная политическая ситуация. К этому времени Платон не прерывал связей со своим другом Дионом, который был важной фигурой при правителе, его родственником. Между ними шла постоянная переписка, и Платон всегда был в курсе городских событий. С тех пор, как Платон ездил в Сиракузы, прошло 20 лет. За это время умер Дионисий Старший, и трон занял его сын [1, с. 52].

Дион подчеркивал, что юноше было всего 20 лет, он поддавался сторонним влияниям, а также, что он хочет улучшить жизнь страны, так как сам страдал от строгости своего отца [2, с. 484]. Дионисий Младший из-за маниакальной подозрительности отца был под постоянным надзором его прислужников. Дионисия ограничивали во всем, и особенно в образовании. И Дион говорит Платону, что юноша – *tabula rasa*, и что из него, посредством бесед с Платоном, можно сделать хорошего правителя, поскольку задатки в юноше были [3, с. 284]. Дион говорил о том, что, наконец, разум и власть могут соединиться в лице Дионисия. Платоном двигала идея, что при тирании легче, чем при других формах власти произвести кардинальное переустройство, так как власть одного человека крепче, чем большинства, и гораздо быстрее выполняется [4, с. 264], но чтобы решения были благородными необходимо, чтобы такой правитель был склонен к философии, так как она ближе всего к истине. И именно таким правителя после дальнейших размышлений Платон себе и представлял юного Дионисия.

Также Дион писал Платону, что многие жители Сиракуз жаждут избавиться от отрицательных пережитков тирании Дионисия Старшего и с радостью бы встретили у себя Платона [2, с. 485]. Помимо этого, Дион оповещает о том, что действовать необходимо быстро, поскольку дурное влияние со стороны противников преобразований может сгубить юного правителя [5, с. 73]. К счастью, в это время влияние Диона на Дионисия было самым внушительным и могущественным, чем влияние только что вернувшегося из ссылки военачальника Филиста, которого постарались вернуть сторонники военного самодержавия. Они считали, что Дион при помощи Платона собирается захватить власть. И эти опасения оказались не безосновательными [6, с. 696].

Дионисий и сам желал научиться мудрости у Платона, что он выразил в письме, где упоминалось, что при нем будут люди, которые помогут ему в преобразованиях. Э.Д. Фролов отмечал, что новый наследник был слабохарактерным и малоинициативным человеком, к тому же плохим военачальником, так как после прихода к власти сразу запросил мира у карфагенян [7, с. 466].

Платон не сразу согласился на приезд к Дионисию Младшему, поскольку еще помнил события давнего прошлого, когда жизнь философа висела на волоске из-за Дионисия Старшего. Но все же Платон принял приглашение Диона приехать в Сиракузы в 367 г. до н. э. [1, с. 55].

С появлением на политической сцене нового правителя началась «внутрипартийная борьба» за влияние на Дионисия. Основными силами были Филист с настроенными в защиту тирании придворными и Дион, который выступал за демократические тенденции или за просвещенную тиранию, где он и нашел точки соприкосновения с Платоном. Афинский философ едва ли мог отказаться от соблазна создать в реальности государство, в котором бы царил закон и порядок, хотя этот идеал и отличался от того, что он описал в «Государстве». Это была бы возможность проверить теорию на практике. Вероятно, это и было главной причиной приезда Платона на Сицилию, хотя популярность среди жителей Сиракуз, рвение самого Дионисия и желание встретиться с Дионом тоже оказали свою роль.

-
1. Могилевский Б. М. Платон и сицилийские тираны: мудрец и власть. М., 2005.
  2. Платон. Собрание сочинений в 4-х томах. М., 1994. Т.4.
  3. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. М., 1964. Т.3.
  4. Фролов Э. Д. Соблазн для мудреца: Платон и тирания // Парадоксы истории – парадоксы античности. СПб, 2004. С. 260-265.
  5. Лосев А. Ф., Тахо-Годи А. А. Платон. Жизнеописание. М., 1977.
  6. The Cambridge Ancient History Cambridge, 1994. Vol.6: The Fourth Century B.C.
  7. Фролов Э. Д. Греция в эпоху поздней классики. Общество. Личность. Власть. СПб., 2001.

Н. В. Поплавская

Вологодский государственный университет

Взгляды Р. Ю. Виппера на античную демократию

Роберт Юрьевич Виппер (1859–1954 гг.) жил в эпоху становления отечественного антиковедения, с 1897 по 1922 г. был профессором Московского университета. Ученый занимался исследованием различных проблем.

Мы рассмотрим его точку зрения на становление и развитие демократии в античности. Его концепцию можно проследить в учебном пособии «Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи» (1905 г.) [1], составленном на основе курса Р. Ю. Виппера в МГУ.

Виппер оценивал афинскую демократию как высший политический и социальный продукт греческой культуры. Главной движущей силой развития афинской демократии историк считал социальную борьбу свободного населения. Р. Ю. Виппер не считал Солона (ок. 635 – ок. 559 гг. до н. э.) основоположником афинской демократии. Образ Солона был целенаправленно создан в поздней литературе [1, с. 128].

Истинным родоначальником демократии он называл Клисфена (596–565 гг. до н. э.), выделял его реформу фил, позволившую изменить старинные группировки аристократии. Р. Ю. Виппер отмечал, что его «конституция» давала широкий простор самостоятельной жизни «земледельческого класса», на который она опиралась [1, с. 131].

Он считал, что действия Перикла (494–429 гг. до н. э.) не отличались радикальностью. Губительным для демократии было увеличение взносов для союзников и взимание с них недоимок, что привело к краху демократии, которая держалась на деньгах этого союза. Деятельность Перикла была завершением афинской демократии и началом ее разложения [1, с. 181].

Создание Афинской морской державы (431 г. до н. э.) способствовало «торжеству» демократии. Афины тогда были центром Греции, местом скопления сил и средств, что повлияло на усиление борьбы партий. Наибольшего успеха во время Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). Афины смогли добиться именно во время расцвета демократии.

По Випперу зачатки демократии в Риме были со времени трибуната Гракхов (Тиберий был избран в 133 г. до н. э., Гай – 123 г. до н. э.), с этого времени народное собрание стало «активной ареной политики» [1, с. 299]. «... с именем этого великого трибуна (Тиберия Гракха. – *Н. П.*) связывают преимущественно аграрную реформу, устройство крестьянских наделов из казенной земли...» [1, с. 299]. Он также отмечал закон о сокращении срока службы и ряд других: «...В трибунате Тиберия Гракха впервые остро стали новые конституционные вопросы; в основе их лежала борьба различных групп гражданства из-за новых имперских богатств...» [1, с. 300]. После вступления в должность Гая Гракха усилилась роль оппозиции.

В эпоху империи историк считает демократию чуждой, искусственной: «...римская демократия – создание новых политических обстоятельств, в значительной мере результат самой империи и принесенного империей разорения старинных народных классов...». У народных масс не было представителя в сенате, а «...вожди демократии «популярны», большею частью своей сами принадлежали к высшему классу...» [1, с. 297].

Виппер писал, что «при сравнении римской демократии и афинской, резко бросается в глаза и слабость первой, и более короткий срок ее активного выступления, какие-нибудь 50 лет» [1, с. 296]. Историк отмечает, «демократические общества Греции и Италии были слишком малочисленны и одиноки ... империализм вырастал в виде одностороннего господства, и, в конце концов «становился могильщиком» создавшего его общества...» [1, с. 188].

Многие историки как современники Р. Ю. Виппера, так и современные ученые обращают внимание на его работы. А. П. Данилова [2], Т. Б. Перфилова [3], Д. М. Володихин [4] считают, что Виппер неординарно подходил к изучению событий прошлого.

Характерное для Виппера «осовременивание» истории, наполнение событий прошлого чуждыми терминами (крестьянство, пролетариат, империализм) отмечают все исследователи. Т. Б. Перфилова пишет: «Смещенные хронологические пласты можно обнаружить, к примеру, в «Лекциях по истории Греции». В учебниках Р. Ю. Виппера сочетались наглядность с теоретическими рассуждениями, образность – с глубокими выводами» [3, с. 20].

Д. М. Володихин доказывает своеобразие и нестандартность в трудах историка: «Характерными чертами творческого стиля Р. Ю. Виппера являются адогматичность мышления, склонность к полемике, известному гиперкритицизму... Виппер тщательно следил за изяществом изложения и был склонен к афористической модели повествования» [4, с. 153].

А. П. Данилова признает заслуги историка в изучении экономических факторов античной истории: «Р. Ю. Виппер был одним из крупнейших представителей социально-экономического направления в русском антиковедении» [2, с. 170–171].

Несмотря на своеобразие метода, приемов, терминологии Р. Ю. Виппера, его работы по истории античности не утратили актуальности для современной исторической науки.

---

1. *Виппер Р. Ю.* Лекции по истории Греции. Очерки истории Римской империи. Ростов н/Д., 1995.

2. *Данилова А. П.* Р. Ю. Виппер как историк античности // Вестник древней истории. 1984. № 1. С. 160–174.

3. *Перфилова Т. Б.* Образ античной истории в «умственных разрезах» Р. Ю. Виппера. Ярославль, 2006.

4. *Володихин Д. М.* Критика теории прогресса в трудах Р. Ю. Виппера // Вопросы истории. 1999. № 2. С. 153–163.

Эволюция понятия «Любовь»: от Плотина к Максиму Исповеднику

Сегодня, на фоне быстротекущих социальных процессов, появляются вопросы, связанные с таким важным явлением человеческой культуры, как понятие «любовь». В российских условиях особенно важным является взгляд на данные вопросы, выработанный в Византии, поскольку именно эта страна оказала огромное влияние на славянское государство [1, с. 15]. Но здесь встает проблема, связанная с соотношением подлинно христианской мысли Византии, а также мысли языческого мира. Соответственно, целью исследования ставится определить влияние античной мысли на христианскую философию на примере понятия «любовь», а также определить изменение понимание данного понятия.

Достаточно яркой фигурой эллинистической мысли III в. н. э. предстает неоплатоник Плотин. Рассмотрим его понимание термина «любовь». Это очень удобно сделать, если обратиться к третьей книге из его Эннеад, главе 5 «О Любви» (Περὶ ἔρωτος). Само название отрывка, если посмотреть греческий оригинал, отсылает нас к платоновской позиции, высказанной в диалоге «Пир». Согласно древнегреческому мыслителю, любовь не является чисто духовным понятием, она неразрывно связана с телесностью (в диалоге исключительно используется слово «ἔρως»), однако любовь – это нечто, что ступенчато способно возводить человека к бессмертию, к вечности, к благу. В более широком контексте исследуемое понятие Платона носит антропологический, а также этический характер. Плотин, допытываясь вопроса о природе любви, приходит к отличительному от Платона выводу: любовь – это и бог, и небесный гений, а также состояние души. Любовь же как божество – это эманация мировой Души, устремленной к Божественному Уму [2]. Отсюда можно говорить о некоторой «онтологизации» любви в системе данного неоплатоника.

Перейдем к Максиму Исповеднику, византийскому автору уже VI–VII в. н. э. Аристократ по рождению, получивший хорошее светское образование [3, с. 507], он, безусловно, был знаком с эллинистической философией. Можно выделить два его произведения, которые затрагивают рассматриваемые вопросы: «Главы о любви», которые были достаточно широко известны в русской культуре [4, с. 14]; «Послание к Иоанну Кубикуларию о любви». В данной работе будет рассмотрено именно послание, адресованное Иоанну Кубикуларию. Судя по всему, Иоанн был близким другом Максима. Это не первое письмо, между адресатами и до этого велась активная переписка

по богословским вопросам. В контексте данной работы интересно будет заметить, какие слова использует автор послания для обозначения слова «любовь». Это греческое слово «ἀγάπη». Конечно, для христианской культуры это не ново, можно вспомнить знаменитую 13-ю главу о любви апостола Павла из первого послания к коринфянам. Аналогичный термин, который используется апостолом Павлом, предполагает определенное исключение телесности, телесная сторона любви здесь просто не рассматривается. Именно эту позицию, очевидно, наследует Максим Исповедник. Однако такая духовная любовь в рассмотрении Максима Исповедника является связующим элементом между Богом и человеком [5], соответственно это понятие рассматривается им как этическая, онтологическая, а также антропологическая категория. Любовь – это то, что приводит человека к Богу, то, что делает его цельным, по другому, восстанавливает его природу («...возобновив силу любви...Бог...воссоздает человека в единстве смысла и бытия» [5]).

На основе рассматриваемого материала можно сделать некоторые выводы о том, что эллинистическая традиция рассматривают понятие любви в более «страстном», телесном контексте, используя греческий эквивалент ἔρως, в отличие от Максима Исповедника, наследующего христианскую традицию употребления слова ἀγάπη, которое подразумевает чистую духовную любовь. Однако в понимании любви у двух мыслителей присутствуют онтологический, антропологический, этический компоненты, степень акцентуации которых разнится. Для Плотина и Максима Исповедника по нарастающей онтологический фактор оказывает существенное влияние на оценку понятия, что свидетельствует творческом взаимодействии христианской и языческой мысли, данный факт несколько по иному высвечивает значение неоплатонизма для христианства.

---

1. *Ионайтис О. Б.* Византия и Русь: развитие философских традиций. Екатеринбург, 2002.

2. *Плотин.* Эннеады // Библиотека Фонда содействия развитию психической культуры. URL: <http://psylib.kiev.ua/>

3. *Дворкин А.* Очерки по истории Вселенской Православной Церкви. Н. Новгород, 2008.

4. *Сидоров А.* «Главы о любви» преп. Максима Исповедника как шедевр древнецерковной святоотеческой письменности // Преп. Максим Исповедник. Главы о любви. М., 2013.

5. *Преп. Максим Исповедник* // Портал «Предание». URL: http://predanie.ru/lib/html/67926.html#TOC_id2583706

СЕКЦИЯ III.

«ЧЕЛОВЕК МЫСЛЯЩИЙ»: ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ, ТЕКСТОВ, ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

С. О. Тарасов

*Удмуртский институт истории, языка и литературы
Уральского отделения РАН*

Пути обхождения историографических трендов (на примере В. А. Попова, Н. М. Гиренко, П. Л. Белкова, В. В. Бочарова)

Данный доклад имеет характер заметки о социологии науки и преследует цель показать некоторые пути обхождения историографических трендов, сложившихся в постсоветской отечественной историографии проблем политогенеза.

Современная отечественная историографии проблем политогенеза произвела значительные заимствования из схемы социально-политической эволюции, предложенной американскими неозволюционистами (М. Саллинз, Э. Сервис) и дополненной европейскими учеными (Х. Дж. М. Классен, П. Скальник).

По мнению неозволюционистов, разлагающееся первобытное общество сменяет ряд ранних форм политической организации на пути к государству: это локальная группа => община => вождество => раннее государство. В рамках данной схемы, вошедшей в академические издания, сегодня протекает основное теоретизирование по вопросам государствообразования. Таким образом, использование терминов «вождество» и «раннее государство» образует тренд [1, с. 16].

В то же время можно выделить группу авторов, которые, несмотря на использование элементов этого терминологического ряда в постсоветское время, отнеслись к нему критично. Так, В. А. Попов отождествляет термин «вождество» с «классическим племенем» [2, с. 149]. Схожих позиций придерживается Н. М. Гиренко, предложивший свою типологию племени;

он называет племя-вождество высшим типом племени [3, с. 265]. Еще радикальнее племя и вождество совмещают П. Л. Белков и В. В. Бочаров. Первый замечает, что «можно говорить о племени как об “инобытии” вождества» [4, с. 42].

Данные исследователи, с одной стороны, принимают сам термин на вооружение, но с другой – действуют в рамках предыдущей историографической традиции (еще академик Ю. В. Бромлей выделял два типа племени: племя как этническую общность и племя как общность этно-потестарную).

Сближает В. А. Попова, Н. М. Гиренко, П. Л. Белкова и В. В. Бочарова отношение к раннему государству. Все они, так или иначе, отказываются от использования этого термина. Н. М. Гиренко и В. В. Бочаров просто не употребляют его, в их работах вождество совершает «прямой скачек» в государство [3, с. 304; 5]. В. А. Попов предпочитает говорить о возникнувших в древности, вследствие процессов имущественной дифференциации, разложения родоплеменного строя – первичных государствах и государствах вторичных, где политогенез обгоняет процессы классообразования. Отсюда автор делает вывод, что нет никаких ранних государств – это просто вторичные государства [6].

Наиболее острой критике концепцию раннего государства в постсоветской историографии подверг П. Л. Белков, который полностью отказывается от данной формы политической организации – средства управления в терминологии автора (инициация – вождество – государство) [7]. Свой отказ ученый обосновывает тем, что термин раннее государство – никакой сущности не означает, он образован простым неполаганием государства (негосударство, но послевождество) [8, с. 170].

Таким образом, можно отметить некоторый дуализм во взглядах и принципах рассматриваемых авторов. С одной стороны, часть новой схемы – термин «вождество» всеми принимается, с другой – фактически нивелируется новизна, якобы заложенная в тренде 1980–2000-х гг. Крайней точкой обесценивания неоеволюционистской схемы становится отказ от термина и стадии раннего государства. Исследователи, не оставаясь полностью вне господствующего тренда, вполне рационально его обходят, сохраняя достижения предыдущего поколения советских ученых.

---

1. *Тарасов С. О.* Ранние формы политической организации в постсоветской отечественной историографии // Европа в Средние века и Раннее новое время: Общество. Власть. Идеология : материалы Всерос. с междунар. участием науч. конф. молодых ученых, Ижевск, 2–3 дек. 2013 г. Ижевск, 2014. С. 8–17.

2. *Бочаров В. В.* Политические системы Тропической Африки: от племени к государству // Племя и государство в Африке. М., 1991. С. 120–135.

3. *Гиренко Н. М.* Социология племени. Становление социологической теории и основные компоненты социальной динамики. Л., 1991.
4. *Белков П. Л.* Племя и вождество: к определению понятий // Племя и государство в Африке. М., 1991. С. 40–67.
5. *Бочаров В. В.* Политические системы Тропической Африки: от племени к государству // Племя и государство в Африке. М., 1991. С. 120–135.
6. *Попов В. А.* Политогенетическая контроверза, парополитейность и феномен вторичной государственности // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 188–205.
7. *Белков П. Л.* Социальная стратификация и средства управления в доклассовом и предклассовом обществе // Ранние формы социальной стратификации: Генезис, историческая динамика, потестарно-политические функции. Памяти Л. Е. Куббеля. М., 1993. С. 71–98.
8. *Белков П. Л.* Раннее государство, предгосударство, протогосударство: игра в термины? // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности. М., 1995. С. 165–188.

М. В. Рукавичникова
Уральский федеральный университет

«Анабасис» Ксенофонта и византийская историография середины XIII – середины XIV вв.: опыт сравнительного анализа

В ходе сравнения произведения «Анабасис» Ксенофонта и произведений Георгия Пахимера и Никифора Григоры обнаруживаются общие и особенные черты. Необходимо отметить, что оба текста византийских авторов сфокусированы на описании жизни императоров, то есть близки к мемуаристике. «Анабасис» же признается исследователями одним из первых текстов мемуарного характера [1, с. 229]. Таким образом, помимо простого заимствования элементов античной культуры и даже частей классических текстов, очевидна более глубокая, жанровая связь, обуславливающая скрытое цитирование византийскими авторами произведений античных творцов [2, с. 182].

В текстах присутствуют точь-в-точь совпадающие элементы повествования. К примеру, во всех рассмотренных произведениях герои произносят речи, очевидно написанные за них автором, который никак не мог услышать эти слова в реальности, но который передает эти слова как прямую речь. В тексте Ксенофонта Клеарх произносит одну из речей перед воинами, плача [1, с. 14], у Никифора Григоры эта же сцена почти дословно повторяется, когда император Андроник III говорит с солдатами после захвата Константинополя, со слезами на глазах призывая их проявить благородство [3, с. 11].

В то же время некоторые общие черты повторяются византийскими авторами в несколько ином ключе. В тексте Георгия Пахимера речи тоже встречаются и они также, с большой долей вероятности, придуманы автором, но используется это художественное средство для характеристики подлого и жестокого характера главного героя, причем характеристики, которая как бы дается самим героем, «проглядывает» в его «гнусных» речах, прямо автором не проговаривается. В произведении же Ксенофонта, характеристику и оценку Кира, как правило, дают другие герои в своих речах, причем прямо [e.g., 1, с. 7]. У Георгия Пахимера такое не встречается максимум что возможно – саркастичное завуалированное высказывание автора. Сближает тексты Пахимера и Ксенофонта то, что характеры героев в их произведениях не меняются на протяжении рассказа: изменник Оронт остается изменником, Михаил Палеолог не меняется, пребывая подлым и жестоким [3, с. 45]. Еще одним общим местом является то, что могилу предателя Оронта не могут обнаружить, как и могилу императора Михаила [e.g., 4, р. 24]. В тексте Никифора Григоры характеры главных героев меняются в ходе развития.

Общая черта текстов Ксенофонта и Никифора Григоры, которая отсутствует у Георгия Пахимера, – это обширные, сделанные от лица автора, подводящие итоги описания жизни царей (у Григоры эти описания окончательно оформлены как жанр и представлены как надгробные речи). Черты, особо отмечаемые авторами, совпадают: и Кир, и византийские императоры справедливы, не бросают друзей в беде. Возвращаясь к разнице в оформлении такого подведения итогов жизни государей, необходимо отметить, что хронотоп речи автора различен у античного и византийского автора: в тексте Ксенофонта автор не разделяется на автора «сейчас» и автора, который был «тогда» и подводил итоги. В случае же Григоры автор-повествователь и автор-герой разделяются, и речь произносится героем в прошлом, автор в настоящем о ней только вспоминает (появляется мотив воспоминания, важный для мемуарных текстов), также получается, что автор в настоящем вкладывает в уста себя в прошлом речь, как делает и с другими героями, как бы отстраняясь от себя в прошлом, устанавливая дистанцию [1, с. 230]. Здесь проявляется свойственная для мемуаров как жанра линия соотношения автора и времени.

Таким образом, в рассмотренных текстах обнаруживаются как общие, так и отличные черты, при этом прослеживается связь на жанровом уровне.

---

1. Ксенофонт. «Анабасис». М.; Л., 1951.

2. Тронский И. М. История античной литературы. Л., 1946.

3. Rhomäische Geschichte. Stuttgart, 1973.

4. Pachymeres G. Relations historiques. Paris, 1984–1999. Vol. I–III.

Городские жители Японии в новеллах Ихара Сайкаку

Японское позднее средневековье характеризуется значительным развитием художественной литературы (прозы, поэзии), которым она обязана прежде всего прозаику Ихара Сайкаку (1642–1693 гг.).

Жанр бытового рассказа укиё-дзоси – это видоизмененные отоги-дзоси предшествующего периода, в особенности они близки кана-дзоси, выделившимся из старых отоги-дзоси [1, с. 154]. По мнению Н. И. Конрада, слово «укиё» приобрело жизнеутверждающий и даже гедонистический оттенок: мир скорби и печали превратился для людей эпохи Сайкаку в быстротечный, но от этого тем более привлекательный мир радости и удовольствий, хозяевами которого они начали себя ощущать [2, с. 516]. До Сайкаку это были дешевые развлекательные книжки для простых людей, и лишь в его творчестве, жанр укиё-дзоси поднялся до уровня настоящей литературы [3, с. 7]. Ихара Сайкаку, писатель-реалист, стал основоположником нового повествовательного жанра, составившего целое направление в японской культуре.

Он же был зачинателем трех основных направлений в «записках о бренном мире»: косекумоно (новеллы о чувственной любви и любовных похождениях), букэмоно (новеллы из жизни самураев) и тёнинмоно (новеллы о жизни горожан с проповедью бережливости и накопительства) [4, с. 13]. Произведения каждого из этих направлений открывает читателю маленькое окошко в мир того времени, помогает поближе познакомиться с жителями города и волнующими их проблемами.

Будучи купцом по происхождению, Ихара Сайкаку прекрасно знал атмосферу города. Его романы и короткие новеллы отразили жизнь разнообразных слоев населения. Критическое отношение к аристократу всегда сопровождалось показом ума и смекалки слуги, жадность ростовщика, торговца подчеркивалась бескорыстием и честностью простого труженика. Нравы и обычаи горожан, их психология и уклад семейной жизни, их духовный мир и борьба за свободу своей личности стали материалом его повестей и новелл.

Немало страниц в его произведениях, как, например, «Пять женщин предавшихся любви» посвящено тяжелому положению японской женщины, и прежде всего самым бесправным из них – обитательницам «веселых кварталов». Сайкаку в своих книгах в художественной форме выразил стремление женщины из городского сословия выбирать супруга по велению сердца, а не по принуждению родителей [5, с. 433].

Мужчины искали общества свободных женщин, которые могли хотя бы на короткое время стать участницами бесед и развлечений. Роман «Косёку итидай отоко» («Мужчина, предавшийся любви») положил начало целой серии «книг о любовной страсти», в которых по мере расширения проблематики совершенствуется и мастерство Сайкаку-реалиста [2, с. 517].

Сборники под названием «Книги о горожанах» включает в себя ряд занимательно-поучительных новелл, героями и адресатами которых служат современники автора – горожане. По замыслу Сайкаку, эти книги должны были стать своеобразными учебниками житейской мудрости, способными «долго служить на пользу тем, кто прочтет» их, помогая им «лучше прожить на свете». В «Вечной сокровищнице Японии» [6] Сайкаку учит читателей-горожан держаться сообразно своему положению, призывает их к рачительности, бережливости. «Ни происхождение, ни кровь не имеют значения. Деньги – вот родословная горожанина... Главное для него – стремиться к удаче, искать богатство».

Начиная с ранних повестей Сайкаку, в которых показана жизнь горожан – их страсть к развлечениям, дух наживы, предприимчивость, и кончая произведениями, созданными на закате жизни, как в зеркале отражающими полную лишений жизнь и отчаяние людей, ввергнутых в пучину бедности [1, с. 158], представляет собой одну из вершин реализма в Японии, которого так жаждали городские жители.

«Третье сословие» с его переживаниями и внутренним миром требовало внимания к себе, поэтому нравы и обычаи горожан, их психология и уклад семейной жизни, их духовный мир и борьба за свободу своей личности стали материалом повестей и новелл Ихара Сайкаку. Он стремился показать силу стремления к личной свободе и силу свободного чувства, которые противоречили духу строгого следования феодальным устоям, которое насаждало токугавское правительство. Отсюда – запрещение произведений Сайкаку, указ о котором был издан правительством в 1791 г. Исходя из этого, мы вправе рассматривать творчество прозаика не только как часть литературного наследия культуры Японии, но и как исторический источник.

---

1. *Иэнага Сабуро*. История японской культуры. М., 1972.

2. *Редько Т. И.* Прозаическое творчество Ихара Сайкаку // История всемирной литературы : в 8 т. М., 1987. Т. 4.

3. Ихара Сайкаку. Пять женщин предавшихся любви. СПб., 2000.

4. *Кирквуд К.* Ренессанс в Японии. М., 1988.

5. История стран зарубежной Азии в Средние века. М., 1970.

6. *Ихара Сайкаку*. Вечная сокровищница Японии // Ихара Сайкаку. Избранное СПб., 1974.

Жан Боден и влияние его концепций на идеологов Английской революции XVII в.

В последнее время сформировалась устойчивая тенденция к переосмыслению взглядов английского философа Томаса Гоббса. Однако фокусируя внимание лишь на фигуре Гоббса и игнорируя труды его предшественников, мы рискуем неправильно проинтерпретировать его сочинения. Например, мнения исследователей по поводу того, какое влияние оказала на учение о государстве Гоббса теория суверенитета французского юриста и мыслителя Жана Бодена, разделились. Представили одной историографической традиции считают неоспоримым факт заимствования и продолжения Гоббсом традиции Бодена [1, с. 234–241]. Другая группа исследователей утверждает, что сходство их выводов лишь внешнее: нельзя относить их к одной политической традиции, так как условия жизни двух мыслителей и предпосылки создания их теорий были совершенно различными [2, с. 361]. Но если это так, с какой целью Гоббс в своем сочинении ссылается на Бодена? Чтобы дать ответ на этот вопрос, необходимо разобраться в контексте и более глубоко рассмотреть влияние Бодена на политических мыслителей Английской революции.

Рассуждения о возможности транслирования идей Бодена в среде английских мыслителей, можно начать с вопроса о переводе сочинений французского юриста на английский язык. Обращает внимание тот факт, что значительное количество европейских политических сочинений были опубликованы и даже переизданы в английском переводе в течение 1640-х и 1650-х гг., при этом существовал перевод лишь одного труда Бодена («Шести книг о государстве»), выполненный Ричардом Кнолесом в 1606 г. Подобное положение вещей сразу ставит под вопрос глубину влияния Бодена на английскую политическую мысль.

С другой стороны, ситуация уравнивается обилием ссылок на него в политических трудах времен Английской революции. Но и этот обширный набор цитат ставит некоторые самостоятельные вопросы. Большинство ссылок на Бодена изолированы (одна или две в книге) и затрагивают лишь некоторые очень известные темы. Проанализировав выборку ссылок, можно выделить четыре категории, которые говорят нам о цели использования Бодена английскими писателями [3, с. 389].

Первая категория – использование трудов Бодена как своеобразных «энциклопедий». Работы Бодена содержат богатый материал исторических и географических примеров, которые могли вырываться из контекста и ис-

пользоваться без явного взаимодействия с собственными идеями Бодена. Многие авторы цитировали Бодена, чтобы подтвердить документами свои собственные исторические и политические примеры, хотя иногда и с указанием (в порядке одобрения или критики) того, каким образом Боденом были интерпретированы эти факты.

Вторая категория – апелляция к рассуждениям Бодена о власти. Их было очень удобно использовать в качестве аргументов для обоснования легитимности любой власти. Бодена называли «разумным папистом», его мнение учитывали и уважали и католики, и протестанты. Взгляды Бодена достаточно сложны и парадоксальны, чтобы он мог быть удобной фигурой, и для папистов, и для роялистов.

Из этой категории цитирования можно вывести третью, к которой можно отнести использование Бодена как символа конкретной позиции. Многие мыслители пытались использовать Бодена в качестве знакового представителя теории абсолютной власти, временами даже не приводя цитат из его трудов. В отличие от предыдущей категории, к которой относятся ссылки на авторитетное мнение Бодена, здесь идет апелляция к его репутации.

И наконец, труды Бодена могли использоваться в качестве уникального источника. Под этим понимается подлинный интеллектуальный интерес к идеям Бодена и их адаптация к условиям английской среды. Как правило, эта категория цитирования характерна для историков идей [4, с. 75]. Она редко существует в «чистом» виде, и даже наиболее очевидное взаимодействие с его идеями часто смешано с другими способами цитирования. Таким образом, в поисках ответа на вопрос о серьезности влияния Бодена на политическое мышление теоретиков Английской революции, мы должны помнить все эти категории цитирования Бодена и понимать, что, вероятно, будет невозможно выделить влияние Бодена в чистом виде.

Тем не менее споры о суверенитете и государственном устройстве были центральными в политических дискуссиях английских мыслителей первой половины XVII в., и рецепция Бодена – прямая или опосредованная – в этот период очевидна даже в работах мыслителей, не ссылавшихся на него.

---

1. *Skinner Q.* The Foundation of Political Thought. Vol. 2. Cambridge, 1978.

2. *Salmon J. H. M.* Bodin and the monarchomachs // Jean Bodin. Verhandlungen der internationalen Bodin Tagung in München. München, 1973. P. 359–370.

3. *Burgess G.* Bodin in the English Revolution // The reception of Bodin. Brill, 2013.

4. *Mosse G. L.* The Influence of Jean Bodin's «Républic» on English Political Thought // *Medievalia et Humanistica*. 1948. № 5. P. 73–83.

Прерафаэлитизм и Викторианская Англия: поиск новых эстетических идеалов

В 1965 г. в Великобритании была опубликована первая работа [1], посвященная прерафаэлитизму. Показателен тот факт, что она до сих пор не переведена на русский язык – в отечественной науке самостоятельные исследования на эту тему не выходят за рамки культурологии [2]. Объяснение этому можно усмотреть в том, что изучение искусства прерафаэлитов сопряжено с проблемой интерпретации художественного произведения как исторического источника. Что такое картина: декоративный элемент, правдивый портрет эпохи или отражение внутреннего мира художника? В данном случае дать однозначный ответ: значит сузить информативные возможности источника, поскольку в нем присутствует все перечисленное. Вот почему выявление стилистических особенностей и трактовку сюжета следует сопоставить с изучением дальнейшей судьбы, как картины, так и ее автора.

Сравнительное изучение творческого пути и биографии одного из лидеров движения Данте Габриэля Россетти (1828–1882) показало, что прерафаэлитизм представляет собой не только эстетическую теорию, но и жизненное кредо художника. Категоричные в своей формулировке, идеалы прерафаэлитизма утверждают свободу художника во всех сферах его творческой деятельности: членам Братства Прерафаэлитов приписывается «иметь оригинальные идеи», «внимательно изучать природу, чтобы уметь ее выразить», «любить в искусстве прошлого все серьезное, прямое и искреннее» и «создавать абсолютно прекрасные картины и скульптуры» [3].

Что лежит в основе этого интеллектуального манифеста – протест против косности нравов или побег от убогой действительности; профессиональная деятельность с целью получения дохода или богемный образ жизни? Привлечение нарративных источников (мемуаров, публицистики, эпистолярного жанра [4; 5]) позволяет глубже проникнуть в атмосферу Викторианской Англии и понять, почему призыв к искренности и раскрепощению жизни подается прерафаэлитами в завуалированной форме: романтических образах Средневековья, сценах религиозной жизни и классических литературных сюжетах.

Для того чтобы ответить на вопрос о значении прерафаэлитизма в духовной культуре викторианцев, необходимо раскрыть механизм интеграции новых ценностей в общество. Сегодня зритель, останавливаясь напротив выставленного полотна или открывая альбом с репродукциями, видит только имя художника. Он не задумывается над тем, кем и по какому

принципу были отобраны произведения, сколько сил и средств затрачено на их «трансляцию», и – с какой целью. В XIX в. имена критиков Джона Рёскина (1819–1900) и Уильяма Россетти (1829–1919), владельцев галерей Томаса Комба (1796–1872), Эрнеста Гэмбарта (1814–1902) и других были не менее известны, чем монограммы живописцев. Высказывается мнение, что именно эти люди положили начало становлению коммерческого и массового искусства.

В кругу прерафаэлитов широко обсуждается тезис о взаимосвязи искусства и труда, теоретиками делается шаг навстречу идее социализма [6]. Способствовал ли прерафаэлитизм стиранию границ социальных различий? Моделями живописцев становились как девушки низкого происхождения, так и дочери состоятельных заказчиков, а покровителями – представители аристократии и утверждавшихся в обществе буржуа. Их картины выставлялись в Королевской Академии художеств и в частных галереях, экспонировались на свободных передвижных выставках и расходились многотысячными тиражами на гравюрах, проникали в дома в качестве книжных иллюстраций, гобеленов, узорах на обоях. Деятельность прерафаэлитов осуществлялась в условиях изменения социального статуса художника: из маргинального в профессиональный, что находило отражение в процессе творчества, образе жизни, оценке современниками их достижений.

Таким образом, изучение прерафаэлитизма ставит перед исследователем целый ряд разнообразных задач. Обращение к различным видам источников делает возможным обсуждение широкого круга вопросов, связанных с деятельностью живописцев в Викторианской Англии. Среди них особое место занимают: исследование социальных условий бытования феномена, ментальных особенностей его восприятия и экономического подтекста деятельности всех, кто связан с миром искусства.

---

1. *Fredeman W. E.* Pre-raphaelitism: a bibliocritical study. Cambridge, 1965.

2. *Шестаков В. П.* Прерафаэлиты: мечты о красоте. М., 2004.

3. The Rossetti Archive. URL: <http://www.rossettiarchive.org/racs/chronology.rac.html>

4. *Ruskin J.* Letter: the Pre-Raphaelites // The Times. 1851. 9 May. URL: <http://www.rossettiarchive.org/docs/ap4.g415.raw.html>

5. The Germ. 1901. Is. 1 // The Rossetti Archive. URL: <http://www.rossettiarchive.org/docs/ap4.g415.raw.html>

6. *Моррис У.* Искусство и жизнь. М., 1973.

**«Россия и русские» Н. И. Тургенева как попытка
реформирования самодержавной власти
и российского общества в интерпретации современников**

Преобразование российского общества, корректировка ориентиров развития, смена методологических подходов в современной отечественной науке, а также изменение идеологических подходов требуют выработки оптимальной модели развития государства. Но для решения этой проблемы возникает острая необходимость в осмыслении и анализе концепций переустройства общества, выработанных представителями политической мысли прошлого. Очень современно звучат слова Н. И. Тургенева о том, что в переходные эпохи, подобные нашей, когда каждый народ по-своему ощущает потребность в обновлении и преобразовании, Россия еще более, чем другие страны, нуждается в переменах [1, с. 377].

На процесс формирования мировоззрения Тургенева решающее воздействие оказал комплекс взаимодополняющих друг друга факторов. Одним из них было неоднократное пребывание в ряде европейских стран и установление личных контактов с представителями европейской либеральной мысли второй половины XVIII – начала XIX в. Не менее важным фактором формирования мировоззрения Тургенева было участие в работе Государственного Совета и канцелярии Министерства финансов, что обеспечивало ему доступ к информации о положении дел в России, актуальных социально-экономических проблемах, а также о том, какие варианты их решения предлагались в рамках курса, обозначенного императором Александром I. Также особое значение имела деятельность Тургенева в «Союзе Благоденствия», где обсуждались проекты социально-экономических и политических преобразований, а Тургенев является одним из основных авторов ряда программных документов этого общества [1, с. 102].

Будучи сторонником «саморазвивающихся систем», Тургенев стоял на позициях необходимости и возможности реформирования политической системы в России, отказывая самодержавию в возможности его существования в нынешнем виде утверждая, что это худшая из систем правления, известная в Европе, и поэтому следует, действуя логично и рационально, но в то же время твердо и непоколебимо начать реформирование политической системы. Инициатива же в проведении этих реформ должна ис-

ходить от самой самодержавной власти, поскольку у любой власти есть пределы и один человек не может использовать всю полноту неограниченной власти. В самый нужный момент, самодержавная власть оказывается бессильна и только сдерживает прогресс и тормозит прогрессивное развитие общества [1, с. 399].

Небезынтересно заметить, что попытки реформирования самодержавной власти путем введения представительных учреждений безуспешно предпринимались на протяжении веков, но самодержавие, замкнувшись в порочном круге, боролось лишь за сохранение сложившейся системы.

Базовые принципы программы по реформированию общественно-политической системы Тургеневым были сформулированы и тщательно прописаны в трехтомном труде «Россия и русские». Не испытывая тёплых чувств к самой самодержавной системе управления, Тургенев между тем, проявляет себя незаурядным чиновником, который призван писать законы и умело обходя барьеры, проводить их через инстанции до утверждения.

Предлагая меры по самореформированию самодержавной власти, он предполагает вначале с помощью одного «зла» (самодержавия) уничтожить другое (крепостное право), а позднее умело использовать антимонархические настроения либерально мыслящей части населения, поскольку право оценивать существующий образ правления может принадлежать только народу и власть должна проявлять содействие, а не тормозить всеми возможными способами этот процесс.

Таким образом, тщательно прописанные «принципы, которые должны лечь в основу русской конституции» на бумаге выглядят удивительно гладко, однако еще современниками Тургенева высказывались мысли, что уже к моменту издания книги «Россия и русские», представленная в ней программа реформирования безнадежно устарела [2, с. 326], а предложенная стратегия развития себя исчерпала и необходим был поиск свежих подходов. Однако вплоть до начала публикаций Вольной русской печати Герцена и Огарева в конце 1850-х гг. книга Тургенева являлась единственным гласным протестом, исходившим от первых русских революционеров и поэтому ее дальнейшее изучение и осмысление представляет весьма перспективным.

---

1. *Тургенев Н. И.* Россия и русские. М., 2001.

2. *Шелохаев В. В.* Российский либерализм середины XVIII – начала XX века: энциклопедия. М., 2010.

Письма А. Д. Михайлова как источник по истории революционного терроризма в России в 70–80-х гг. XIX в.

Терроризм как революционная тактика в XIX в., особенно в России, остается недостаточно изученным. При исследовании становления такой радикальной формы необходимо в первую очередь понять его идейные и психологические основы. Для этого нужно привлечь весь корпус письменных источников. И крайне важными здесь будут источники личного происхождения.

Александр Дмитриевич Михайлов один из тех, кто стоял у истоков «Народной воли», ее главный конспиратор, занимавшийся организацией террористических актов еще в «Земле и воле». Письма А. Д. Михайлова, несомненно, важны для исследователя. Он один из небольшого числа членов Исполнительного комитета, что погибли в тюрьмах или были казнены, кто сумел оставить после себя большее количество писем, в отличие от своих соратников, которые сделать этого уже не успели. Письма были частично опубликованы в журналах [1], основная их часть в двух сборниках [2; 3, с. 177–211]. Главным образом интересны его письма товарищам по революционной борьбе, остававшимся на свободе, тем более что они были получены ими конспиративным путем, то есть без перлюстрации. Это свидетельствует о том, что в письмах может содержаться многое из того, что во время официальных допросов утаивалось, замалчивалось. Учитывая характер А. Д. Михайлова: его скрупулезность в деле сохранения памяти о каждом товарище, о каждом событии; стремление направить оставшихся на воле друзей на нужный, по его мнению, путь борьбы – и условия написания писем, а именно ожидание смертной казни, обусловили искренность автора и правдивость содержания написанного.

Хоть их и не так много, но письма А. Д. Михайлова, серьезно дополняют общую картину развития революционного терроризма в России в 70–80-х гг. XIX в. Во-первых, помогают проследить тактику действий революционеров в разных ситуациях на конкретном материале. Так, сведения из писем о покушении А. К. Соловьева [3, с. 198] не совпадают с показаниями А. Д. Михайлова данными им на следствии и на суде [3, с. 128–129; 4, с. 64–66], что естественно, так как в тех условиях доказательство участия революционера в противозаконных действиях лишь ухудшало его положение. Во-вторых, письма дают возможность уточнить детали или внести серьезные коррек-

тивы в описание известных событий. Например, из сообщения А. Д. Михайлова о покушении на Н. В. Мезенцова [3, с. 200] становится ясно, что главной вдохновительницей его являлась О. А. Натансон [3, с. 199–200]. Об этом мало где упоминается, даже в научной литературе. Обычно покушение связывают только с именами С. М. Степняка-Кравчинского, А. И. Баранникова и А. Д. Михайлова. В-третьих, и это главное, письма А. Д. Михайлова, наряду с другими источниками подтверждают точку зрения, что терроризм стал приобретать у народовольцев совсем иной характер, чем тот, который был заявлен в их программе. Применение терроризма постепенно трансформировалось в основное оружие, организация – в более радикальную. И так бы и было, если бы не гибель ИК. Из писем видно, что не знавший реального положения дел «конспиратор» полагается на индивидуальный террор [3, с. 205–209], сколько надежды он связывает с «терроризацией» политической элиты страны. При этом по письмам заметно, что А. Д. Михайлов размышлял над усовершенствованием техники терроризма, и над способами устрашения терроризмом правительства [3, с. 208–209]. Все это свидетельствует об изменении отношения к террористической тактике борьбы, эволюции мировоззрения революционера. Изменения эти происходили по ходу революционной борьбы, и для самих революционеров незаметно, но они явны для исследователей теперь. Если сравнивать личность, представшую перед нами по письмам, с образами народников зафиксированных в иных источниках, наблюдается в определенной степени их психологическое родство, похожее на родство натур одного поколения, воспитания и т. п. Это важно для понимания психологических истоков перехода к терроризму.

Письма А. Д. Михайлова представляют неоценимый источник по истории развития революционного терроризма в России в 70–80-е гг. XIX в. Но лишь изучение всей совокупности источникового корпуса этого периода позволит сделать более полные выводы. На это и будут направлены основные усилия автора, результаты которых будут представлены в основной исследовательской работе.

---

1. Былое. 1907. № 2/14.

2. Письма народовольца А. Д. Михайлова. М., 1933.

3. *Прибылева-Корба А. П., Фигнер В. Н.* А. Д. Михайлов. Л.; М., 1925. С. 177–211.

4. Объяснения Александра Михайлова // Процесс 20-ти народовольцев в 1882 году. Ростов н/Д., 1906. С. 64–72.

Роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» как предвидение Второй Мировой войны

Эрих Мария Ремарк – один из самых известных немецких писателей XX в. Он родился в 1898 г. – таким образом, его совершеннолетие, а значит, призыв в армию попадал в разгар Первой мировой войны. Ремарк начал служить в 1916 г., а в июне 1917 г. был направлен на передовую, на Западный фронт. Немецкие солдаты, брошенные в пекло практически проигранной войны, ощущали, как их судьбы кто-то запускает под трагический откос...

Ремарк прошел войну, прошел с тяжелыми ранениями – это предопределило его мировосприятие и творчество. Мы видим в его книгах взгляды пацифиста. «Эта книга не является ни обвинением, ни исповедью. Это только попытка рассказать о поколении, которое погубила война, о тех, кто стал ее жертвой, даже если спасся от снарядов» [1].

Роман «На Западном фронте без перемен» – четвертое произведение Ремарка, он вышел в 1929 г. «На Западном фронте» принёс Ремарку практически мгновенную мировую славу – в 1930 г. снимается «оскароносный» фильм по роману, а в 1931 г. Ремарк даже номинируется на Нобелевскую премию. Но в 1933 г. писателя настигает новый удар – его книги, как и книги многих других талантливых сочинителей Германии, было приказано сжигать. Причем фамилий авторов, чьи книги были в перечнях «на уничтожение», оказалось десятки и десятки, но именно к Ремарку и еще к дюжине других писателей, философов, имелась персональная приписка-основание: «Нет – писакам, предающим героев мировой войны. Да здравствует воспитание молодежи в духе подлинного историзма! Я предаю огню сочинения Эриха Марии Ремарка» [2].

Увы, люди живут сегодняшним днем, а не вчерашним. Кого в той прогрессивной процветающей Германии сильно беспокоили проблемы молодежи, загубленной в войне – частично похороненной окопными комьями земли, частично переставшей за пятнадцать лет являться молодежью? Потому никто и не подумал, почему формулировка, в которой говорилось о необходимости сжигать сочинения Ремарка, настолько неправдива и нелепа.

Это не секрет, что Вторая мировая состоялась по причине нерешительности действий европейских стран против немецких экспансивных интересов, становящихся все более обширными и реализуемыми. То есть, ответственность за последующие трагедии миллионов человек лежала на узком круге личностей, находящихся в правительствах держав и в дипломатии.

В романе «На Западном фронте без перемен» боевые друзья рассказчика то и дело высказывают предположение, облакая его в подобие риторического вопроса:

«— Но что я все-таки хотел бы узнать, — говорит Альберт, — так это вот что: началась бы война или не началась, если бы кайзер сказал “нет”?»

— Я уверен, что войны не было бы, — вставляю я, — ведь он, говорят, сначала вовсе не хотел ее.

— Ну пусть не он один, пусть двадцать—тридцать человек во всем мире сказали бы “нет”, — может быть, тогда ее все же не было бы?» [2].

Обращаясь сегодня к роману Ремарка, можно задаться похожей, и даже ещё более идеалистической мыслью. Если бы несколько человек на всем земном шаре, умеющих влиять на глобальную политику, поняли бы суть романа «На Западном фронте», задумались бы над его публичным сожжением фашистами, озаботились бы теми доводами, которыми фашисты оправдывали свой типичный человеконенавистнический акт, Вторая мировая могла не состояться?

Да — невероятно. Но роман уже был известен не только в Германии: его переводили, его экранизировали. Ложь нацистов — будто бы Ремарк порочит и приуменьшает подвиги солдат Первой мировой — до крайности просто объясняется: слишком откровенно описан героизм в произведении Ремарка, красочно показано, сколько может стоить доблесть и бесстрашие. Героизм разъят на бытовые мелочи: ремарковский герой слишком героичен, чтобы быть примером для народа. Гитлер собирался снова поднимать массы на борьбу — зачем ему давать в руки немцев книгу, в которой достоверно рассказано о том, чем это закончится? Надежды на сговорчивость нацистов должны были сгореть вместе со страницами романа «На Западном фронте без перемен».

Конечно, запрет книги — мелочь по сравнению с играми правительств на планетарном уровне. Просто, видимо, каким-то Провидением затеяно, чтобы перу писателей дано было пронзать туманы настоящего и черпать из них скрытые дальнейшие события, а перед их лицом снабжать нас добрыми напутствиями. Но изменять грядущее, при любых раскладах, писателям навеки будет непосильно... В этом нет бессмысленности, в этом только крест, рок и обаяние творческих профессий...

---

1. Ремарк Э. М. На Западном фронте без перемен. URL: <http://lib.ru/INPROZ/REMARK/front.txt>

2. Лёзина Е. «Акция против негерманского духа». К 80-летию сожжения книг в нацистской Германии. URL: <http://www.urokiistorii.ru/current/dates/51732>

СЕКЦИЯ IV.

ИСТОРИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ И ВОСПРИЯТИЙ: ИСТОЧНИКИ И ОБРАЗЫ

Д. В. Возчиков

Уральский федеральный университет

Сведения об Индии и Китае в венецианском историко-географическом трактате XIV в.

Государственный деятель и дипломат Венецианской республики Марино Санудо Торчелло (ок. 1270–1343) – автор проекта крестового похода, изложенного в трактате «Книга тайн верных креста» (1307–1321). Марино Санудо, выходец из старинного патрицианского рода, с юности выполнял различные коммерческие задания отца и много ездил по всему Восточному Средиземноморью, а затем не раз привлекался Республикой для дипломатических поручений [1, р. 9]. Информации об Индии и Китае в сочинении этого венецианского интеллектуала куда меньше, чем сведений о мусульманском и христианском Востоке, однако и эти данные позволяют выявить, во-первых, степень осведомленности автора об этих дальних странах, а во-вторых, его представления об их роли в ойкумене.

Санудо составил план крестового похода под руководством Венеции, в котором должны были бы участвовать все европейские государства при поддержке Киликийской Армении, христианской Нубии, а также государства ильханов. Он выстроил проект на солидной базе географических и исторических сведений. Первым шагом в борьбе христиан с мусульманским миром Санудо считал установление торговой блокады мамлюкского султаната, за которой должно было последовать завоевание Египта. Главная роль в предприятии отводилась венецианскому флоту.

Индия фигурирует уже в первой книге трактата. «Большая часть почестей, доходов, изобилия и гордости султана и народов, ему подвластных, – писал венецианец, – основана на пряностях и других многочисленных товарах, которые не производятся в землях и областях султана, а произраста-

ют в землях и областях Индии и доставляются на запад через море Океан, перевозятся из одного моря в другое. Это море Океан имеет в тех краях два главных порта, из которых один называется Махабар, а второй – Камбет. В этих портах собирается большая часть пряностей и других товаров Индии, а потом их по морю Океану везут на запад в нижеописанные четыре важных порта» [2, р. 22]. Четыре порта – это Ормуз, Киш, Бальдак (Багдад) и Аден [2, р. 22]. Из индийских пунктов здесь представлены Малабарский берег и город Камбей в Гуджарате. Санудо полагал, что в Индии находилось «более двенадцати царств» [2, р. 184]. Царство Пресвитера Иоанна Санудо помещал в Индии, хотя и воспринимал представления о нем довольно скептически [2, р. 185, 234].

Китай у Санудо упоминался лишь в связи с монгольским завоеванием. Образ империи Юань у него в основном положительный. Хубилай, по его представлениям, «был христианином и в царстве Катай основал город больше Рима под названием Ионг, в котором до сих пор помнят его» [2, р. 236]. Санудо бегло поведал о дважды провалившемся походе флота Хубилая в Японию, но приписал его брату Хубилая Мункэ, и снабдил вымышленными подробностями: «Манго, муж благоразумный и храбрый, ...подчинил многие провинции, и по Катайскому морю отправился завоевывать некий остров, но буря разбила и потопила корабли, и он утонул вместе со многими» [2, р. 236]. Сведения о походе Мункэ против империи Сун, закончившемся в 1259 г. смертью хана во время осады Хэчжоу, перемешаны со столь же обрывочными данными о юаньских морских экспедициях.

Приведенный выше рассказ взят венецианцем из «Цветника историй земель Востока» (1307 г.) армянского принца Хетума (Гайтона) [3, с. 260]. Марино Санудо почерпнул у Хетума много информации о походах монголов, местами сильно искаженной, но не ссылаясь напрямую на этого автора [1, р. 6–7]. Близость принца к папе Клименту V способствовала популярности его сочинения у современников. Трудом своего соотечественника Марко Поло Санудо не пользовался. По-видимому, сведения Хетума, проигрывающие книге Марко Поло, в достоверности, показались энтузиасту крестового похода заслуживающими доверия, поскольку исходили от представителя христианского Востока. Возвышение немусульманского Востока на страницах труда Санудо связано со стремлением найти союзников против мусульман.

В целом, для Санудо Индия – источник изобилия Востока, желанная цель венецианской торговли. Экономический аспект идеи установления *Rax Veneziana* за ширмой крестового похода выражен в стремлении выйти непосредственно на торговые пути Индийского океана. Сведения об Индии и Китае в трактате Санудо фрагментарны и местами недостоверны, однако автор

«Книги тайн» был, в общем, прав, считая именно эти земли основным средоточием богатств мира. Представления об Индии и Китае, запечатленные Санудо, были востребованы политической и интеллектуальной средой XIV в. и во многом оставались в силе и в следующем столетии.

---

1. *Lock P.* Introduction // Marino Sanudo Torsello. The Book of the Secrets of the Faithful of the Cross. Farnham, 2011.

2. *Marinus Sanutus Torsellus.* Secreta fidelium crucis / ed. Bongarius. Gesta Dei per francos. V. II. Hannover, 1611.

3. *Гайтон.* Цветник историй земель Востока // Книга странствий. СПб., 2006. С. 211–274.

Н. Э. Жигалова

Уральский федеральный университет

Турки глазами сербского писателя XV в.

Для восточно-европейских авторов XV в. «мусульманский вопрос» стоял не так остро, как для византийцев. Зачастую писатели, например Ян Длугош и Филипп Каллимах, ограничиваются стереотипными характеристиками турок и их вероисповедания, называя их «неверными» или просто врагами, когда освещают внутривосточные события Польши или описывают военные конфликты и дипломатические миссии восточно-европейских правителей к туркам. Особняком стоит лишь сочинение серба Константина Михайловича «Записки янычара», в котором писатель посвящает описанию турецких обычаев и веры несколько глав. На примере данного произведения будет возможно выявить отношение средневекового автора – очевидца многих описанных им событий – к туркам, с которыми писателю часто приходилось контактировать.

Несмотря на то, что автор этого произведения, вероятно, находился на турецкой службе и даже исповедовал ислам, его характеристика мусульманского вероучения окрашена в негативные, презрительные тона. В начале своего сочинения Константин дает подробное описание, кем являлись Мухаммед и его сподвижник Али. Уже в этом фрагменте писатель отмечает, что Мухаммед «учил и проповедовал, имея замысел осудить веру Христову» [1, с. 37]. Однако, несмотря на явную прохристианскую ориентацию Константина, он рассматривает «поганных» мусульман как представителей самостоятельного и самодостаточного религиозного вероучения, для которых христи-

ане были точно такими же «погаными» или «неверными» последователями Христа. Данный тезис подтверждается словами Али, который, по сведениям Константина, призывает правоверных мусульман «преследовать гяуров (т. е. христиан. – Н. Ж.), где можете, чтобы они вас не преследовали» [1, с. 37]. Таким образом, эти христиане-гяуры, очевидно, представляются мусульманам враждебными и нетерпимыми к иной вере, что явно напоминает отношение христиан к мусульманам. Любопытно также и то, что, повествуя о священных «маленьких книгах», называемых бамарли, которые мусульмане носят под мышкой, «а особенно держат их на войне», Константин характеризует эти книги «как у нас евангелие» [1, с. 37]. Вероятно, в данном случае имеются в виду хамаилы – небольшие молитвенники мусульман, носимые на шее в виде амулета [2, с. 389].

Константин подробно останавливается на богослужении мусульман, сообщая об обязательных омовениях перед молитвой, которые сравнивает с «крещением, как у нас» [1, с. 38]. О «пророке» Иисусе мусульмане, по словам Константина, отзываются уважительно, считают его благочестивым и святым [1, с. 38]. Отсюда видно, что писатель регулярно находит сходства христианских и мусульманских религиозных обрядов, причем, что интересно, не указывает на их различия, что делает ислам более понятным и приемлемым для христианского читателя.

Константин оговаривается, что «поганные, которые приняли закон Магомета, различны: это аргины, персы, турки, татары, варвары, арабы и некоторые негры, которые не имеют на своих лицах огненных знаков» [1, с. 36]. Однако, рассуждая о храмах мусульман, их богослужении, Константин подразумевает только турок. Для их характеристики автор, как правило, использует понятие «поганные», объясняя это тем, что «христиане называют басурман погаными за их нечестные поступки, о которых здесь я не хотел писать... ибо поганные толкуются как жестокий, бесчеловечный, нечистый пес» [1, с. 37]. «Считая это за хорошее, – пишет Константин, – они как думают, так и говорят» [1, с. 37]. Рассуждая об отсутствии грамотного советника, который бы указал туркам на их заблуждения, писатель отмечает, что «они могли бы хорошо существовать, если бы захотели. И все же было бы легче и полезней такому советнику что-либо сыпать в дырявый мешок, чем советовать столь непросвещенному народу» [1, с. 37]. Таким образом, по мнению Константина, у турок могли быть и положительные качества, что, однако, не умаляет их жестокости и варварских обычаев. Так, в представлении Константина турки являются набожным, но чрезвычайно хитрым и расчетливым народом.

Несмотря на то, что восприятие религиозных традиций турок было в целом более острым, нежели оценка их этнической принадлежности, мы видим, что для средневековых авторов турки оставались враждебным варварским народом, практически лишенным каких-либо положительных черт.

Константин Михайлович уделяет достаточное внимание описанию турок, однако затруднительно однозначно определить его истинное отношение к этому народу, поскольку, с одной стороны, турки в его описании – это хитрые, жестокие варвары (какими они, вероятно, и должны были быть в понимании его современников), с другой – предприимчивые воинственные люди с богатой историей, устойчивыми традициями и развитым вероучением.

---

1. Константин Михайлович. Хроника о турецких делах Константина, сына Михаила Константиновича из Островицы, раца, который был взят турками среди янычар // Записки янычара. М., 1978.

2. Pamiętniki Janczara, czyli kronika turecka Konstantego z Ostrowicy, napisana między r. 1496 a 1501. Kraków, 1912.

Ю. С. Долгих

Курганский государственный университет

«Обратная сторона Европы»: иезуиты и Япония во второй половине XVI –первой половине XVII вв.

Инкультурация, которая принесла значительные успехи иезуитам в деле распространения христианства, была незнакома первым поколениям миссионеров ордена. Наиболее ярким подтверждением тому служит деятельность членов Общества Иисуса в Японии во второй половине XVI – первой половине XVII вв., где особое влияние на миссионерскую деятельность среди японцев оказывали идеи Франциска Ксавье (1506–1552) и Алессандро Валиньяно (1539–1606).

Первый в 1549 г. вместе с готовыми по повелению Верховного Понтифика «идти во все части света» [1, с. 132] собратьями высадился в порту Кагосима провинции Сацума. Первые впечатления о японцах были положительными. И в своем письме в штаб-квартиру ордена иезуитов он сообщает, что удастся с «лёгкостью» [2, с. 246] взрастить плоды христианства среди этого народа. Однако, не желая понять культуру и менталитет японцев, достичь этого было трудно; одного только стремления «искать средств и стараться быть похожими на них (японцев) как в изучении языка, так и в том, чтобы вести себя с детской простотой, лишенной ухищрений» [2, с. 242] было явно недостаточно для успешного распространения веры. Помимо этого будущий святой воспринимал самого себя как несущего свет истинной религии заблудшим и ищущим спасения душам; взгляд свысока на представителей других

верований сохранился и у последователей Франциска, что так же было отразилось и на отношении местного населения к европейцам. Тем не менее начало христианской проповеди было положено, и к моменту отъезда Ксавье (1551 г.) насчитывалось уже 2 тысячи японцев, принявших христианство.

В 1579 г. с прибытием Алессандро Валиньяно начинается новый этап в истории иезуитской миссии в Японии. Уже через год он пишет трактат «Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии», в котором он сообщает следующее: «Сейчас все идет не так, как должно, и падре не пользуются таким авторитетом, каким должны были бы, и ни окружающие к ним, ни они к окружающим не обращаются с должным уважением» [3, с. 280]. Для изменения положения, по его мнению, было необходимо умение приспособливаться ко времени» [3, с. 280]. Созданный Валиньяно трактат – это инструкция, которой должны следовать иезуиты в Японии: от приветствия при встрече гостей до строительства домов и церквей. Валиньяно однажды даже сказал: «Япония – это мир, который является обратной стороной Европы» [4, с. 113]. Он пытался гармонично вписать иезуитов в культуру и общественный строй Японии; Единственное, что им было предложено делать по европейским правилам – это строить церкви, так как «у них сатанинские синагоги, а наши церкви Божьи» [3, с. 300] впервые иная цивилизация была принята европейцами как равная: «они с удивлением обнаружили, что непохожесть и варварство не одно и то же» [5, с. 230].

Для правителей Европы и Японии иезуиты были лишь посредниками в торговых и дипломатических отношениях и в разведке. Так, например, отношение японских феодалов к миссионерам напрямую зависело от поведения португальских купцов. Если они регулярно поставляли товары, то и отношение к иезуитам было благосклонным; если же торговые сделки свертывались, то и отношение феодала к миссионерам менялось на гнев.

В 1600 г. иезуиты потеряли монополию на миссионерскую деятельность в Японии, что привело к появлению в Стране восходящего солнца францисканцев, а также представители других европейских стран – Голландии и Англии. Протестантские священники пытались очернить иезуитов в глазах местной власти. На что посланцы римской курии незамедлительно ответили, обвинив англичан в том, что они «пираты и разбойники, нападающие на всех» [6, с. 132].

Борьба между христианами за паству и за рынки сбыта на территории Японии привела к тому, что от христианства отвернулась значительная часть населения страны. Отношение к распространителям христианства стало резко ухудшаться, последовал ряд казней и публичных истязаний над миссионерами. В 1639 г. был опубликован указ о полном запрещении христианства на японской земле. Так закончилась короткая встреча католических

миссионеров с синкретической японской культурой, до следующей их встречи пройдет два столетия.

-
1. *Лойола И.* Выдержки из общего экзамена // Символ. 1991. № 26. С. 129–134.
  2. *Ксавье Ф.* Письмо в штаб-квартиру ордена // Книга японских обыкновений. М., 1999. С. 233–250.
  3. *Валиньяно А.* Предупреждения и предостережения по поводу обычаев и нравов, распространенных в Японии // Книга японских обыкновений. М., 1999. С. 251–305.
  4. *Теймс Р.* Япония: история страны. М.; СПб., 2009.
  5. *Ким Э. Г.* Недолгое свидание. Христианская миссия в Японии (1549–1614) // Книга японских обыкновений. М., 1999. С. 218–232.
  6. Письма острова Зипангу: штурман Уильям Адамс о себе и о японцах // Зеркало истории. 2000. № 4.

Т. А. Косых

Уральский федеральный университет

Британская «terra incognita»: горная Шотландия и ее жители глазами С. Джонсона

В представлении англичан XVIII столетия горная часть Шотландии, Хайленд, по-прежнему оставалась своего рода «terra incognita». И хотя подписание «Акта об унии» 1707 г. во многом сблизило Англию и равнинную Шотландию, Лоуленд, это нисколько не нивелировало существовавшие культурные и политические различия между Англией и Северной Шотландией, напротив, сделав их особенно очевидными при англо-шотландских коммуникациях. В этой связи особое место занимают сочинения английских авторов, обращение к которым позволяет реконструировать образ Хайленда, сложившийся в сознании англичан XVIII в. К числу подобных работ следует относить труды известного английского литератора, эссеиста и лексикографа Сэмюэла Джонсона (1709–1784).

В современной англоязычной историографии превалирует мнение о негативном восприятии Джонсоном всего шотландского народа. Основанием для враждебного отношения лексикографа служил целый ряд предрассудков против религии, языка и культуры шотландцев, что отражено в исследовании американского историка Дж. Коуча [1]. В трудах Уилтшира [2], Дж. Кларка [3] и Т. Керли [4] акцентируется внимание на том, что неблагоприятный образ шотландцев был обусловлен, в первую очередь их несхожестью с англичанами, которых Джонсон, наоборот, превозносил.

Основным источником, по которому возможно воссоздать представления Джонсона о горной Шотландии, является «Путешествие по западным островам Шотландии», изданное в 1775 г. в Лондоне. Также в данном контексте интересны сочинения «Жизнь Сэмюэла Джонсона» и «Путешествие на Гебриды с Сэмюэлом Джонсоном» Дж. Босуэлла, шотландского друга лексикографа, совершившего вместе с литератором осенью 1773 г. поездку на Гебридские острова. Вкупе анализ данных источников позволяет реконструировать воззрения Джонсона о гэльской окраине и ее жителях.

Горная Шотландия, по мнению С. Джонсона, это страна «из воды и камня» [5], малопригодная для жизни. Недаром однажды в споре с Босуэллом он вопрошал по этому поводу: «Какой враг будет вторгаться в Шотландию, если там ничего нет?» [6, р. 586]. Джонсон уверен, что географическая изолированность шотландского севера обусловила оторванность этой территории от остального мира. Однако, ожидая застигнуть сохранившуюся клановую систему, Джонсон обнаружил, что Хайленд после 1745 г. уже не являлся краем мятежных вооруженных кланов. Поэтому лексикограф писал, что горцы «являются народом, едва вышедшим из состояния варварства» [6, р. 221].

Лексикограф отмечает малограмотность населения, большая часть которого практически не говорит на английском и не умеет читать и писать. Так, прибыв на остров Айона, Джонсон и Босуэлл обнаружили, что на всем острове только два человека могли изъясняться на английском языке [6, р. 639]. Именно из необразованности жителей Хайленда Джонсон выводит причины бытования в северной Шотландии мифов и выдуманных рассказов, несоответствующих реальности. Подобные эпические произведения, пишет лексикограф, распространяются в Хайленде, поскольку сильна устная традиция, для которой несвойственно стремление к точности изложения. Таким примером литератор считал «поэмы Оссиана», изданные Дж. Макферсоном.

Стоит отметить, что в «Путешествии...» Джонсон описывает и жизненный уклад горцев. Основной сферой занятости жителей Хайленда является сельское хозяйство. Большинство горцев, в представлении Джонсона, бедны, поскольку основным продуктом питания для них является овес, а мясо считается дорогой пищей [7, р. 609]. Жилища горцев построены из камня, и если в зажиточных семьях дома искусно обставлены и в них имеются стеклянные окна и полы, то в хижинах простых шотландцев не было и этого.

Итак, в глазах С. Джонсона Хайленд предстал неразвитой страной со скудными природными ресурсами, а его жители – народом, едва ступившим на путь к современному, в понимании литератора, обществу. Именно

в таком свете видели горную Шотландию и другие англичане. Они были убеждены в собственном превосходстве над северными соседями и уверены в правильности проводившейся политики «умиротворения» гальской окраины и ее интеграции в Соединенное Королевство.

-
1. *Couch J. C.* Samuel Johnson on Scotland and the Scots. University of South Carolina Press, 1974.
  2. *Wiltshire J.* «From China to Peru»: Samuel Johnson in the travelled world // *The Cambridge Companion to Samuel Johnson*. Cambridge, 1997. P. 209–223.
  3. *Clark J. C. D.* Samuel Johnson: Literature, Religion and English Cultural Politics from the Restoration to Romanticism. Cambridge, 1994.
  4. *Curley T.* Samuel Johnson and the Age of Travel. University of Georgia Press, 2009.
  5. *Boswell J.* The Journal of the Tour to the Hebrides with Samuel Johnson. URL: <http://www.gutenberg.org/cache/epub/6018/pg6018-images.html>
  6. *Boswell J.* Life of Samuel Johnson. Oxford, 1998.
  7. *Johnson S.* A Journey to the Western Island of Scotland // *Samuel Johnson: The Major Works*. Oxford, 2000. P. 593–642.

Т. С. Киссер

Уральский федеральный университет

Описание чермисов: от А. Олеария до И. Георги*

В 1776–1780 гг. вышел четырехтомный труд И. Г. Георги «Описание всех обитающих в Российском государстве народов». Герой и предмет четырехтомного труда – народ. «Описание» представляет собой систематический этнографический свод и дает общую картину национального состава Российской империи. Всего Георги описал 80 народов, используя при этом специальную схему и систематику.

В этнографической характеристике народов Георги использует сравнения, которые в совокупности представляют собой опыт разработки сравнительно-этнографического метода. Основой данного метода является выделение «референтных народов», через сравнение с которыми Георги характеризует другие народы.

В финской группе народов «референтным народом» выступают черемисы. Например, финны сообразны по своему происхождению, нраву и языку

---

* Работа выполнена в рамках гранта РГНФ-14-01-00413а «Антропология путешествия в этноисторическом контексте» (рук. А. В. Головнёв)

с черемисами, чувашами. Одежда, хозяйство и жилище мордвы сходны с черемисскими: «Упражняются в землепашестве; дворы, землепашество, небольшое скотоводство от черемисского не разнится» [1, с. 14, 43].

Одним из первых обстоятельных известий о черемисах можно считать очерк Адама Олеария в «Описании путешествия в Московию». Главная заслуга Олеария, по мнению Г. Ф. Миллера, состоит в том, что он первым разделил черемисов на нагорных и луговых. Данную систематику впоследствии использует Н. Витсен и Г. Миллер. В описании Олеария и Георги практически не встречается совпадений, за исключением описания обряда жизненного цикла (рождение ребенка и наречение его именем). Георги: «Рожать бабы ходят в баню, первый мужчина, который посетит роженицу, дает имя мальчику, а первая пришедшая женщина девочке» [1, с. 28]. Олеарий: «Кто в этот день раньше всего зайдет к ним или пройдет хотя бы мимо, того имя и получит дитя» [2, с. 364].

Описание черемисов Н. Витсена составлено с использованием материалов Олеария, который был путешественником и делал записи на основе собственных наблюдений и впечатлений. Описание обряда жертвоприношения у Витсена и Олеария одинаково. Витсен: «Жертвоприношение должно происходить в определенных местах, а именно в 40 верстах к югу от Казани, около болота у реки Немда, в которой, по их словам, хозяйничает дьявол, и кто туда явится без дара или жертвы, тот сейчас же высыхает. В 10 верстах оттуда находится другая, среди них известная, вода под названием Шошма, но около Шошмы нельзя приносить жертву» [3, с. 775]. Олеарий: «Говорят, что в казанской области, к югу от Казани миль на 40, в болотистой местности имеется река, именуемая у них Немдою. Сюда они направляются со своими паломничествами и жертвами. Они говорят: “Кто сюда придет и ничего не принесет в жертву, тот зачахнет или засохнет”. Они полагают, что черт имеет резиденцию свою там или, точнее, у реки Шожшем, лежащей в 10 верстах от Немды. Ее черемисы очень боятся» [2, с. 365].

Внешнее описание черемисов представлено у Ф. Страленберга: «Почитай все, имеют черныя волосы и малыя светлосерыя глаза» [4, с. 9]. О женской красоте черемисов говорит Миллер: «Черемисские женщины красотой других превосходят, и от соседственных народов лучше татарок почитаются» [5, с. 12]. Однако Георги не считает черемисок пригожими – им в отличие от русских женщин, «не достает пригожества, бодрости и суетности россиянок» [1, с. 26].

Г. Ф. Миллер описанию черемисов (в т. ч. чувашей и вотяков) посвятил отдельную работу. Основным источником по черемисам для Миллера, наряду с собственными наблюдениями, был труд Олеария. Описание (как и у Георги) строится на определенной схеме, которая совпадает с названиями глав: о жительстве, об их телесных и душевных дарованиях, одежда, о пропитании,

торговле и промыслах, язык, художества, науки, о естественном законе, Бог, о вымышленном их языческом законе и о принадлежащих тому обрядах, о светских поведениях и обыкновениях. В описании Миллером трех языческих народов черемисы фигурируют во всех главах первыми, и при характеристике чувашей и вотяков сравниваются с черемисами, выступающих тем самым «референтным народом». Вероятно, Георги, во многом опиравшийся на схему и метод описания Миллера, принял его установку и в отношении черемисов.

---

1. *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. I. СПб., 1799.

2. *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906.

3. *Витсен Н.* Северная и восточная Тартария. Амстердам, 2010.

4. *Страленберг Ф. И.* Записки Филиппа Иоганна Страленберга об истории и географии Российской империи Петра Великого. Северная и восточная часть Европы и Азии. М.; Л., 1985. Т. 1.

5. *Миллер Г. Ф.* Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. СПб., 1791.

А. В. Иванов

Российский государственный педагогический университет

Картографические представления о курильской проблеме XVIII – начала XIX в. в контексте понятий о праве и справедливости

Территориальная проблема в российско-японских отношениях возникла в конце XVIII в., когда Южные Курильские острова оказались в зоне соприкосновения интересов российских промышленников и правительства сёгуна. Однако юридическое оформление статуса «северных территорий» состоялось на полвека позже, что связано с подписанием Симодского трактата в 1855 г., в соответствии с которым Российская империя признавала острова южнее Урупа собственностью Страны восходящего солнца.

На протяжении конца XVIII – первой половины XIX в. российские и японские исследователи активно занимались научным изучением Курильских островов, что нашло отражение в выпуске ряда карт и чертежей. С увеличением фактического материала картографирование местности претерпевало

значительные изменения, поэтому в процессе освоения архипелага возникали многообразные представления о местоположении, количестве и удаленности тех или иных территорий.

В Российской империи было создано значительное количество карт и чертежей Курильского архипелага, однако наибольший интерес представляет «Карта Иркутского наместничества, состоящая из 4 областей, разделённых на 17 уездов» [1, с. 29], подведшая итог российской картографической деятельности на Дальнем Востоке. Отличительной ее чертой является фиксирование государственных границ: все Курильские острова были включены в состав Российской империи, однако на генеральной карте всей России южная часть Курил не окрашена как территория, примыкающая к Камчатке. На более поздних картографических источниках дальневосточный архипелаг более не относился к Иркутскому наместничеству и практически всегда признавался собственностью Японии. На основании вышеизложенных фактов можно говорить о наличии противоречивых представлений о Курильском архипелаге в центральном правительстве. Косвенным подтверждением сложившегося несоответствия может служить статья из «Нового и полного географического словаря» Л. М. Максимовича 1788 г., посвященная Курильским островам [2, с. 346–347]. Первое же предложение о них содержит неуверенность в причислении архипелага к какой-либо из областей Российской империи, выражающуюся в употреблении причастия «могущие причисляться», т. е. автор не знал документов, которые бы содержали конкретную информацию о статусе дальневосточной гряды и отдельных ее частей по отношению к России.

Аналогичную деятельность в рамках исследования «Дальнего Эдзо» осуществляли и в Японской империи. Географические представления бакуфу о Курильских островах первоначально основывались на знаниях айнов, проживающих в княжестве Мацумаэ. Появление качественно новых чертежей связано с организацией в 1785–1786 гг. первой японской экспедиции на Кунашир, Итуруп и Уруп во главе с Могамы Токунаи. Результатом его работы стали «Общие карты земель Эдзо» [3]. Курильские острова нанесены на них в виде цепи, протянувшейся от полуострова Сиретоко до мыса Лопатки. Одна из карт относит Южные Тисимы к землям, расположенным за пределами Японии, другая – включает их в состав Страны восходящего солнца. По сравнению с предшествующими чертежами, представленные материалы отличаются правдоподобными размерами и очертаниями островов, чего нельзя сказать о Камчатке.

В целом картографические представления японцев в конце XVIII в. ограничивались подробными сведениями о «Северных территориях», чего не скажешь об оставшихся Курильских островах и Камчатке. На основании картографических материалов можно сделать вывод о том, что Япония считала Курильские острова своей неотъемлемой частью: на одной половине

чертежей они полностью входят в состав Эдзоти, на другой – Кунашир, Итуруп, Уруп, Шикотан и Хабомаи принадлежат Стране восходящего солнца. Но нанесение территорий на карты не обеспечивало реального контроля над ними, поэтому в дальнейшем Япония приступила к присоединению Южных Курил, используя все доступные средства.

Картографирование Курильских островов российскими и японскими исследователями создало доказательную базу для каждой из сторон в попытках дальнейшего разрешения территориального конфликта. Однако противоборствующие государства обладали собственными картами и чертежами, не позволяющими однозначно судить о приоритете открытия. Поэтому правовой аспект уступал место конкретным представлениям о справедливых границах, сформировавшихся под влиянием государственных установок и личным впечатлениям первооткрывателей.

---

1. Зиланов В. К., Кошкин А. А., Латышев И. А. Русские Курилы: история и современность : сб. документов по истории формирования русско-японской и советско-японской границы. М., 2002.

2. Максимович Л. М. Новый и полный географический словарь Российского государства : в 6 ч. М., 1788–1789. Ч. II, 1788. С. 346–350.

3. История Курильских островов. URL: <http://www.kuriles-history.ru/maps/geo/japanese/id-35/>

Д. С. Иванова

Уральский федеральный университет

Топографические съемки на Урале в 1854-1865 гг.: вклад французских инженеров-топографов Э. Бержье и А. Аллори

Уже в 1842 г. в главной конторе Екатеринбургских заводов поднимался вопрос о том, что «Уральская область доселе не имеет вовсе топографической карты» [1]. Согласно «Историческому очерку деятельности Корпуса военных топографов 1822–1872 гг.» к тригонометрическим работам на Уральских казенных заводах должны были приступить еще в 1850 г. И для этих работ приглашены были французские топографы Э. Бержье и А. Аллори, работавшие до этого на заводоладельцев Демидовых в заводских дачах. Для картографической съемки Нижнетагильского Горнозаводского округа французским топографам понадобилось 15 лет с 1839 по 1854 г. Многие современники, видевшие уже составленные карты, отмечали, с какой тщатель-

ностью и аккуратностью была проведена работа. После завершения работ в 1854 г. в Нижнетагильском горнозаводском округе французские топографы Аллори и Бержье должны были перейти на службу по контракту в казенные заводы Урала для продолжения составления топографических карт.

Еще в феврале 1852 г. было отправлено письмо из Санкт-Петербурга управляющему Нижнетагильскими заводами Д.В. Белову. В послании предлагалось топографов Аллори и Бержье не задерживать на заводах Демидова, а отпустить работать на казенные заводы: «На представление ваше о том, не будет ли препятствия со стороны Анатолия Николаевича к поступлению занимавшихся при Нижнетагильских заводах топографов Бержье и Аллори к занятиям при казенных заводах, считаю нужным отвечать вам, что коль скоро Бержье и Аллори окончили все межевания и ... работы по соответствию топографической карты, то к увольнению их ни со стороны Анатолия Николаевича, ни вообще со стороны управления никакого препятствия быть не может» [2].

Контракт, заключенный на 7 лет, судя по всему, был выгодным.

Как следует из архивных материалов ГАСО, работы велись пятью топографическими партиями, насчитывающими в среднем по 24 рабочих и 4 начальника групп, включая начальников партий. Полевыми исполнителями были местные жители и обученные инженерами землемеры. Известно, что первыми начальниками партий были Быков, Мудрых, Мануйлов, Бровкин, Ватеркампф; начальниками групп – Быков, Лутков, Кибанов, Мануйлов, Сорокин, Бровкин, Портнягин, Ватеркампф, Тегартен. Маленькие группы (по 2–3 человека) возглавляли ученики, например, Лаптев и Атманских [3].

Рапорты о ходе полевых работ начальники партий переправляли Бержье и Аллори, которые с помощью астрономических инструментов определяли координаты узлов триангуляционной сетки. Оснащение партий состояло в основном из бусселей и секстантов. Углы треугольников измерялись 10-дюймовыми универсальными инструментами работы пулковского механика Георга Константиновича Брауэра четырьмя приемами, но не оборачивая трубы через зенит [4, с. 248–267].

Вместе с тем условия, в которых работали французские топографы, как следует из документов, были не самыми благоприятными [5]. Помощники, которых давали Аллори и Бержье едва успев обучиться увольнялись из-за низкой зарплаты; из-за непоследовательности и непредсказуемости действий горного руководства топографам пришлось триангулировать каждый горный округ отдельно, покрывая его сплошной тригонометрической сетью и измеряя в каждом особый базис; кроме того, желание горного ведомства наискорейшим образом получить материалы топографических съемок привело к тому, что, вопреки правилам, топографические работы проводились в ряде случаев раньше тригонометрических измерений. По окончании контрактного времени работы не были закончены, а так как работы Аллори и Бержье были организованы при

участии Генерального штаба, составленные по окончании их карты исправлялись офицерами Корпуса военных топографов. Корпус военных топографов был организован в 1822 г. для централизованного проведения картографических съемок на территории Российской империи. Корпус действовал под руководством Военно-топографического депо. Начиная с 1832 г. топографические съемки развернулись на территории европейской части Российской империи, а затем продвинулись на Восток.

Карты, планы и топографические съемки составляют ныне 409 дел именного фонда Бержье и Аллори в Государственном архиве Свердловской области.

О дальнейшей судьбе топографов после работы на казенных заводах практически ничего неизвестно. Только то, что Эдуард Адан Эрнест Бержье умер в Шувалове 22 октября 1884 г. и похоронен на католическом кладбище Выборгской стороны в Санкт-Петербурге [6, с. 201].

-
1. ГАСО.Ф.25 Оп.1 Д.1746
  2. ГАСО. Ф.643. Оп.4. Д.137
  3. ГАСО. Ф. 64. Оп.1. Д. 403
  4. Соколов Н. В. Исторический очерк деятельности Корпуса Военных Топографов, 1822–1872. СПб., 1872.
  5. ГАСО. Ф. 64. Оп.1. Д. 403
  6. Петербургский некрополь : в 4 т. Т. 1 (А–Г). СПб, 1912.

Т. В. Воропаева

Омский государственный педагогический университет

Путевые заметки иностранных путешественников как источник изучения пространства Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

Во второй половине XIX – начале XX в. в связи с территориальным расширением Российской империи на восток, развитием географии и этнографии в Сибирь наряду с русскими писателями, исследователями, чиновниками приезжают иностранные путешественники.

Целью данных тезисов является выяснить степень информативности путевых заметок как источника изучения пространства Сибири второй половины XIX – начала XX в. В качестве основных источников для раскрытия пространства Сибири были востребованы путевые заметки иностранных

путешественников Дж. Кеннана [1], Ф. Нансена [2], А. Э. Норденшельда [3], мисс Марсден [4], О. Финша [5], Дж. Фрейзера [6] второй половины XIX – начала XX в.

Изучение жанровых и содержательных особенностей путевых заметок иностранных путешественников о Сибири позволяет разделить их на две группы, которые условно можно обозначить как «литературные путешествия» и научно-исследовательские отчеты.

В первую группу источников нами отнесены путевые заметки иностранных путешественников Дж. Кеннана, Дж. Фрейзера, О. Финша, путешествие мисс Марсден.

Нами были определены основные структурные компоненты содержания путевых заметок, написанных в ходе «литературных» путешествий в Сибирь: описание путевых условий путешествия по Сибири; характеристика природно-географических условий; выделение и характеристика основных городов сибирского региона; выявление основных культурных ценностей региона; определение системы управления регионом; характеристика населения Сибири, их культура, традиции и т. д.

Описание путевых условий путешественников составляют одну из важнейших характеристик пространства региона. Каждый иностранец считает своим долгом прописать все тягости путевых условий. Образ природы приобретает важнейшее значение как первый опыт визуального восприятия региона.

Важный элемент образа пространства региона включает в себя образ города. При содержательном анализе путевых заметок нами выделены основные сибирские города, через которые пролегал путь иностранцев – Тюмень, Омск, Семипалатинск, Барнаул, Томск, Красноярск, Иркутск. Культурные ценности сибирского региона отражены при характеристике основных городов.

Кроме того, люди, их менталитет нравы и обычаи народов Сибири нашли свое отражение в путевых очерках путешественников. Характеристика коренных народов Сибири являются одним из важных элементов описания народонаселения региона.

Следующую группу путевых заметок составляют записки А.Э. Норденшельда и Ф. Нансена, примыкающие к научно-исследовательским отчетам.

Основное содержание путевых очерков, написанных в результате экспедиций, составляют путевые условия; исследовательская деятельность экспедиции приполярных территорий крайнего Севера; социокультурные представления о регионе.

Научно-исследовательские экспедиции прежде всего обращали свой взор, с точки зрения научных изысканий, на почвенные, климатические, гидрологические условия территории Крайнего Севера. Их главной целью было

описание природных условий малоизученных территорий, картографирование, сбор коллекций, наблюдения гидрографического и климатологического характера.

Социокультурные представления о регионе в данных путевых заметках встречаются эпизодически, они касаются прежде всего местного населения приполярных территорий.

Итак, путевые заметки иностранных путешественников второй половины XIX – начала XX в., содержат сведения о Сибири, включающие различные стороны ее жизни: административное управление, экономический потенциал, социокультурные характеристики общества. Изучение содержания путевых заметок иностранных путешественников второй половины XIX – начала XX в. позволяет определить конструирующийся образ региона во время путешествий в Сибирь.

---

1. *Кеннан Дж.* Сибирь и ссылка: Путевые заметки (1885–1886) : в 2 т. СПб., 1999.

2. *Нансен Ф.* Среди льдов и во мраке полярной ночи. М., 1898.

3. *Норденшельд А. Э.* Путешествие А. Э. Норденшельда вокруг Европы и Азии на пароходе «Вега» в 1878–1880 г. СПб., 1881.

4. *Марсден К.* Путешествие английской сестры милосердия в Якутскую область для помощи прокаженным. СПб., 1892.

5. *Финш О.* Путешествие в Западную Сибирь. М., 1882.

6. *Фрейзер Дж. Ф.* Реальная Сибирь. URL: <http://www.sibtours.com/?pid=50&gid=53>

СЕКЦИЯ V.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ИСТОРИИ: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

А. С. Курасова

Южно-Уральский государственный университет

История повседневности: исследовательская рефлексия

Повседневность – это привычка или процесс перехода изменений в обыденность, в результате которого индивид интегрируется в общество. XX в., отмеченный предельным сжатием исторического времени и глобализацией, превратил эту трансформацию перемен в рутину в одну из основных характеристик человеческой жизни [1, с. 2]. В современном постиндустриальном обществе повседневная жизнь человека незаметно, но постоянно подвергается стандартизации, а это, в свою очередь, становится одним из каналов воздействия массовой культуры на сознание, манипуляции им. Стремлением избежать подобного насилия объясняется усиление исследовательского поиска в отношении изучения повседневности в исторической ретроспективе [2, с. 3]. Поэтому закономерно возникший во второй половине XX в. интерес ученых разных специальностей к повседневной жизни людей не случаен. От науки потребовалась определенная систематизация чрезвычайно разнообразных составляющих современного образа жизни и поведенческих стереотипов [1, с. 2].

Современные российские исследователи признают сложность и многоаспектность тематики, связанной с историей повседневности. Однако осмысление проблемы, как правило, остается на уровне подобных общих заявлений. Нередко исследователи вообще никак не поясняют, что они понимают под «повседневностью». Складывается впечатление, что повседневность, образно выражаясь, приняла эстафету у другого, столь же размытого понятия «ментальность», выступая в качестве ни к чему не обязывающей рамки или «шапки» для самых разнообразных сюжетов, интересующих исследователей [3, с. 171]. Мода на историю повседневности

грозит опасностью «забалтывания» самого понятия и в конечном счете дискредитации всего научного направления в целом. Большинство академических исследований на подобные темы страдает одним общим недостатком – отсутствием продуманной концепции того, что, собственно, называется «повседневностью» [3, с. 178]. «Занимательное чтение по истории», которое составляло значительный пласт литературы XIX в., совершает попытки возродиться как побочный продукт «истории повседневности». Однако авторы данного направления ошибочно называют свои описательные модели исследованиями в рамках концепции «истории повседневности» в ее каноническом немецком варианте [4, с. 33].

Основная проблема заключается в том, что современные исследователи склонны трактовать историю повседневности как особую предметную область, подобно уже вышедшей из моды истории ментальности. Соответственно, они объективируют предмет своих занятий, объявляя повседневность некой сферой реальности, а затем тщетно пытаются очертить рамки этой сферы. Поскольку обыденная жизнь не существует как некий природный объект, то ее изучение или написание ее истории едва ли может быть самостоятельной научной задачей. История повседневности приобретает смысл только тогда, когда обнаруживается «противник», в сторону которого направлено «острие понятия повседневности». Иными словами, если историк хочет пересмотреть ту или иную историческую концепцию или даже реформировать целое направление исторических исследований (военную, политическую, экономическую историю и т.п.), то он может прибегнуть к ее «оповседневниванию». Эффект «повседневности» наиболее убедительно достигается в тех исследованиях, в которых последовательно применяется микроисторический подход [3, с. 175].

Изучение той или иной эпохи человеческой истории на современном этапе развития науки не может игнорировать сферу повседневной жизни, и в то же время невозможно только через повседневность понять всю суть исторического развития [1, с. 5]. Применение методов истории повседневности к российскому материалу значительно расширяет проблемное поле историков, обращая внимание исторического сообщества на проблему пересмотра прежде заявленных концепций, и позволяет по-новому взглянуть на ранее изученные исторические источники [4, с. 36].

---

1. Тимофеева Т. Ю. Повседневность и её история в научном познании: сосуществование в противоборстве // «Ломоносовские чтения», 27 апреля 2010 г. URL:<http://www.hist.msu.ru/Departments/ModernHist/sites/default/files/TimofeevaTY.pdf>

2. Белова А. В. Повседневная жизнь провинциальной дворянки Центральной России: XVIII – середина XIX в. : автореферат дисс. ... докт. ист. наук. М., 2009.

3. Кром М. М. Историческая антропология. СПб., 2010.

4. Ильясова А. В. Реалии и перспективы истории повседневности в российской историографии // Вестн. Харьк. нац. ун-та. 2011. № 982. Серия «История». Вып. 44. С. 30–38.

А. Плате

Уральский федеральный университет

Применение законодательства в области уголовного права Екатерины II на примере одного дела нижней расправы г. Екатеринбурга*

Время правления Екатерины II характеризуется значительными изменениями в области развития права. Впервые возникает идея о необходимости различения гражданского и уголовного права. Несмотря на то, что в период правления Екатерины II уголовное право так и не было систематизировано, под влиянием идей Просвещения в нем произошли существенные изменения. Это можно заметить по «Наказу Комиссии о сочинении проекта нового Уложения» от 1767 г., где императрица подробно изложила свои представления об уголовном праве. Многие из заявленных в нем идеи нашли свое отражение в отдельных законах или статьях законодательных актов реформ 1775–1785 гг. [1, с. 229–231].

В первую очередь изменения коснулись системы наказаний. В отличие от Соборного Уложения 1649 г. и рассматривающего наказания «с древней точки зрения – мести» [2, с. 432] Воинского Артикула Петра I, Екатерина II видела цель наказания в защите общества.

Несмотря на то, что телесные наказания еще применялись на практике, в перспективе они должны были смениться лишением свободы [4, с. 831]. В связи с этим Екатерина II уже в 1760-х гг. предприняла попытку создания тюрем с более приемлемыми условиями содержания [5, с. 33]. Кроме того, «Учреждения управления губерний всероссийской империи» 1775 г. предусматривали создание в каждом губернском и уездном городе «рабочих домов» и смиренных домов для социально неблагополучных лиц [6, № 14392]. Первым уделялось особое внимание после издания указа от

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

3 апреля 1781 г. Он предписывал наказывать арестом и направлением в рабочий дом не более трех раз судимых за кражу предметов на сумму, не превышающую 20 рублей [7, № 15147]. Это означало существенное смягчение наказания за мелкие имущественные преступления.

Примером для иллюстрации тенденции может служить дело мастерового Верх-Исетского завода Е. Беляева и его жены А. Леонтьевой. Оно было подано на рассмотрение в нижнюю расправу Екатеринбургa в октябре 1789 г. [3, Л. 1–8]. Е. Беляев украл из Успенской церкви завода два медных подсвечника, оловянную посуду и сумму денег в 2 руб. 53 коп. Помимо указанного случая в дело был включен и другой эпизод, имевший место в 1788 г. В ту пору Е. Беляев работал церковным трапезником той же церкви, откуда он привез кусок полотна и «забыл» его вернуть. Жена Е. Беляева, заявлял обвиняемый, ничего об этом не знала. Из полотна она сшила рубаху, и затем продала ее на рынке. Оба, как вытекает из показаний свидетелей и результатов розыскных действий нижнего земского суда, ранее судимы не были. Е. Беляев за кражу вещей общей стоимостью в 5 руб. 37 коп. был наказан в соответствии с указом от 3 апреля 1781 г.

Более сложным было вынесение приговора для его жены, которая призналась, что о происхождении полотна ей было известно. Суд сначала сослался на пункт 3 главы 21 Уложения 1649 г., а также статью 189 Воинского устава, который наказывал соучастников кражи как самого преступника «отрезав нос и уши, сослать на каторгу». На практике был применен новый, более мягкий закон. Нижняя расправа вынесла приговор в соответствии с указом от 22 августа 1765 г. В наказание за соучастие А. Беляева была обязана всего лишь возместить стоимость украденной вещи, которую она должна была отработать в рабочем доме.

При вынесении приговора супругам Беляевым нижняя расправа была вынуждена учитывать местные условия: Пермское наместническое правление еще не выполнило распоряжения правительства о создании специальных рабочих домов в регионе [7, № 15657]. По этой причине суд воспользовался другим указом наместнического правления: «Во исполнение от второго числа сего ноября месяца из пермского наместнического правления к употреблению в рабочие дома отослать при сообщении к екатеринбургским городническим делам где велеть заработать Беляевым покраженную цену...» [3, Л. 12].

---

1. Бабкова Г. О. Проект «Уголовного уложения Екатерины II и «Комментарии на английские законы» У. Блэкстона. Проблема трансфера // Вина и позор в контексте становления современных европейских государств (XVII–XX вв.). СПб., 2011. С. 229–245.

2. Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. М., 2005.

3. ГАСО. Ф. 591. Оп. 1. Д. 12

4. *Клеандрова В. М.* Уголовное законодательство // Законодательство Екатерины II : в 2 т. М., 2001. Т. 2. С. 824–838.

5. *Миронов Б. Н.* Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства : в 2-х т. СПб., 2000. Т. 2.

6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 20.

7. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 21.

М. Ю. Сурков

Уральский федеральный университет

Доходный дом и дом-коммуна: формы организации быта в конце XIX – начале XX в.

Грязь, зловоние и бедность под одной крышей с чистотой, ароматом духов и роскошью. Равенство, коллективизм и близость жильцов. Страна – одна, эпохи – две. Доходный дом – воплощение старой, косной, несправедливой Российской империи. Привычная, надоевшая реальность. Дом-коммуна – светоч, идеал молодой, мечтающей Советской России. Призрачное, манящее светлое будущее.

При обращении к истории быта в живописный гобелен истории вплетаются тонкие нити ежедневных забот, проблем и мечтаний; чем четче намечены контуры моделей человека в повседневной жизни, тем яснее выступают на холсте, изображающем человеческие деяния, причины, побуждающие людей к определенным поступкам. Роль архитектуры в нашей жизни неоценима, поэтому бытовая история немыслима без сюжетов, связанных с зодчеством.

Современные исследователи интересуются проблемами жилой архитектуры в контексте истории повседневности рубежа XIX–XX вв. и первых лет советской власти [1; 2].

Доходный дом – это здание, предназначенное для сдачи квартир внаём на длительный срок. В конце XIX – начале XX в. дома этого типа заняли большую часть современного исторического центра Санкт-Петербурга. Их сомкнутые разноликие фасады, с чернеющими арками, тянут случайного прохожего внутрь, в плен каменных колодцев-дворов. Неприглядную повседневность беднейших обитателей доходных домов красочно описал Ф. М. Достоевский: у Раскольниковых «была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид с своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко...» [3, с. 34], в которую подни-

мались по черной лестнице, которая была «узкая, грязная, крутая, никогда не освещенная» [4, с. 172]. Людей поражала теснота дворов:

Мне снятся жуткие провалы
Зажатых камнями дворов...

П. Соловьева. «Петербург» [5, с. 228]

Дом-коммуна – это комплекс помещений, обслуживающих как коллектив в целом, так и каждого его члена в отдельности. В основу данной формы организации быта были положены четкая дифференциация бытовых процессов и максимальная их коллективизация. В 1920-х гг. концепция этого типа жилья активно разрабатывалась и претворялась в жизнь архитекторами-конструктивистами по всей стране, поскольку социальные преобразования, направленные на слом частнособственнической и индивидуалистской психологии человека, не могли не затронуть проблемы расселения. Дом-коммуна создавался как новая форма организации для нового содержания жизни, поскольку в старых, гнилых формах буржуазных квартир доходных домов [6, с. 125] разрешать вопросы, связанные с устройством нового быта было невозможно. Проблема нового быта заключала в себе «вопросы раскрепощения хозяйства..., воспитательное значение (в смысле продвижения к действительной общественной жизни» [6, с. 126], ответы на которые давались в утопических и реальных проектах домов-коммун. В Екатеринбурге, который в 1920-х гг. стал центром реализации замыслов конструктивистов, были осуществлены ставшие сегодня классикой этого архитектурного стиля проекты домов-коммун: дома Уралоблсовета (1931–1933 гг., арх. М. Я. Гинзбург, А. А. Пастернак, инженер С. Л. Прохоров), дом Горсовета № 5 (1930-е гг., арх. В. Дубровин).

Сравнение данных форм организации быта возможно по следующим критериям: назначение; пространственная организация здания; социальный состав жильцов; отражение структуры здания в его архитектурных особенностях.

Результаты сравнения показывают, что эти типы зданий антагонистичны. Принцип бинарных оппозиций раскрывает нам их противоположность: стремление к наживе – бескорыстный идеал; разделение жильцов – максимальное сплочение; декор одного парадного фасада – аскетизм всего объема здания. И это более чем естественно, поскольку доходный дом был порождением эпохи капитализма и его внутренняя организация, в основе которой лежала замкнутая в себе квартира, и внешний облик старались удовлетворить желание домовладельца получить наибольшую прибыль при наименьших затратах. Идея домов-коммун, родилась вместе с Октябрем, и целью архитекторов-конструктивистов было достижение идеалов коммунистической утопии при помощи формирования нового, советского человека. Главную

роль в доме-коммуне играли помещения общественного пользования: столовые, места для отдыха, коридоры, а индивидуальные жилые ячейки в идеале предназначались лишь для сна.

-
1. Юхнёва Е. Д. Петербургские доходные дома. Очерки из истории быта. М., 2012.
  2. Хан-Магомедов С. О. Архитектура советского авангарда : в 2 кн. Кн. 2: Социальные проблемы. М., 2001.
  3. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1998.
  4. Достоевский Ф. М. Униженные и оскорбленные. М., 1998.
  5. Петербург в русской поэзии (XVIII – начало XX века). Л., 1988.
  6. Пастернак А. Л. Новые формы современного жилья // Современная архитектура. 1927. № 4–5. С. 125–129.

К. А. Беспалова

Уральский федеральный университет

Путешествие Люка Дюртена и Шарля Вильдрака в СССР: взгляд французских левых интеллектуалов на советскую действительность

Становление «левого интеллектуала» – характерный феномен, определивший специфику французской культуры и политической жизни в XX в. [1, с. 97]. С XIX в. «левые интеллектуалы» отождествляли себя с людьми «другого» миропорядка. Большие обороты бунты и выступления интеллектуалов против существующего мира набирают в 1930-х гг. в преддверии Второй мировой войны.

Большое влияние на общественное мнение оказал Международный конгресс писателей в защиту культуры, проходивший в 1935 г. в Париже, который был проведен против растущей опасности фашизма. После этого конгресса возрос интерес к Советскому Союзу и в середине 1920–1930 гг. многие западные писатели посещали нашу страну, но больший интерес проявили французские писатели такие, как Л. Дюртен, Ж. Дюамель, Р. Роллан, Ш. Вильдрак, А. Жид и т. п. В данной статье освящены впечатления Люка Дюртена и Шарля Вильдрака.

Для обоих писателей это было второе путешествие в Советский союз (в 1927 г. Л. Дюртен, в 1929 г. Ш. Вильдрак и в 1935 г. писатели посетили

СССР вместе), а значит, они смогли проследить развитие страны, сравнить уровни «до» и «после».

Целью второго визита в Советский союз для писателей было желание увидеть своими глазами достигнутый уровень, перемены, произошедшие за 6–8 лет. По прибытии в Москву Ш. Вильдрак отмечает, что город очень изменился: «По дороге с вокзала в гостиницу я успел увидеть массу новых зданий, огромное строительство... Москва полна бодрости, хорошего настроения, оптимизма» [2, с. 17].

Писатели отмечают атмосферу энтузиазма, солидарности и любви к общему делу в общественном настроении: «Создается впечатление, будто миллионы мужчин, женщин, детей бодро и радостно шагают в одном направлении по широкой и свободной дороге, становящейся все прекраснее по мере того, как они продвигаются вперед» [3, с. 1]. Писателей поражает огромное количество молодых кадров, и не только в качестве простых рабочих, но и на руководящих должностях: «Вот директор совхоза, организующий работу 2 тысяч трудящихся. Ему всего 30. А вот 25-летняя женщина-врач; она руководит гидротерапевтической лечебницей» [3, с. 1].

Ш. Вильдрак в своем очерке поражается бескрайним просторам страны: «Мозаика участков, дробление совершенно исчезли. До самого горизонта сплошные нивы или скошенные поля со скирдами в местах, где уборка урожая уже началась» [4, с. 267].

Л. Дюртен же отмечает, что нищета и голод, которые он видел в 1927 г., ликвидированы. Писатель видит изобилие продуктов питания в магазинах, а так же отмечает, что «даже одежда прохожих на улице доставляет прекрасный сюрприз» [5, с. 14].

Л. Дюртен так же, как и Ш. Вильдрак восхищается советской молодежью: «Какая прекрасная молодежь! Непринужденно гордая, проявляющая одновременно и физическую силу и активность ума» [5, с. 15.] Французский писатель отмечает поддержку науки и образования в стране: «Библиотеки, столь многочисленные, и беспрерывно опустошаемые читателями», а также поддержку творческих людей: «нет ни одной страны, где бы писатель и художественное творчество так поощрялись, получали поддержку» [5, с. 15]

В Ленинграде писатели посетили праздник в одном из домов отдыха, в котором принимали участие представители разных народов союза – русские, украинцы, узбеки, кавказцы. И выступления участников заворожили Л. Дюртена: «Братский союз ради искусства родился из политики, далеко переброшенной за пределы всех национализмов» [5, с. 16.]. Писатель по-настоящему поражен этой дружбой народов ради общего дела, без насилия и жертв и в конце своего произведения «Восемь лет спустя», он делает вывод, что «в этом заключается одна из побед Сталина», что в Советском союзе удалось достичь «человеческого и вселенского смысла слова “отечество”». [5, с. 17].

Некоторая критика советского режима со стороны французских писателей все же была: отсутствие свободы творчества, огосударствление всей литературы. Возможно, они догадывались, что им показывали исключительно все самое лучшее (это не нашло отражения в их творчестве). Но, если они не стремились сами увидеть что-то, помимо показанного, значит главной целью их путешествий было увидеть именно тот сказочный и волшебный мир, каким его им представляли и описывали, а не реальную картину Советской жизни. А такой взгляд на советскую действительность не является объективным.

---

1. Краева Т. В. Французские левые интеллектуалы и Советский Союз: механизмы взаимодействия и литературные контакты в 1920-х – середине 1930-х гг. // Вестн. Перм. ун-та. 2013. № 2 (22).

2. Дюртен Л. и Вильдрак Ш. в Москве. Первые впечатления // Рабочая Москва. 1935. № 18. 6 августа.

3. Вильдрак Ш. Единодушие и молодость // Литературная газета. 1935. № 51. 15 сентября.

4. Вильдрак Ш. Новая Россия. 1937// Знамя. 1937. № 11.

5. Дюртен Л. Восемь лет спустя // Звезда. 1935. №9. С. 14–17.

К. А. Буренко

Казанский федеральный университет

Казанская специальная средняя школа ВВС Красной Армии № 9 в годы Великой Отечественной войны

Казань как авиационный город дал стране немало летчиков, инженеров, ученых, сыгравших немалую роль в становлении ВВС. Казанцы также участвовали и в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Казанская специальная школа ВВС № 9 закрылась более полувека назад, поэтому неудивительно, что о подобном учебном заведении в нашем городе помнят только старожилы города. Воссоздать историю в этих условиях очень непросто: специальных работ, посвященных теме исследования нет, есть только упоминания в книгах памяти и справочниках, посвященных судьбам участников Великой Отечественной войны. Таким образом, несложно сделать вывод, что об этой школе в г. Казани просто забыли, кроме тех, кто непосредственно в ней учился. Но и на сегодняшний день их осталось не так много.

Цель исследования – это изучение истории Казанской специальной школы ВВС Красной Армии № 9 в годы Великой Отечественной войны. Для достижения поставленной цели ставятся следующие задачи: анализ структуры и постановки учебно-воспитательного дела в спецшколе ВВС Красной Армии № 9; рассмотрение биографий учащихся-выпускников и преподавателей Казанской спецшколы ВВС 1941–1945 гг., их вклад в историю Великой Отечественной войны.

Спецшколы ВВС были созданы на основе следующих документов, которые были рассмотрены в ходе исследования. Это Постановление № 2276 «Об организации специальных средних школ ВВС» СНК СССР от 6 ноября 1940 г. [1, с. 1001].

Для изучения внутренней организации работы учебного заведения были привлечены архивные материалы Национального архива республики Татарстан [2] и Государственного архива документов по личному составу Республики Татарстан [3], но здесь возникла проблема – источников по этой школе крайне мало, остальные не сохранились, либо в крайне неудовлетворительном состоянии, что делает невозможным их прочесть.

В соответствии с постановлением 1940 г. в Казани была создана 9-я Казанская специальная средняя школа ВВС – Казанская спецшкола ВВС Красной Армии № 9 [1]. Занятия начались 13 января 1941 г. в здании рядом с современной Национальной библиотекой на улице Кремлевской г. Казани. Несколько позднее в этом здании был организован госпиталь, а спецшколу перевели в здание средней школы № 6.

Начальником спецшколы был назначен Юсеф Ахметзянович Туишев, которому было тогда 34 года, но он уже имел солидный педагогический стаж и опыт руководящей работы в учреждениях системы народного образования. Под его руководством во второй половине 1940 г. шло формирование педагогического коллектива и отбор в общеобразовательных средних школах города будущих учащихся спецшколы. Одновременно решались и хозяйственные вопросы: организации питания, обеспечения форменной одеждой преподавателей и учащихся [4].

В июне 1941 г. должна была состояться первая экзаменационная сессия, но началась Великая Отечественная война. Об этом трагическом событии повествуют воспоминания выпускника 1943 г. Ф.Г. Газизуллина: «На 3 июля 1941 г. был назначен наш выход в военные лагеря. Сборы проходили на “Черном озере”. Нас провожали родные и близкие, сотни людей. Когда наши колонны проходили через “кольцо” (там был установлен мощный репродуктор), по радио выступал И. В. Сталин с известным обращением к советскому народу. Это еще больше накалило атмосферу, обострило патриотические чувства. По прибытию в лагерь состоялся митинг, прошедший по-юношески эмоционально. Были выступления старшеклассников с просьбой отправить

их на фронт. Выступил Ю. А. Туишев, он сказал, что разделяет наши чувства и горд за наш патриотизм. Но далее дал конструктивные советы: «Фронту нужны в другом качестве – качестве летчиков, и поэтому ваша задача сегодня – хорошо учиться, овладевать знаниями, военным делом. Повоевать вы еще успеете»» (воспоминания записаны со слов в 2010 г.).

Спецшколы были открыты в двадцати крупных городах страны накануне войны под патриотическим лозунгом 1930-х гг. «Дадим стране сто тысяч летчиков!» [4]. Они подготовили для службы в авиации сорок тысяч юношей. Их воспитывали под крылатым сталинским призывом: «Летать выше всех, дальше всех, быстрее всех!» Дстойное место среди них заняли выпускники Казанской спецшколы ВВС, сохранившие верность небу на всю жизнь [3, Л. 1–2].

Казанская спецшкола ВВС № 9 за 1943–1955 гг. выпустила около двух тысяч «спецов». Многие выпускники спецшколы стали заметными в стране личностями, видными специалистами в Вооруженных силах и различных отраслях народного хозяйства.

---

1. Об организации специальных средних школ военно-воздушных сил. 6 ноября 1940 г. // Собрание постановлений правительства Союза Советских Социалистических республик. 1940. № 30. С. 1003–1005.

2. НАРТ Ф. 615. Оп. 2 Д. 1.

3. ГА ДЛС РТ Ф. 615. Оп. 2. Д. 28.

4. Как Казань военную авиацию на крыло ставила // Бизнес-онлайн: деловая электронная газета Татарстана. URL: <http://www.business-gazeta.ru/article/64471/>

В. А. Веретёнов

Высшая школа экономики, Пермский филиал

Личный автомобиль как элемент образа жизни советского человека

Исследовательская работа рассматривает персональный транспорт как один из элементов образа жизни советского человека, который позволяет расширить понимание советской жизни и восприятия такого человека. Такое знание позволяет по иному взглянуть на процессы, происходящие в современной России, связанные с автомобилестроением вообще и культурой автомобилистов в частности. В ходе изучения особенностей легкового автомобилестроения в СССР в 20–80-е гг. XX в. были выявлены три основных периода.

Первый период (1927–1941 гг.) характеризуется освоением производства легковых автомобилей и обеспечением ими государственных органов и городских служб [1, с. 20], при практически полном отсутствии продажи автомобилей в частные руки, исключая лотереи и заслуги перед государством.

Второй период (1945–1970 гг.) связан с постепенным наращиванием производства и его модернизацией. Также появляется возможность приобрести автомобиль в личное пользование, несмотря на высокие цены.

Третий период (1970–1991 гг.) знаменуется введением в строй Волжского автомобильного завода (ВАЗ) [1] и, как следствие, возрастанием уровня объема производства легковых автомашин. Именно с начала 1970-х гг. множество советских людей обзавелись своим личным транспортом, и именно в это время советское автомобилестроение достигло пика своего развития [2].

Для понимания особенностей приобретения и потребления легкового автомобиля, а также для выявления смыслов, связанных с транспортом, привлекается широкий спектр данных, полученных в ходе интервью с автовладельцами, работой с архивными документами, газетными статьями и журналами, а также видеоматериалы. Из пяти интервью, полученных в ходе общения с водителями, прежде всего, необходимо выделить разнообразный состав респондентов, среди которых рабочие, директора предприятий и работник Госавтоинспекции. Возраст респондентов колеблется от 55 до 70 лет, все они большую часть своей жизни прожили в городе. Общее количество времени, потраченного на все интервью, составляет более двух с половиной часов.

В отличие от капиталистических стран, покупка машины в СССР была сопряжена с дополнительными трудностями. Желание приобрести собственный автомобиль было у многих советских граждан. Однако из-за значительных очередей, в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в. транспорт начали продавать через предприятия и организации [1]. Партии машин отправляли по областным центрам, которые, в свою очередь, распределяли их среди предприятий и других городов. Для получения автомобиля требовалось также дожидаться своей очереди, заплатить деньги и приобрести долгожданный автомобиль. Если же вариантов не оставалось, то путь был на черный рынок, где цены на автомобили могли быть в два-три раза выше установленной цены [2, с. 158].

Специфичность потребления советского человека оказывала влияние не только на его спрос, но и на автомобильную промышленность. На формирование особенностей потребления советских автомашин играли несколько факторов. Первый, и один из самых важных, заключался в модели советской экономики, которая не могла обеспечить всех желающих нужным количеством автотранспорта. Помимо этого, немалую роль играла и своеобразная советская урбанизация с полудеревенскими окраинами и феноменом дач, на которых выигрывали машины не с высоким уровнем комфорта, а с большим объемом багажника. Имел место и культурный фактор, который основывался на то, что техника – исключительно мужское дело.

Высокая стоимость автомобиля вкупе с возникающими сложностями приобретения вынуждали водителя часто превращаться в автомеханика. Купив долгожданный автомобиль, автолюбитель сталкивался в первую очередь с разбитыми дорогами, ухабами и ямами. Из-за поездок по таким местам, а также из-за посредственного качества сборки моделей, вставал вопрос о ремонте. Однако дефицит запчастей и деталей к машине подталкивал человека заводить знакомства с сотрудниками автомобильного магазина, выяснять наличие деталей у соседей по гаражу, либо вновь отправляться на черный рынок [3, с. 192]. Поэтому приходилось проводить ремонт машины собственными силами, создавая из подручных материалов собственные запчасти.

Несмотря на трудности, возникающие в ходе эксплуатации автомобиля, он был для советского человека не просто средством передвижения, а боевым товарищем и «трудовой лошадкой». Он был возможностью, за которую человек хватался, что самоутвердиться в самом себе и доказать, что он не хуже других.

-
1. Долматовский Ю. А. Автомобиль за 100 лет. М., 1986.
  2. Герман М. Ю. Сложное прошлое. СПб., 2006.
  3. Снаффорд Ф. Страна изобилия. СПб., 2012.

О. С. Фоминцев

Уральский федеральный университет

Формы и сферы бытования советского анекдота в период «застоя»

Говоря о повседневности, невозможно игнорировать такое явление, как юмор, являющийся неотъемлемой частью культуры и существующий на всех уровнях общества, самовоспроизводясь и изменяясь в соответствии с нуждами, взглядами, требованиями сферы своего бытования. Каждая социальная или профессиональная группа является носителем своего, специфического юмора так же, как характерного для культуры общества в целом.

Одной из основных форм бытования юмора является анекдот. Обычно он рассматривается как чисто развлекательное явление, но для историков важнее его другая сторона. Уже то, над чем смеялись, – информация. Тем более что и сам анекдот содержит в себе информацию, скрытую и потому привлекательную. Она способна дать представление о том, что было важно и интересно для современников, но не попало в официальные документы. Это дает новый взгляд «изнутри» среды бытования анекдотов, казалось бы, на уже изученные проблемы.

Как правило, анекдот становится объектом научного исследования с точки зрения филологии и культурологи как элемент устного фольклора. В качестве исторического источника привлекается нечасто, но исследования с его использованием существуют. Преобладают работы, рассматривающие анекдот лишь как дополнение, иллюстрирующие определенные процессы, но не как источник [1; 2; 3]. В этом качестве анекдот чаще фигурирует в отдельных статьях [4] либо диссертационных исследованиях [5].

Среди форм бытования следует выделить две основные: устную и письменную. Традиционно анекдот понимается как устный жанр. Действительно, подавляющее большинство анекдотов существовало и воспроизводилось в устной форме. Особенно это касается сфер, по тем или иным причинам в контексте юмора не одобряемых. Но не стоит забывать, что анекдот также имел письменную форму. Обычно он появлялся либо на страницах официальных печатных изданий (например, «Крокодил», «Перец», «Литературная газета») в соответствующих рубриках, либо в оппозиционной эмигрантской прессе.

В сферах бытования анекдотов можно выделить бытовую, понятную большим группам населения, живущим в приблизительно одинаковых условиях и освещаемую в обеих формах достаточно активно, социально-политическую, связанную с процессами и явлениями в сфере власти и общества и отражаемую преимущественно, но не исключительно в устной форме, а также множество профессиональных, требующих для понимания соответствующих знаний и почти никогда не печатавшихся в силу своей специфики, в лучшем случае реализующихся письменно в области самостоятельности. Разумеется, каждая из перечисленных сфер может быть разделена на более дробные. Фактически количество сфер, затрагиваемых анекдотом, не меньше количества сфер самой жизни во всем ее многообразии.

Как правило, и в официальной, и в оппозиционной печати анекдот имел ту или иную степень политической окраски, даже если сам по себе ее не подразумевал. Опубликованный анекдот способен сформировать у читателя нужное представление о чем-либо, подтолкнуть к желательному мнению, следовательно, поднимаемые проблемы и форма их освещения зависели как от редакционной политики, так и от целевой аудитории издания.

Говоря о «застое» следует отметить большое внимание к вопросам экономического характера, особенно в области дефицита и качества продукции, в том числе в официальной печати. Например, несмотря на разницу между целевыми аудиториями «Крокодила» и «Литературной газеты», данные вопросы были одними из наиболее освещаемых на протяжении всего периода. Большой популярностью пользовались сюжеты, посвященные здравоохранению и натиску западной культуры. Также «застой» стал «золотым веком» политического анекдота, бытовавшего, по понятным причинам, преимущественно в устной форме. Но отголоски доходили и до официальной печати, выражаясь в сюжетах об эффективности управления.

В заключение следует отметить, что анекдот бытовал в крайне разнообразных сферах, принимая любую форму, подходящую для поддержания своего существования через воспроизведение, таким образом, сохраняя весьма специфические сведения, в том числе, о повседневной жизни, что даёт современному исследователю широкие возможности для изучения прошлого под своеобразным и малоизвестным углом зрения.

-
1. *Разуваев В.* Народный смех в советской политической культуре 60–80-х годов: «Батюшка-генсек» в зеркале анекдотов // Субботник Интернет. 30 июня 2001 г. URL: <http://saturday.ng.ru>
  2. *Руднев В.* Прагматика анекдота // Даугава. 1990. № 6.
  3. *Штурман Д.* Советский Союз в зеркале политического анекдота. М., 1992.
  4. *Еремеева Е. А.* Советский юмористический дискурс: контент-анализ советских политических анекдотов и журнала «Перець» // Информационный бюллетень ассоциации «История и компьютер». 2012. № 38.
  5. *Мельниченко М. А.* Советский политический анекдот 1918-1953 годов как исторический источник : автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 2011.

Д. Н. Перевай

Новгородский государственный университет

Герой или муза: образ женщины в советских и немецких кинофильмах 1930–1940-х гг.

Кинодокументы традиционно выделяются в отдельную группу исторических источников. Ощущение реальности, которое вызывает кинематограф у зрителя на подсознательном уровне, дополненное эмоциональным восприятием, превращает его в грозное оружие влияния на массовое сознание [1]. Тоталитарные режимы XX в. активно пользовались этим оружием.

В 1930-е гг. кинематографистов СССР интересовал процесс формирования нового социалистического сознания в ходе борьбы за социализм; внимание было перенесено с образа народной массы на характеры типических ее представителей, воплощаемые в развитии [2].

Немецкий кинематограф избегал реалистичного изображения жизни, предлагая зрителю идеализированную картинку в жанре комедии, мюзикла, костюмированной драмы. Фильмы, казавшиеся чисто развлекательными, способствовали укреплению идеологии режима, делая доктрину более эффективной и менее навязчивой [3].

Обе политические системы стремились внедрить в массовое сознание одобренные ими модели мышления и поведения, вследствие чего в худо-

жественном кино возникли определенные типажи Героя и Героини. И, если мужские образы в фильмах обеих стран были весьма схожи, то женские существенно различались.

Киноперсонажам данного периода посвящены многие научные и научно-популярные работы. Так, стоит упомянуть имя А. В. Васильченко, уделившего большое внимание значимым актрисам Третьего рейха и образам, воплощенным ими на экране [4]. Однако женские образы в советском и немецком кино обычно изучались обособленно; в данном докладе же мы предпримем попытку сравнительного анализа. На наш взгляд, подобный подход может помочь обнаружить новые грани изучаемого феномена и существенно обогатить научное знание в области истории пропаганды.

В качестве примеров были выбраны типичные для своего историко-культурного контекста фильмы – «Светлый путь» (СССР, 1940 г., реж. Г. Александров) и «Девушка моей мечты» (Германия, 1944 г., реж. Г. Якоби). Оба фильма принадлежат к жанру музыкальной комедии.

Героиня «Светлого пути», деревенская девушка Таня Морозова (Л. Орлова), проходит путь от домработницы до передовой ткачихи. Кульминация фильма – награждение ее орденом Ленина: вчерашняя замарашка оказывается в прекрасном дворце, где кружится в танце среди хрустальных люстр и зеркал. Есть в фильме и любовная коллизия: на протяжении всего своего «светлого пути» Таня влюблена в молодого инженера Алексея Лебедева, но считает себя недостойной его – пока ее не награждают орденом.

Героиня фильма «Девушка моей мечты», звезда мюзиклов Юлия Кёстер (М. Рёкк), ссорится с импресарио, бросает театр и уезжает. Во время минутной остановки поезда певица случайно выходит на глухом полустанке в горах, где живут лишь два горных инженера. Один из них, Эрвин, сходит с ума по красавице; второго, Петера, раздражают вольные манеры примадонны. Постепенно он сменяет гнев на милость, а после того как Юлия возвращается в город, он вдруг понимает, что она – женщина его мечты. Финал – большая взаимная любовь, а также много песен и танцев в исполнении Марики Рёкк.

Романтизация образов, присущая киноискусству обеих стран, шла в них разными путями. «Светлый путь» – это сказка о Золушке, о совершенствовании героини; «Девушка моей мечты» – сказка о принцессе, о героине-совершенстве. В немецком фильме женственность прекрасна сама по себе, возведена в абсолют. В советском – женственность в лучшем случае является дополнением к гражданским и производственным заслугам героини; в худшем – высмеивается как мещанство и вредный пережиток. Третий рейх видел в женщине продолжательницу рода, музу, мечту и вдохновение для Героя. Советский Союз эпохи индустриализации видел в женщине Героя,

свершителя подвигов. Гендерные различия, подчеркиваемые немецкими кинематографистами, в советском кино стирались и игнорировались.

В названных фильмах в полной мере отразилась политика двух государств в «женском вопросе»: традиционализм в нацистской Германии и эмансипация в СССР. Подобные различия идеологий, менталитетов, общественных ценностей, моральных установок представляет несомненный интерес для историка. И в этом смысле кинофильм, сохраняющий и визуализирующий реалии прошлого, обладает бесценным информационным потенциалом.

---

1. Мазур Л. Н. Повседневность советской деревни в зеркале художественного кинематографа: новые источники и подходы к изучению сельской истории // Новая локальная история. URL: <http://www.newlocalhistory.com/node/386>

2. Советское кино 30-х годов // Русское кино. URL: <http://www.russkoe kino.ru/books/sov kino/sov kino-0002.shtml>

3. Герцштейн Р. Э. Война, которую выиграл Гитлер // Библиотека eusi. URL: http://eusi.ru/lib/herzstein_vojna/

4. Васильченко А. В. Проектор доктора Геббельса. Кинематограф Третьего рейха. М., 2010. 320 с.

Е. В. Ковалёва

Южно-Уральский государственный университет

Досуг металлургов Челябинска в 1980-е гг.

В советское время металлургов с уважением называли людьми огненной профессии. Это уважение было заслужено их трудовыми подвигами, большим вкладом от самого малого специалиста до ученого в развитии народного хозяйства в укреплении экономической и оборонной мощи страны. Профессия металлурга – профессия сильных, а это значит, мужская. Однако время не стоит на месте, и с каждым годом наряду с мужчинами коксохимиками, доменщиками, сталеварами, прокатчиками на Челябинском металлургическом комбинате (ЧМК) также все больше работало женщин металлургов.

Рабочий, металлург, инженер в равной степени не могут обойтись без книг, спорта, хорошей книги, фильма, музыки. В Челябинске, в Металлургическом районе, или как его еще называют местные жители, социальный городок металлургов, делалось все, чтобы людям было хорошо жить. Метал-

лургический район отличается от других районов своей планировкой, своеобразными «воздушными коридорами», облагороженными зеленью и цветами. Очень красивый парк на улице Богдана Хмельницкого служил местом отдыха как в дневное, так и в вечернее время.

К услугам металлургов были предоставлены – Дворец культуры и Дом культуры металлургов, 8 клубов и кинотеатров, 34 библиотеки, более 100 красных уголков. Тысячи металлургов занимались спортом. Для этого им построили плавательный бассейн, Дворец спорта, три стадиона, десятки спортивных площадок. К услугам были предоставлены девять поликлиник, восемь больниц, три детских объединения, профилакторий [1, с. 178–181].

В летнее время красивейшие озера вокруг города всегда ждали металлургов на рыбалку, занятия спортом, и просто хорошо отдохнуть. В металлургическом районе есть Каштакский бор с красивым санаторием, где поправляли свое здоровье не только металлурги, но инженеры и рабочие Челябинска и Челябинской области. На озере Увильды находится база отдыха «Парус», которая могла принять более тысячи человек за сезон. Здесь к услугам трудящихся предоставлены две сауны, плавательный бассейн, лечебные кабинеты, зал психологической разгрузки. Кроме того, любители литературы находили интересные книги в магазине на базе отдыха [3, с. 4].

Кроме того, металлурги активно участвовали в самодеятельности. Коксохимики гордились своими артистами, которые участвовали в ансамбле русской песни «Кумушки», выступали на многих площадках металлургического района. Так, например, металлург Р. Испандаров успешно выступал уже много лет в ансамбле «Айгуль». В. Веретенников и А. Алексеев печатали свои стихи в газетах «Вечерний Челябинск», «Челябинский металлург» [2, с. 66].

Таким образом, частная жизнь металлургов была очень разнообразной, увлекательной. Металлурги гордились своим заводом, ныне комбинатом. И все то, что предоставлял им ЧМК. До сих пор они с интересом вспоминают те времена, когда они жили в своем социальном городке, активно участвовали в жизни металлургического района.

---

1. Сквозь годы: исторический очерк (Челяб. Металлург. комбинат). Челябинск, 1994.

2. Турбал В. К огню приставлены : книга очерков. Посвящается ЧМК. Челябинск, 2008.

3. Челябинский металлург. Областная еженедельная газета. Челябинск, 1985. № 4.

Проблемы и перспективы использования газет как источника о трудовых конфликтах

Газетные публикации следует рассматривать как отражение настроений общественного недовольства, которые давались в преломленном виде. Читатели воспринимали отношения в сфере труда так, как это подавала пресса, а не так, как об этом свидетельствовали архивные материалы, которые весьма многосторонне описывали реалии этой сферы.

Различные формы недовольства нередко несли в себе некоторый политический заряд, а также отражали важные реалии повседневной жизни. В 1920-е гг. забастовки со временем все чаще сопровождались бойкотами и пикетированием. Хотя многие забастовки и трудовые конфликты в этот период были направлены против частных предпринимателей, на государственных предприятиях также часто вспыхивали забастовки. Газеты давали информацию о количестве забастовщиков, но данных о продолжительности забастовок и их частоте было гораздо меньше [1]. Материал о трудовых конфликтах был весьма отрывочным и касался прежде всего конфликтов на частных и арендованных предприятиях [2]. Страницы таких газет, как «Красная газета», «Петроградская правда» содержат много материалов о случаях рабочих протестов незабастовочного характера. Ряд публикаций отражает официальную точку зрения на рабочий вопрос [3]. В профессиональном журнале «Голос кожевника» часто и подробно освещалось участие профсоюзов в успешном разрешении трудовых конфликтов. «Голос кожевника» содержит не очень обширный, но все же весьма разносторонний материал конкретного и сводного характера и является интересным источником.

Использование газетных материалов для количественного исследования трудовых конфликтов сталкивается с определенными проблемами «объективности» и «репрезентативности». Задачей советской прессы всегда было инструктировать – в той же степени, в какой и информировать, а информация всегда избирательно освещала политические и социально значимые вопросы. Публиковавшиеся материалы о конфликтах часто отражали официальные данные для того момента темы и различного рода кампании. Так, например, сообщения о конфликтах по поводу заключения коллективных договоров появлялись особенно часто в периоды проведения «кампаний» за популяризацию таких договоров. Встречи с рабочими газеты также подсказывали темы, на которые нужно сделать ударение в ближайших номерах. Таким образом, следует проявлять осторожность по поводу репрезентативности сообщений о конфликтах, которые появлялись в прессе.

Сравнительный анализ газет, которые выполняли государственные цели, проясняет некоторые черты освещения печатью трудовых конфликтов. Совпадений между материалами «Труда» и «Известий» прослеживается мало. Расхождения в прессе помогают понять политические соображения тех чиновников, которые контролировали информацию о трудовых конфликтах выходящую в свет [4].

С конца 1920-х гг. трудовая тематика в советской печати стала приобретать все более бесконфликтный характер, издания помещали в основном материал об успехах рабочих на производстве, повышении производительности их труда, соревновании и взаимопомощи коллег. Тем не менее сведения по трудовой проблематике из газет и журналов имеют неоценимое значение, так как в определенной мере хотя тенденциозно, с преувеличением положительных сторон в работе социалистических организаций и их сотрудников, отражают ситуацию как сложившуюся на предприятиях, так и в стране в целом.

В газетах встречаются как исследовательские статьи, так и собственные источники. Следует иметь в виду, что периодическая печать являлась важнейшим источником, так как в ней публиковались практически все имеющиеся материалы (на страницах газет помещались как законодательные акты, сводки партий, так и документы личного происхождения). Для изучения источниковедческой базы – периодика, тот источник, в котором наиболее ярко отобразился весь накал страстей, так как на страницах периодических изданиях, с одной стороны, выходили официальные нормативно-правовые акты, материалы предприятий, с другой же стороны, периодика выполняла роль «вдохновителя» рабочих. Все газеты, являясь официальным органом, формировали общественное мнение, как это было необходимо властям, с другой же стороны, они отражали общественное мнение. Несмотря по проблеме «объективности», сведения газет составляют богатую источниковедческую базу для исследования ряда тем истории советского общества. В трудовых конфликтах особенно ярко запечатлелась роль права, степень восприятия рабочими правовых учреждений. Материалы прессы свидетельствуют о существенных противоречиях и недоверии между рабочими и профсоюзами, а также администрацией. В эпоху открытого доступа к ранее секретным архивам обращение к прессе будет способствовать более глубокому видению исторических процессов, которые определяли развитие советского общества.

---

1. Труд. 1923. № 15. 24 января.

2. Известия. 1926. № 108, № 197. 13 мая.

3. Красная газета. Вечерний выпуск. 1926. № 12.

4. Труд. 1928. № 265. 15 ноября.

**Молодежная контркультура
в Великобритании в 70–80-е гг. XX в.
(на примере панк-рока)**

Формирование постиндустриального общества в странах Запада характеризовалось обострением контркультурных процессов во второй половине XX в. Эти процессы определялись протестными настроениями молодежи. Положение правящих элит, как правило, становилось предметом их недовольства и критики. Эти настроения нашли выражение в искусстве андеграунда, в частности, панк-рока. Являясь эволюционной ветвью рок-н-ролла, панк-рок достиг своего расцвета в 70-е гг. XX в., превратившись в самостоятельное течение. Основателями его стали британские группы «The Damned» и «Sex Pistols». Творчество последней является объектом данного исследования. Панк-движение в России появилось с опозданием на 20 лет, и по сей день можно встретить его отголоски, что делает исследование панк-движения актуальным.

Данные тезисы посвящены творчеству британской группы «Sex Pistols». Хронологические рамки исследования определяются периодом 70-х – концом 80-х гг. XX в. Нижняя хронологическая граница обусловлена формированием предпосылок панка как социального движения, а также его выходом на широкую публику – становлением и развитием панк-сцены. Верхняя граница исследования связывается с началом трансформации панк-движения и появления отдельных, на его основе, новых протестных движений и субкультур.

В данной работе проведен тематический контент-анализ четырех альбомов «Sex Pistols»: «Never Mind the Bollocks, Here's the Sex Pistols» [1], «Spunk» [2], «The Great Rock 'n' Roll Swindle» [3], «Flogging a Dead Horse» [4]. Единицей счета здесь является музыкальное произведение, а единицей анализа – тематика данного произведения. Для проведения контент-анализа была составлена таблица, в которую были сведены все категории и единицы анализа, выраженные в абсолютных и относительных величинах. Данные таблицы были сведены в столбчатые и секторные диаграммы для отображения исходных результатов (табл.).

В результате проведенного исследования были получены следующие данные. Категория песен «человек/индивидуум», соотносящаяся с чувствами, эмоциями, страхами людей и не имеющая отношения к политике, в среднем занимает 55 % творческого материала группы «Sex Pistols». Категория «монархия» включает произведения о существующем политическом строе Великобритании, о королеве лично и составляет 16 %.

Тематический контент-анализ альбомов «Sex Pistols»

Тематика	Альбомы							
	«Never Mind the Bollocks, Here's the Sex Pistols»		«Spunk»		«The Great Rock 'n' Roll Swindle»		«Flogging a Dead Horse»	
	абс.	%	абс.	%	абс.	%	абс.	%
Геополитика	1	8,33	1	8,33	3	12,5	2	14,3
Монархия	2	16,7	2	16,7	5	20,8	1	7,14
Экономика	1	8,33	1	8,33	1	4,17	2	14,3
Общество	1	8,33	0	0	3	12,5	1	7,14
Человек/Индивидуум	7	58,3	7	58,3	12	50	8	57,1

11 % музыкальных произведений относятся к категории «геополитика», куда могут быть отнесены композиции группы «Sex Pistols» прямо или косвенно посвященные мировым войнам и их последствиям, международным организациям и их деятельности. К категории «экономика» относятся произведения о безработице и деньгах; а также категория «социум» с композициями об общественных отношениях занимает около 8 %.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что степень политизированности музыкальных произведений панк-группы «Sex Pistols» составляет 45 %. Это указывает на то, что панк в Великобритании был не просто музыкальным течением. Оно являлось также формой социального протеста. Одни его представители не пытались навязать обществу свой образ мысли [5, с. 5], другие же проявили серьезный интерес к вооруженной борьбе. Информация о таких радикальных организациях, как «Red Army Faction», «Angry Brigade», «Weathermen», «Black Panthers» и других, выбравших вооруженную борьбу, непрерывно появлялись в панковских журналах, так называемых фэнзинах. Все выше сказанное делает целесообразным в дальнейшем проведение более конкретного исследования политических настроений панков в Великобритании в 70–80-е гг. XX в.

-
1. Sex Pistols. Альбом «Never Mind the Bollocks, Here's the Sex Pistols». 1977.
  2. Sex Pistols. Альбом «Spunk». 1977.
  3. Sex Pistols. Альбом «The Great Rock 'n' Roll Swindle». 1977.
  4. Sex Pistols. Альбом «Flogging A Dead Horse». 1980
  5. Анонимное письмо к Митчелл и Линн // фэнзин «Maximum Rock-n-Roll». 1982. Июль-август.

СЕКЦИЯ VI.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

А. Д. Назаров

Уральский федеральный университет

Принципы комплектования легионов в эпоху Ранней империи

В Римской империи эффективная система комплектования воинских формирований имела ключевое значение для поддержания высокой боеспособности вооруженных сил. В период Принципата армия являлась опорой императорской власти, служила основным инструментом для завоевания новых территорий и последующего контроля над ними. В связи с этим поддержание престижа военной службы следует считать одним из важных направлений военной политики императоров I–II вв.

Процедура набора в римскую армию обозначалась в источниках термином *dilectus*. В мирное время набор входил в круг обязанностей наместника провинции (*legatus Augusti pro praetore provinciae*). Исключение составляла Италия, имевшая в период Ранней империи особый административный статус. Здесь за военный набор отвечали *dilectatores*. В экстраординарных ситуациях, когда необходимо было быстро пополнить воинские контингенты, назначались *legati at dilectum*, должностные лица с особыми полномочиями [1, с. 101].

Число молодых людей, подлежавших набору, было невелико. Как правило, легиону требовалось не более 240 новых солдат в год [1, с. 102]. Для пополнения 30 легионов требовалось от 7,5 до 10 тыс. новобранцев, примерно столько же – для вспомогательных войск и флота. Ежегодный набор не превышал 15 тыс. человек, что составляло около 2,5 % 20-летних молодых людей, проживавших на территории римской державы [2, с. 135].

В первую очередь, государство обращалось с призывом к добровольцам, желавшим нести службу в императорской армии. Так как для пополнения всех воинских частей добровольцев не хватало, приходилось прибегать к принудительному набору [2, с. 132]. Формально обязательная военная служба распространялась на всех граждан со времен Республики, в период Принципата

эта традиция сохранилась. За уклонение от службы полагались различные наказания – от денежных штрафов до членовредительства [3, с. 190]. Однако существовали различные способы избежать военной службы [1, с. 102; 2, с. 132]. В источниках также упоминаются случаи наказания должностных лиц, бравших деньги за освобождение от *dilectus* [1, с. 101; 4, с. 248].

Отбором и распределением военнообязанных по подразделениям занимался «совет по смотру войск» (*probatio*). В первую очередь проверялось физическое развитие новобранца. В частности, для службы в легионах требовалось, чтобы его рост составлял не менее 1,65 м. Обязательным условием для зачисления на военную службу было владение латынью. Социальный статус также влиял на военную карьеру. В частности, выходцы из знатных семей могли претендовать на младшие командные должности в легионах или зачисление в императорскую стражу (*praetoriani*). Сыновья рядовых римских граждан направлялись на службу в легионы, а выходцы из провинций (*peregrinus*) пополняли ряды вспомогательных войск. Существовал ряд традиционных правовых норм, закрепленных в законодательстве империи, которые ограничивали доступ на военную службу. Например, работоторговцы или их сыновья, лица некоторых «позорных» профессий, а также отбывшие наказание уголовные преступники не допускались в ряды императорской армии [1, с. 102–104].

Прием на военную службу лиц низкого социального происхождения был явлением редким, происходившим при экстраординарных обстоятельствах. Тацит писал, что «вольноотпущенников он (император Октавиан. – *А. Н.*) принимал в войска всего два раза. <...> Но и этих он нанимал еще рабами у богачей обоего пола и тотчас отпускал на волю, однако держал их под отдельным знаменем» [5, с. 63]. Известно также, что Отон формировал отряды из заключенных, попавших в тюрьму при Гальбе. Он же вербовал в свое войско гладиаторов [6, с. 422; 7, с. 427]. При стабильной политической ситуации перегрины, вольноотпущенники, и тем более рабы, не имели права служить в легионах. В тех редких случаях, когда раб все-таки оказывался на военной службе, назначалось расследование, виновные подлежали наказанию. В одном из писем к императору Траяну Плиний Младший описывает подобную ситуацию [8, с. 185].

Таким образом, государство тщательно подходило к проблеме комплектования воинских контингентов. Власти были заинтересованы в лояльности армии и старались избегать появления среди солдат выходцев из маргинальных слоев населения. С 70-х гг. I в. н. э. военные наборы перестали проводиться ежегодно. В первую очередь, это следует связывать с ухудшением финансового положения империи [6, с. 152]. С этого времени обыденными явлениями становятся: сокращение численного состава легионов и вспомогательных войск, массовые досрочные отставки солдат регулярных контин-

гентов, а также проведение новых наборов в армию только по личному распоряжению императора.

-
1. *Ле Боэк Я.* Римская армия эпохи Ранней империи. М., 2001.
  2. *Махлаюк А. В., Негин А. Е.* Римские легионы в бою. М., 2009.
  3. *Гай Светоний Транквилл.* Жизнь двенадцати цезарей. М., 1988.
  4. *Письма Плиния Младшего.* Письма I–X. М., 1984.
  5. *Корнелий Тацит.* Сочинения. Л., 1969. Т. 1: Анналы. Малые произведения.
  6. *Корнелий Тацит.* Сочинения. Л., 1969. Т. 2: История.
  7. *Brunt P. A.* Conscription and Volunteering in the Roman Imperial Army // Brunt P. A. Roman imperial themes. Oxford; N-Y., 1990. P. 188–214.
  8. *Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. М., 1964. Т. 3.

А. А. Васев

Уральский федеральный университет

Тюркские контингенты в составе вооруженных сил халифата Аббасидов во второй половине IX в. (по данным «Тактики Льва»)

Военные трактаты IX–X вв. занимают важное место в византийской литературе. В этих сочинениях гармонично сочетаются характерные для полемологической традиции военно-теоретические и военно-практические рекомендации, а также повествовательные фрагменты, служащие в качестве иллюстрации той или иной стратагемы. Среди военных трактатов эпохи Македонской династии «Тактика Льва» является наиболее значимым произведением, содержащим уникальные данные об организационной структуре византийских вооруженных сил, стратегии и тактике императорской армии, особенностях организации военных походов против восточных и западных противников Византии. Большое внимание в «Тактике Льва» уделено военной организации халифата Аббасидов, главного противника империи на Востоке.

Следует отметить, что описание вооруженных сил халифата Аббасидов, приведенное в «Тактике Льва», относится не ко времени составления трактата (конец IX в.), а к более раннему периоду – концу правления Аморийской и началу царствования Македонской династий. Именно в это время между арабскими и византийскими армиями велись масштабные военные действия на значительной территории от Закавказья до Северной Сирии. Итогом длительного противостояния стало укрепление военно-политических позиций

империи на Востоке, а также создание предпосылок для последующей экспансии Византии в данном направлении.

Судя по «Тактике Льва», вооруженные силы халифата, как и византийская армия «периода фемного строя», имели двойственную организационную структуру [1]. Помимо иррегулярных провинциальных (племенных, клановых) ополчений, составлявших основную массу войск Аббасидов, существовали также элитные кавалерийские формирования, укомплектованные на регулярной основе. По нашему мнению, численность этих, наиболее боеспособных формирований, не превышала 20–25 тыс. человек. Регулярные войска по численности несколько уступали иррегулярным контингентам, но получали при этом вчетверо большее жалование [2, с. 15–17].

Среди регулярных отрядов армии халифата высокой боеспособностью выделялись тюркские наемники. При описании их воинских качеств византийские и арабские источники во многом сходятся. Тюрки считались превосходными воинами, сражавшимися в составе отрядов легкой кавалерии (конные лучники). Именно владение луком отличало их от прочих народов. Некоторые авторы даже считали тюрок лучшими воинами армии халифа.

Между тем в описании характера тюрок византийские и арабские источники зачастую противоречат друг другу. Византийские авторы подчеркивали, что «...племена турок суетны, скрытны в своих намерениях, недружелюбны и подозрительны, одержимы алчностью к деньгам, они не верны клятвам и не соблюдают договоров» [3, с. 273–275]. Арабские источники, напротив, отзываються о тюрках положительно: они справедливы и надежны. Не исключено, что негативная оценка тюрок в византийских исторических текстах объясняется тем, что хроника «Продолжателя Феофана», «Тактика Льва» и др. источники были написаны позже арабских исторических сочинений. В X в., в Византии тюрки воспринимались как серьезный противник, воевавший на стороне халифата Аббасидов. Отметим, что со второй половины IX в. наемные тюркские отряды играли значительную роль также во внутривосточной жизни халифата, постоянно принимая участие в борьбе военно-политических группировок [4, с. 210–230].

Военная организация тюрок в описании арабских и византийских авторов также отличается. Например, Ал-Джахиз упоминает тюрок не только как наемников в гвардии халифа; он пишет о тюркских племенах, подчеркивая их высокие боевые качества.

В «Тактике Льва» тюрки упоминаются исключительно как племена кочевников. Об отдельных отрядах тюркских гулямов в данном источнике сведений не сохранилось. Одновременно с этим, характер тюрок, их слабые и сильные стороны автору «Тактики Льва» были хорошо известны. Он писал, что кочевники чрезвычайно мобильны, на поле боя ими постоянно используется тактика ложного отступления. Однако против тюрок также весьма

эффективно использование засад и внезапных нападений. Отметим, что этнонимом «тюрки» (τοῦρκοι) в «Тактике Льва» обозначаются не только кочевники, служившие Аббасидам, но и племена тюркские племенные группы, жившие на Балканах.

Подводя итоги, отметим, что арабские и византийские источники, как правило, высоко оценивают боевые качества тюрков, выделяя их среди прочих воинских контингентов халифата. О важной роли тюркских наемников в борьбе военно-политических группировок внутри халифата византийские источники не сообщают. Отметим также, что тюрки являлись, по сути, единственным мусульманским народом, который заслужил достаточно серьезное внимание византийских авторов. Арабские племенные группы они практически не отличали друг от друга, обозначая их собирательными терминами «агаряне», «сарацины» и пр.

---

1. Тактика Льва. СПб., 2012.

2. Асадов Ф. М. Арабские источники о тюрках в раннее Средневековье. Баку, 1993.

3. Kennedy H. The armies of the caliphs. Military and society in the early Islamic state. London; N-Y., 2001.

4. Абу Усман Амр б. Бахр ал-Джахиз. Послание ал-Фатху б. Хакану о достоинствах тюрков и остального халифского войска // Ф. М. Асадов. Арабские источники о тюрках в раннее Средневековье. Баку, 1993. С. 55–102.

К. Р. Капсалыкова

Уральский федеральный университет

Призывы к трезвости на военной службе у византийских авторов X–XI вв.

О том, что в ходе боевых действий нельзя предаваться праздности и лени писали многие авторы военных трактатов эллинистического и римского времени. В частности, Онасандр (Ὀνάσανδρος; середина I в. н. э.) [1, Sp. 403–405] видел в этих пороках причину «неохотного» (οὐθ' ἠδέως ἐξίασιν) исполнения воинами своих обязанностей, ослабления тела и потери мужества [2, р. 16, 9.2–3]. Через тысячу лет византийский писатель Кекавмен при описании неудачного византийского похода против печенегов в 1053 г. повторил рассуждение Онасандра: «Избегай, стратиг, наслаждений, чтобы не попасть как птица в тенета» (Φεῦγε, στρατηγέ, τὰς ἡδονάς, ἵνα

μη περιπέσεις ὡς ὄρνεον εἰς παγίδα) [3, с. 182.2–6]. По мнению Кекавмена, причина поражения императорской армии от кочевников заключалась в бездарном командовании «пристрастного к неге» проноита Болгарии синкелла Василия Монаха (Βασίλειος ὁ Μοναχός) [3, с. 393–394].

Византийские авторы X–XI вв. неоднократно упоминали о том, что враги Византии получали военное преимущество из-за «гибельного пристрастия» греков к вину. Лев Диакон, описывая критский поход 960 г., упоминает о стратиге Фракисия Никифоре Пастиле (Νικηφόρος ὁ Παστιλᾶς), которому император Никифор II Фока велел «бодрствовать и трезвиться, не предаваться праздности и лени» [4, р. 8.19–9.6]. Тем не менее стратиг и его воины пренебрегли словами императора. Во время сражения с арабами «все ромеи были абсолютно пьяны и едва держались на ногах». Итог битвы оказался весьма печальным: погибла большая часть отряда и сам Никифор Пастила [4, р. 9.22–10.11]. Обращаясь к войску, Никифор II призвал стратиотов не повторять ошибок своих товарищей, «погибших столь ужасно». «Не станем тратить время на пьянство, но будем ромеями и докажем в битвах силу и благородство нашего рода!» [4, р. 18.7–10].

Лев Диакон, который был очевидцем многих военных событий последней трети X в., часто упрекает византийских командиров в пьянстве и распутстве. Например, о доместике схол Запада магистре Иоанне Курсуасе (Ἰωάννης ὁ Κουρκοῦας) Лев Диакон писал: «Вместо заботы о войске, он предавался постоянно безделью и пьянству, проявляя нерасторопность в управлении делами; поэтому помыслы росов и исполнились наглостью» [4, р. 126.15–20]. Описание гибели Иоанна Куркуаса под Доростолом наполнено злорадством и лишено какого-либо сочувствия к императорскому родственнику: «Магистр, несмотря на то, что у него сильно болела голова и ему хотелось спать из-за вина, выпитого за завтраком, вскочил на коня и бросился на скифов, но его конь оступился и всадник сломал шею. Скифы увидели великолепное вооружение и решили, что это сам император. Они изрубили его, насадили голову на копье и стали смеяться над ромеями. Магистр пал жертвой варваров за то, что ранее присвоил себе священные реликвии и церковные сосуды» [4, р. 148.5–22].

Следует отметить, что иногда византийские военачальники сами одерживали победы из-за пристрастия противника к вину. Иоанн Скилица писал, что в августе 1030 г. стратиг Телуха Георгий Маниак (Γεώργιος ὁ Μανιάκης) отбил вражеское нападение на свою фему: «Когда к Телуху подошло восемьсот арабов... Маниак пообещал утром сдать им крепость. На ночь арабы расположились под крепостной стеной, а стратиг прислал им пищи и вина. Дождавшись, когда враги уснули, Маниак велел отрубить им носы и уши... и отправить императору (Роману III Аргирю. – К. К.)» [5, р. 381.38–44]. Примечательно, что употребление мусульманами вина не вызывает у Скилицы удивления.

В византийских текстах X–XI вв. состояние опьянения могло трактоваться не прямо, а иносказательно. Наиболее часто подобные случаи встречаются при описании мятежей. Так, Лев Диакон пересказывает письмо императора Иоанна Цимисхия патрикию Варде Фоке (Βάρδας ὁ Φωκᾶς): «Мы советуем вам выйти из состояния опасного опьянения и немедленно воспользоваться предлагаемым нами спасением» [4, р. 115.19–22]. В 1047 г. восставшая против Константина IX Мономаха македонская аристократия осадила Константинополь. Мятежники под руководством Льва Торника (Λέων ὁ Τορνίκιος) издевались над императором, «...обзывали окаянным и любителем нечестивых забав, пагубой для города и гибелью для народа». Изображая пьяных, они «сошли с коней, на виду у всех устроили хоровод и стали разыгрывать сочиненные тут же комические сценки про императора, при этом притоптывали ногами в такт песне и пританцовывали» [6, с. 102].

Таким образом, пристрастие к вину и, как следствие, к праздности и лени, по свидетельствам византийских авторов X–XI вв., было явлением распространенным. Зачастую эти пагубные пристрастия оборачивались тяжелыми поражениями и гибелью людей. С другой стороны, продолжительный отдых и различные увеселения являлись неотъемлемой частью празднования победы над врагом. Так, одержав верх над князем Святославом в первом сражении под Доростолом, император Иоанн Цимисхий «...велел трубить общий сбор ромеев, и, увеселяя их подарками и пирами, воодушевлял на новые битвы» [4, р. 145.5–8].

-
1. *Daly L. W., Oldfather W. A. Onasander // Pauly's Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft. Neue Bearbeitung. Stuttgart, 1939. Sp. 403–405.*
  2. *Onosandri de imperatoris officio liber. Lipsiae, 1860.*
  3. *Советы и рассказы. Поучение византийского полководца XI века. СПб., 2003.*
  4. *Leonis Diaconi Caloënsis Historiae libri decem et Liber de velitatione bellica Nicephori Augusti. Bonnae, 1828.*
  5. *Ioannis Scylitzae Synopsis historiarum. Berlin; N-Y., 1973.*
  6. *Михаил Пселл. Хронография. М., 1978.*

Е. А. Силачева

Уральский федеральный университет

Архонты Херсона VIII – первая половина IX в.

В научной литературе в течение долгого времени продолжается дискуссия о сохранении в Византии VIII–X вв. позднеантичных структур муниципального управления [1, с. 67–70; 2, с. 21–46]. В последние годы в связи с пу-

бликацией новых источников (агиографические тексты, письма, свинцовые печати) актуальность данной проблемы значительно возросла.

Одной из провинций, традиционно привлекающих внимание исследователей, является византийская Таврика. До образования фемы с центром в Херсоне (ок. 840–842 гг.) на данной территории существовала архонтия – небольшое административно-территориальное образование, главой которого был архонт (ἄρχων). Архонты Херсона упоминаются в письменных источниках: «Тактиконе Успенского» (842/843 г.), трудах Константина Багрянородного, хронике Продолжателя Феофана. Отметим, что в этих текстах не сообщается ни о числе архонтов Херсона, ни об их функциях.

Противоречивые и фрагментарные сведения письменных источников не позволили до настоящего времени сформулировать единую концепцию развития института провинциальных архонтов в Византии VIII–X вв. В связи с этим в историографии сформировалось несколько точек зрения на данную проблему. Например, по мнению Я. Ферлуги, архонты возглавляли муниципальные структуры власти, сохранившиеся в периферийных регионах с IV–VI вв. [3, с. 46–47]. Ж.-Кл. Шене, В. Зайбт и другие авторы высказывали предположение о принадлежности архонтов к государственной провинциальной администрации [4, с. 310, 314–316; 5, с. 306–309]. Однако наиболее обоснованной представляется точка зрения, согласно которой сохранение в отдаленных пограничных регионах Византии структур муниципального управления, было компромиссом между столичной властью и местной аристократией. Архонты назначались императором из представителей местных аристократических семей. Получая государственную должность и титул, они подчинялись непосредственно Константинополю, но сохраняли прочные связи с провинциальной знатью [6, с. 107–112; 7, р. 318–323].

Обоснованность данной теории подтверждается сфрагистическим материалом, происходящим с территории Херсонесского городища и его ближайшей округи. Следует отметить, что большая часть печатей архонтов Херсона датируется началом VIII – последней четвертью IX в. В чиновной и придворной иерархии Византии архонты Херсона занимали невысокое положение. Об этом свидетельствуют, в частности, титулы страторов, спафариев и спафарокандидатов [8, с. 475]. В малоазийских и балканских провинциях данные титулы получали армейские командиры среднего ранга (турмарх фемы, топотирит тагмы).

По мнению Н. А. Алексеенко, архонтия в Херсоне существовала около 150 лет. Это свидетельствует о слабости позиций Византии в Северном Причерноморье, длительное время не имевшей возможности сформировать в Таврике фемные структуры управления. В данной ситуации Константинополь проводил осторожную политику, вынужденно учитывая интересы городской верхушки Херсона. Архонты были прежде всего руководителями местной ад-

министрации, координируя деятельность органов местного самоуправления и столичных ведомств в военной, финансовой и судебной сферах [8, с. 474].

В 40-е гг. IX в. в Крыму была создана фема Климатов, реорганизованная через 30 лет в фему Херсон. Военная и гражданская власть перешла в руки стратига и небольшого штата подчиненных ему военных и гражданских должностных лиц [9, с. 167–168]. Сфрагистические данные указывают, что в короткий период существования фемы Климатов должность архонта продолжала существовать. В третьей четверти IX в. печати архонтов Херсона исчезают, в Тактиконах конца IX–X в. они также не упоминаются [6, с. 93, 96, 99–100, 119].

Подводя итоги, отметим, что на основании сфрагистических данных установлено непрерывное существование должности архонта Херсона с первой половины VIII до 80-х гг. IX в. Появление этой должности следует рассматривать как временный компромисс между столичной и муниципальной властью, шагом на пути к централизованному управлению регионом. Старые муниципальные структуры управления постепенно утратили свои основные функции и переставали существовать. Отметим также, что аналогичные процессы происходили во многих пограничных регионах Византии.

---

1. Сюзюмов М. Я. Византийский город (середина VII – середина IX в.) // Византийский временник. 1967. Т. 27. С. 38–70.

2. Сорочан С. Б. Государственное устройство раннесредневекового Херсона и «призраки самоуправления» // Византийский временник. 2003. Т. 62 (87). С. 21–46.

3. Фергюла Я. Архонт Далмации // Византийский временник. 1957. Т. 12. С. 46–52.

4. Шене Ж.-Кл. Поздний архонт на примере Херсона // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 2000. Вып. 7. С. 310–317.

5. Зайбт В. Государственная система управления Херсона в VII–VIII вв. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 2000. Вып. 7. С. 306–309.

6. Соколова И. В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983. 176 с.

7. Oikonomidès N. Le «système» administratif byzantin en Crimée aux IXe – Xe s. // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 2000. Вып. 7. С. 318–323.

8. Алексеенко Н. А. Архонтия Херсона VIII–IX вв. по данным сфрагистики // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврики. Симферополь, 2000. Вып. 7. С. 455–500.

9. Науменко В. Е. Некоторые ключевые вопросы истории Таврики X–XI вв.: политико-административный аспект // Античная древность и Средние века. Екатеринбург, 2011. Вып. 40. С. 165–188.

Характер дружины норвежских королей в эпоху викингов

Королевскую дружину, как референтную группу – общность, в которой престижно состоять, определяет А. А. Хлевов [1, с. 136–137]. Вопрос о референтности дружины норвежских королей можно рассмотреть сравнивая поведение героев «Саги об Эгиле» – Квёдульва и его младшего сына Скаллагрима, с одной стороны и Торольва, старшего сына Квёдульва – с другой.

Во время объединения страны в конце IX в., Квёдульв получает приглашение от Харальда Прекрасноволосого вступить в дружину или отправить одного из сыновей. Отец и младший сын отказываются и заслуживают неодобрение конунга и его дружины. Старший, возвратясь из викингского похода, соглашается и в скором времени проходит всю карьерную лестницу эпохи [2, с. 28–30].

Этот сюжет рассмотрен Г. С. Лебедевым в рамках изучения социальной психологии викинга. В целом Торольв, безусловно, оценивается как викинг и представитель нарождающегося сословия феодалов. Торольв как младший сын не должен получить наследства и вынужден заниматься «торговлей мечом». Отец и брат бравого викинга определяются как представители и выразители интересов родовой элиты общества поздней первобытности [3, с. 176].

Единственный вопрос возникает в том, что в работе Г. С. Лебедева Торольв назван младшим сыном, в то время как он назван старшим в классическом издании Ф. Йоунссона [4, s. 18] и русском переводе [2, с. 24]. Разрешение этого противоречия может послужить в дальнейшем для рассмотрения системы наследования в эпоху викингов.

Кроме названного выше А. А. Хлевым пониманием референтной группы, можно назвать трактовку американского социолога Р. Мертон. Последний, кроме прочего выделяет два типа отношения индивида к референтной группе – позитивное, что выражается в принятии индивидом норм и ценностей группы как эталона, и негативное, что определяет отказ от ценностей и норм группы и формирование контрнорм [5, с. 452].

Таким образом, Квёдульв и Грим, как представители родоплеменной элиты, воспринимают королевскую дружину негативно, а маргинализированный Торольв – позитивно.

Соответственно, возникает вопрос о месте королевской дружины в социальной структуре древнего скандинавского общества и источниках ее формирования. Наиболее вероятными источниками комплектования дружины древних вождей и королей были: 1) лично зависимые, домочадцы, 2) маргиналы, наподобие Торольва, выведенные из социальной структуры, 3) вольные дружины. Кроме этого, следует вспомнить, что вступление в дружину

может расцениваться как социальная смерть, по образу войска Одина – эйнхериев [6, с. 211]. Следовательно, дружина вождя/короля может рассматриваться остальным обществом как группа неполноправных или несвободных. С этой точки зрения, нежелание Квёдульва и Грима вступать в дружину является более понятным.

Королевская дружина пройдет долгий путь эволюции из состояния лично зависимых от короля лиц до статуса общенорвежской элиты. Этот процесс окончательно завершится с изданием «Дружинного устава» Магнуса Исправителя Законов в 1277 г. [7, с. 56]

Короли Норвегии эпохи викингов в процессе объединения страны все больше увеличивают численность своей дружины, которая и становится опорой королевской власти. Но это усиление не связанной с общинными институтами прослойки профессиональных воинов, а позже и управленцев, привело к противостоянию между общинами и королевской властью. Это выразилось в насильственном крещении страны Олав сыном Трюггви и Олавом Святым, в изгнании последнего и его гибелью при Стикластадире в 1030 г., в «суровости» Харальда Сигурдарсона, погибшего при Стэмфордбридже в 1066 г., а в дальнейшем – «эпохой гражданских войн» 1130–1240 гг.

---

1. Хлевов А. А. Предвестинки викингов. Северная Европа в I–VIII вв. СПб., 2002.

2. Сага об Эгиле // Исландские саги : в 2 т. СПб., 1999. Т. 1.

3. Лебедев Г. С. Эпоха викингов в Северной Европе и на Руси СПб., 2005.

4. Egils saga Skallagrimssonar. Halle, 1924.

5. Мертон Р. Социальная теория и социальная структура. М., 2006.

6. Речи Гримнира // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1963

7. Шелина Е. А. Организация высшей политической элиты Норвегии (по данным «Дружинного устава») // SCRIPTORIUM: история древнего мира и средних веков. Вып. 3. 2009. С. 56–65.

И. С. Пимонов

Южный федеральный университет

**Воспоминания офицеров Отдельного кавказского корпуса
в период Кавказской войны (1817–1864 гг.):
особенности восприятия «образа врага»**

Одной из актуальных для современной исторической науки является проблема зарождения, развития и эволюции в ходе взаимодействий между государствами и их народами различных образов, стереотипов. Данная тенденция

характерна и для исследователей, занимающихся проблемами Кавказской войны. В современный период развития кавказоведения эта проблема является актуальной в силу широкого привлечения в исследовательский оборот нарративных источников и актуализации темы «человека на войне» [1; 2].

Нами предпринята попытка обратиться к проблеме формирования «образа врага» в представлении русских офицеров Кавказского корпуса. Для достижения цели представляется необходимым изучить и проанализировать воспоминания офицеров, рассмотреть черты, которыми в них наделялся горец, и проследить трансформацию «образа врага».

Термин «образ врага» является противоречивым и неоднозначным. Как правило, под ним понимается не только его непосредственный образ, но и представления, которые сформировались в общественном или индивидуальном сознании, имеющие в своей совокупности негативный смысл и динамический характер [3].

Наиболее информативными источниками явились воспоминания офицеров Отдельного кавказского корпуса, охватывающие продолжительный период жизни авторов. Нами были проанализированы воспоминания Д.А. Милютина, Г.И. Филипсона, Ф.Ф. Торнау и др. Большинство офицеров служило при Генеральном штабе, а также в подчинении при высших командующих, поэтому они могли, принимая участие в военных действиях, параллельно наблюдать за событиями Кавказской войны и анализировать их. Данный круг воспоминаний отражает, как правило, события активизации боевых действий на Кавказе и военные операции завершающего этапа войны (60-е гг. XIX в.). Большая часть воспоминаний создавалась целенаправленно для публикации в различных журналах, что определялось «социальным заказом» общества.

Изначально для современников «образ врага» строился на основе литературных произведений о Кавказской войне А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова. Авторам был присущ ориенталистский дискурс, как правило, они описывали горцев как «хищников» и «дикарей». В целом «образ врага» обуславливался характером войны. В представлении офицеров горцы выступали в качестве «варваров», «азиатов», нуждающихся в цивилизаторских усилиях более культурных народов. У них закреплялась мысль, что все горцы, включая мирных – «коварные разбойники», обуреваемые страстью к набегам, грабежам и убийствам. Данная тенденция подогревалась «социальным заказом» российского дворянства, требующего подробностей об экзотических жителях российского Востока. Важно было с помощью представления противника как варвара обосновать необходимость и неизбежность самой войны за Кавказ.

В процессе своей службы на Кавказе эти взгляды претерпевали определенную трансформацию. Представление о психологическом разделении на «нас» и «их» продолжало оставаться в сознании офицеров. Офицеры не стремились преодолеть ориенталистское представление, в котором россий-

ская и горская идентичность противопоставлялись. Однако попытки преодоления этих барьеров и частые отождествления с горцами можно проследить в первоисточниках.

Специфической особенностью восприятия «образа противника» у российских офицеров на Кавказе являлось существование романтизированного восприятия горцев. Самобытная культура горцев и их свободолюбие противопоставлялись авторитарному режиму самодержавия Российского государства. Кроме того, офицеры достаточно высоко оценивали боевые качества горцев: их мужество, умелое использование природно-ландшафтных особенностей местности, способность противостоять многократно превосходящему противнику, отсутствие страха умереть в бою. На основе воспоминаний важно отметить, что офицеры в ходе контактов с горцами пытались оправдать их набеговую систему, грабежи, а также мотивацию сопротивления Российской империи.

Таким образом, «образ врага» в сознании офицерства не представлялся единым. С одной стороны, в воспоминаниях в отношении горцев преобладают ориенталистские черты, изобилуют уничижительные характеристики. С другой стороны, взгляды офицеров претерпевают некоторую трансформацию. У части офицеров наметилась даже попытка оправдать сопротивление горцев.

---

1. Дубровин А. В. Кавказская война: Изменение ментальности российских офицеров (60-е гг. XVIII – 60-е гг. XIX вв.): дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2013.

2. Sherry D. Kavkaztsy: Images of Caucasus and politics of Empire in the memoirs of the Caucasus Corps officers, 1834–1859. // *Ab Imperio: Теория и история национальностей и национализма в постсовет. пространстве*; 12585. №. 2. Казань, 2002. С. 191–222.

3. Сенявская Е. С. Противники России в войнах XX века: Эволюция «образа врага» в сознании армии и общества. М., 2006.

А. П. Павленко

Уральский федеральный университет

Союз офицеров Черноморского флота в 1917 г.

В 1917 г. в революционной России наблюдался всплеск общественной активности. Одним из проявлений этого стало создание множества профессиональных союзов для защиты корпоративных интересов их членов. В это движение быстро включились и офицеры Черноморского флота.

В последних числах марта 1917 г. возникла идея создания организации севастопольских офицеров – сторонников демократической республики. Развитием этих планов стало появление корпоративного Союза офицеров Черноморского флота в апреле 1917 г. В Организационное бюро объединения вошли 60 выборных. В нем были представлены основные категории комсостава [1, с. 14–16]. Возглавил Союз капитан 1 ранга А.В. Немитц.

Организация офицеров объявила своей основной целью «сохранение, развитие и подъем» боеспособности флота для защиты страны от внешнего врага, признала «наиболее совершенной формой государственного устройства демократическую республику» и заявила о беспрекословном подчинении будущим решениям Учредительного собрания. В условиях двоевластия Союз заявил о повиновении Временному правительству. Было высказано приветствие и Петроградскому совету, однако о подчинении ему не было ни слова [2, Л. 306].

В первых числах июня 1917 г. Союз офицеров разработал проект декларации. В ней отмечалось, что только победа над Германией обеспечит русские международные интересы, а сепаратный мир недопустим. Одной из главных задач России является получение свободного выхода в Средиземное море. Успех в войне не может быть достигнут одной пассивной обороной – только решительные наступательные действия дадут нужный результат.

Армия и флот должны быть основаны на принципах единоначалия; иерархии командиров; наличии у начальников власти, пропорциональной возложенной на них ответственности, в т.ч. дисциплинарных прав. В вооруженных силах не должно быть многовластия во главе части, избрания командиров подчиненными, отсутствие у офицеров реальной власти и участие в суде над ними нижних чинов. Отдельным пунктом отмечалось, что корпус сверхсрочников необходим флоту.

Уступая перед реальностью 1917 г., Союз офицеров признавал целесообразным самоуправление матросов и солдат, но только в области распределения пищевого и вещевого довольствия. В декларации говорилось, что офицеры взяты под политические подозрения матросами и солдатами и находятся в унижительном психологическом состоянии [3].

Во время массовых выступлений нижних чинов в начале июня 1917 г., Союз офицеров подвергся сильному давлению. Он стал рассматриваться матросами как контрреволюционная организация. Согласно оценке А.В. Немитца, в результате этих событий предыдущая работа по созданию Союза была сведена к нулю, не успев дать практических результатов [4].

Однако организация сумела пережить кризис. В начале августа был создан подотдел Союза в Минной бригаде, объединивший свыше ста офицеров. Он в первый же день выступил с обращением к матросам с разъяснением своих целей и принципов [5]. Представитель союза капитан 2 ранга

Н. Д. Каллистов участвовал в Государственном совещании, где 15 августа выступил с речью о проблемах флота [6, с. 207–208]. 25 августа 1917 г. комитеты трех подотделов союза опубликовали заявление-обращение к офицерам. Они призывалось к полному повиновению Временному правительству и назначенным им властям. Обязанностью командиров объявлялось полная поддержка выборных комитетов и их прав, и одновременно – неуклонное исполнение обязанностей начальника [7]. Это заявление демонстрирует возросшую компромиссность организации.

В связи с мятежом генерала Л.Г. Корнилова, 29 августа 1917 г. Союз офицеров заявил, что организация «будет всецело подчиняться Временному правительству» [8]. Корнилов пользовался симпатиями в среде офицеров. Однако 28 августа командующий Черноморским флотом А.В. Немитц, стремясь сохранить порядок и единство личного состава, отдает приказ: флот остается верен Временному правительству [9]. К моменту выхода заявления союза, чаша весов в противостоянии правительства и Корнилова уже склонялась в пользу первого. Также для командного состава очень важно было продемонстрировать перед нижними чинами свою лояльность существующей власти. На Балтике были убийства офицеров по подозрению в симпатиях к Корнилову, на Черном море этого удалось избежать.

Последнее документальное упоминание о деятельности Союза приходится на 21 октября 1917 г. [10, Л. 99]. Вскоре он прекратил существование в связи с ростом антиофицерских настроений.

Союз занимал консервативные позиции, отстаивая традиционные принципы организации вооруженных сил. Он не смог оказать сильное влияние на общественную жизнь Черноморского флота вследствие сильного давления нижних чинов, и из-за того, что большая часть активных офицеров была задействована в работе органов революционной власти. Организовать эффективное объединение комсостава в Севастополе не удалось.

---

1. Українізація Чорноморського флоту в добу Центральної Ради : зб. док. Севастополь, 2007.

2. РГАВМФ. Ф. 418. Оп. 1. Д. 113.

3. Известия Севастопольского совета. 1917. 28 июня. № 36.

4. Известия Севастопольского совета. 1917. 13 августа. № 73.

5. Известия Севастопольского совета. 1917. 6 августа. № 67.

6. Государственное совещание. М.; Л., 1930.

7. Крымский вестник. 1917. 25 августа. № 197.

8. Известия Севастопольского совета. 1917. 31 августа. № 86.

9. Военно-исторический музей Черноморского флота. Инв. № 6956. Приказ № 3615.

10. РГАВМФ. Ф. Р-187. Оп. 1. Д. 333.

Битва за Терек. 1919 г.

В конце 1918 г. советская власть на Тереке столкнулась с грозным противником – армией генерала Деникина. Белые силы теснили XI Красную армию. В ней к концу ноября 1918 г., по информации адъютанта Н. Ф. Гикало А. Н. Попова, насчитывалось 150 тыс. бойцов [1, с. 6]. В Добровольческой армии насчитывалось по воспоминаниям П. Врангеля – 35 тыс. штыков и шашек [2, с. 65] (по другим данным – 13,5 тыс. чел. [3, с. 40]).

Однако количество штыков еще не означает их качества. Как раз боеспособностью XI Красная армия похвастаться не могла. Антонов-Овсеенко характеризовал состояние вооруженных сил Советской республики в этот период как «бесформенную массу сотен и сотен мелких отрядов <...> в большинстве крайне нестойких, недисциплинированных, меж собой несвязанных [4, с. 21].

Перед вступлением войск Деникина в пределы области, поддержка большевиков была на нуле. Наблюдались случаи перехода воинских частей на сторону добровольцев. Дисциплина поддерживалась террором. После отступления в пределы области деморализованной XI Красной армии и разложения XII армии, авторитет у власти упал совсем [5, с. 84].

Советский историк А. Ермолин отмечает, что не только «офицерско-кулацкие» круги, но и «большинство трудового казачества» оказались в «стане контрреволюции» [6, с. 119].

Кроме военных действий, обе стороны косил тиф. В РККА тиф выводил из строя целые подразделения [1, с. 6]. «XI армии нет. Она окончательно разложилась», – телеграфировал Орджоникидзе Ленину [7, с. 392]. Но все же большая численность Красной армии заставляла считаться с собой. Именно численным превосходством противника белые объясняли переменные бои в районе Кисловодска-Ессентуков [8, Л. 69].

15 января 1919 г. части генерала Шкуро заняли Пятигорск, но меньше чем через сутки красные подтянули подкрепления и вынудили казаков оставить станицу [9, с. 261]. Также 6 января части генерала Шатилова стремительно атаковали город Георгиевск и 8 числа овладели городом [2, с. 95].

Часть красных, получив подкрепление с востока, пыталась остановить наступление генерала Покровского, но в ожесточенном двухдневном бою под станицами Мекенская, Калиновская, Наурская был разбит последний резерв XI армии – Ленинский полк, состоявший из московских и питерских рабочих [1, с. 9]. 21 января Покровский занял станицу Червлённую, а 23 января – город Кизляр. Остатки Красной армии – 4500 человек ушли в Астрахань [10, с. 393].

2 февраля авангард Добрармии – части генерала Шкуро – подошел к столице Терской области – Владикавказу. После его взятия войска Шкуро даже

вторглись в Грузию. Однако ставка приказала вернуться в район Владикавказа [11, с. 349–350].

В это же время белоказачьи части 2 февраля подошли вплотную к Грозному. Наступающей Добровольческой армии оказать серьезное сопротивление Красная армия была не в состоянии, к тому же в январе значительные ее силы были оттянуты из Грозного для защиты Владикавказа [1, с. 9]. В ночь со 2 на 3 февраля после короткого боя город был оставлен [12, с. 15].

Отступающие приняли бой под станицей Ассиновской. Численность красных была свыше 3 тыс. человек, при 20 орудиях и 30 пулеметах. На них со стороны Самашкинской наступали войска Добровольческой армии. Казаки-ассиновцы приняли горячее участие в отражении атаки. К вечеру белые окружили станицу и простреливали ее улицы. У красных стал ощущаться дефицит патронов. Н. Гикало дал приказ отходить в горы [12, с. 20]. Не во всех аулах Чечни и Ингушетии красных ждал радушный прием. По воспоминаниям А. Дьякова, имели место разоружения красноармейцев и враждебные акты против них [13, с. 59]. Значительная часть войск перешла в Грузию, некоторые задержались в горах Ингушетии. Вместе с этими частями ушли в Ингушетию и главные руководители советской власти на Тереке.

---

1. Попов А. Н. Революционная Чечня в огне сражений. Грозный, 1973.

2. Врангель П. Н. Записки. Т. 1. М. 1991.

3. Ефимов Н. А. Казачество Северного Кавказа в Гражданской войне в свете ленинских оценок // Казачество в революциях и Гражданской войне. Черкесск. 1988.

4. Антонов-Овсеенко В. А. Строительство Красной Армии в революции. М., 1923.

5. Джамбулатов Р. Т. Гражданская война в Терской области в 1918 – начале 1919 г. // Вопросы истории. 2008. № 12.

6. Ермолин А. П. Революция и казачество (1917–1920 гг.). М., 1982.

7. Телеграмма Г. К. Орджоникидзе В. И. Ленину об оказании военной помощи в борьбе с Добровольческой армией Деникина // История Владикавказа : сб. документов и материалов. Владикавказ, 1991.

8. ГАРФ. Ф. Р440. Оп. 1. Д. 4.

9. Андреев Ю. П. Ессентуки и Кавминводы в истории Кавказа и России. Минводы, 2007.

10. Сводка оперативного отдела штаба Добровольческой армии о ходе боёв за гг. Владикавказ и Грозный // История Владикавказа : сб. документов и материалов. Владикавказ, 1991.

11. Шкуро А. Записки белого партизана // Вооруженные силы на Юге России. М., 2003.

12. Ошаев Х. Д. Комбриг Тасуй. Грозный, 1970.

13. Дьяков А. З. Борьба сунженских казаков за Советскую власть в 1918–1920 годах. Грозный, 1957.

СЕКЦИЯ VII.

ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Н. С. Нестерова

Уральский федеральный университет

Русско-византийский договор 907 г. в оценках российских историков XVIII в.

Поход Руси на Константинополь в 907 г. и последовавший за ним договор вызвал большой интерес у историков. В настоящий момент остаются сомнения, а был ли этот договор заключен на само деле, поскольку до сих пор остается неясным, а могло ли Древнерусское государство заключить подобный договор в X в. [1, с. 115]. Однако остановимся на оценках этого договора российскими историками XVIII в.

В. Н. Татищев не сомневается в походе 907 г. и подчеркивает его успешность. «И повеся Олег на вратах Цареградащит свой во изъявление победы, пошел от Царяграда подняв парусы... Тако Олег возвратился к Киеву со множеством злата, серебра, парчи, драгоценных камней...» [2, с. 20]

Перед М. В. Ломоносовым встала проблема – «упомянуть их, кратко пересказать или обстоятельно раскрыть содержание» [3, с. 760]. По мнению М. В. Ломоносова, договор был заключен с византийскими императорами Львом и Александром. «Олег, отошед мало от города, начал вступать в мирный договор со Львом и Александром, греческими царями. Для сего послал к ним вельможей, которые с греками согласились, дабы, сверх положенных двенадцати гривен на каждого человека платить дань в каждые полгода на российские города...» [4, с. 222].

Очевидно, что текст договора 907 г., составленный М. В. Ломоносовым, использовался в дальнейшем и другими историками. В частности, текст М. В. Ломоносова совпадает с текстом, приведенным Ф. А. Эмином.

М. В. Ломоносов

«...Сей договор цари крестным целованием утвердили. Олег клялся по российскому тогдашнему закону своим оружием и богами Перуном и Волосом, скотьим богом. И так с обеих сторон мир утвердили...» [4, с. 222]

Ф. А. Эмин

«...Сей договор цари крестным целованием подтвердили. Олег напротив того по тогдашнему российскому закону клялся своим мечом и богами Перуном и Волосом... Таким образом с обеих сторон мир был утвержден...» [5, с. 122–123]

М. М. Щербатов, подчеркивая страх греков перед русскими, так же как и М. В. Ломоносов, говорит о том, что договор заключался с двумя равными византийскими императорами Львом и Александром, которые запросили мира и предложили выплату дани. Затем М. М. Щербатов перечисляет условия подписанного договора [6, с. 202–204].

И. Н. Болтин критически подошел к договору 907 г. Он, как и другие историки XVIII в., не ставил под сомнение подлинность этого договора, но он увидел в тексте некоторые противоречия. В частности, он обратил внимание на размер дани. В тексте повести временных лет сказано: «...И приказал Олег дать воинам своим на 2000 кораблей по 12 гривен на уключину, а затем дать дань для русских городов...» [7]. И. Н. Болтин, критикует Г. Лекерка, указывая, что тот подразумевал выплату 12 гривен на каждого воина. На это И. Н. Болтин возразил, «такого количества серебра, уповаю, по всей Греции в наличности не могло бы сыскаться» [8, с. 68]. И. Н. Болтин же считает, что указанное количество денег приходилось не на человека, а на судно. Комментировавший это А. Н. Сахаров отметил, что И. Н. Болтин был первым, заметившим это противоречие, поскольку до этого историки опускали этот момент. Но тот факт, что И. Н. Болтин вышел из сложного положения, «заменяв людей кораблями», у А. Н. Сахарова не упоминается.

Таким образом, мы видим, что историки признают подлинность существования русско-византийского договора 907 г. Большинство из вышеупомянутых историков соглашались с текстом летописи в том, что договор был заключен с двумя равными византийскими правителями. Более критично к тексту договора подошел И. Н. Болтин, разбирая более подробно содержание договора.

---

1. Сахаров А. Н. Русско-Византийский договор 907 г.: реальность или вымысел летописца? // Вопросы истории. 1978. № 2. С. 115–135.

2. Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным тайным советником и астраханским губернатором Василием Никитичем Татищевым. М., 1773. Кн. 2.

3. Свердлов М. Б. М. В. Ломоносов и становление исторической науки в России. СПб., 2011.

4. *Ломоносов М. В.* Полное собрание сочинений : в 10 т. М.; Л., 1952. Т. 6. Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии.

5. *Эмин Ф. А.* Российская история жизни всех древних от самого начала России государей, все великие и вечной достойные памяти императора Петра Великого действия, его наследниц и наследников, ему последование и описание в Севере златого века во время царствования Екатерины Великой в себе заключающая : в 3 т. СПб., 1767. Т. 1.

6. *Щербатов М. М.* История Российская от древнейших времен. СПб., 1770. Т. 1.

7. Повесть временных лет. URL: <http://old-russian.chat.ru/01povest.htm>

8. *Болтин И. Н.* Примечания на историю древнюю и нынешнюю России г. Леклерка. СПб., 1788. Т. 1.

А. В. Мартюшев

Кемеровский государственный университет

К вопросу об истории францисканского ордена в землях Боснии и Герцеговины в XIX в.

История католической церкви на территории Боснии и Герцеговины в период турецкого владычества неразрывно связан с францисканским орденом, который еще с XIII в. пользовался эксклюзивным правом заниматься миссионерской деятельностью в данном регионе.

Францисканцы были направлены на территорию Боснии из Венгрии с целью распространения католической веры и установлению влияния венгерских королей. Особых успехов в деле обращения в католицизм они не имели, зато сумели добиться достаточно большой степени влияния на местное население.

После завоевания Боснии и Герцеговины турками-османами францисканцы оказались единственными представителями католической церкви в регионе. Орден достаточно быстро смог укрепить свое положение, и в 1463 г. был издан султанский фирман, предоставлявший ордену привилегии [1, р. 148]. Но, несмотря на фирман, местное население, принявшее ислам, относилось к ним враждебно, да и сами турки периодически грабили их монастыри.

Такое положение привело к тому, что францисканцы были вынуждены взять на себя не свойственные ордену функции. Например, из-за отсутствия иных представителей католического духовенства на территории Боснии, им пришлось руководить приходами [1, р. 148]. Постепенно происходит «национализация» ордена, и на начало XIX в. монахи представляли из себя практически моноэтническую общность.

Учитывая ту роль, которую играли францисканцы в жизни боснийского общества, мимо них не могли пройти русские путешественники. Так, Гильфердинг указывал на серьезное влияние католического духовенства на жизнь своей паствы. В отличие от православных священников, католики получали образование в австрийских и итальянских семинариях [2, с. 451]. В силу этого они имели большее влияние, чем и пользовались.

Монастыри служили центрами культурного развития, которые имели собственные школы и библиотеки [3, С. 191]. Францисканские фратры способствовали развитию образования своей паствы и всячески им помогали. С открытием в Дьякове католической семинарии в 1857 г. положение ордена упрочняется [4, с. 276].

Но Гильфердинг также отмечает, что образование, даваемое в монастырских школах, было низкого качества и вместе с привычкой простого народа слепо доверять авторитету, ставила католиков в менее выгодное положение в сравнении как с православными, так и с мусульманами [2, с. 452]. Кроме того, сами монахи иногда считали достаточным уметь читать лишь богословские книги.

То положение, которое занимали монахи в обществе, позволяло им отстаивать интересы общины перед властями. Этому способствовали как активная поддержка из-за рубежа, так и высокий авторитет францисканцев в обществе. Если же под удар властей попадали сами монахи, то за них активно выступали австрийские власти и католическая церковь [5, р. 141].

После оккупации Боснии и Герцеговины положение францисканского ордена пошатнулось, так как прекратилась их «монополия». Независимая политика францисканцев не нравилась новой власти. Поэтому приезжее белое духовенство во главе с хорватским архиепископом, а также поддерживаемые Габсбургами иезуиты отодвинули их на второй план [4, с. 50]. В связи с этим францисканцы обратились к хорватскому национальному движению. Свою деятельность в этом направлении они начали с издания в 1884 г. газеты «Голос Герцеговинца», на страницах которой освещалась идея о том, что Босния и Герцеговина принадлежит Хорватии и велась антисербская и антибоснийская агитация [6, с. 131].

Таким образом, можно сделать вывод, что францисканский орден играл значительную роль в жизни боснийского общества на протяжении длительного периода его истории. Они способствовали повышению грамотности населения, отстаивали его интересы перед султаном и местными властями, сохраняли культурное наследие региона. Но при этом они также консервировали отношения внутри общины и, по мнению большинства путешественников, не способствовали формированию национального сознания среди католиков.

-
1. *Rokai M.* Poverty and the Franciscan order in the Southeast Europe // *Istraživanja*. 2011, br. 22. S.145–151.
  2. *Гильфединг А.* Босния, Герцеговина и Старая Сербия. СПб., 1859.
  3. *Вяземская Е. К.* Босния и Герцеговина: между Западом и Востоком (начало XIX в. – 1878 г.) // *На путях к Югославии: за и против. Очерки истории национальных идеологий югославянских народов. Конец XVIII – начало XX в. М., 1997. С. 186–201.*
  4. *Харузин А.* Босния и Герцеговина. Очерки оккупационной провинции Австро-Венгрии. СПб., 1901.
  5. *Čaušević E.*, “Quite a Minor Killing”: A Crime at a Franciscan Monastery in Bosnia // *History studies. International journal of history*. 2013. №7. Vol. 5. Is. 4. P. 139–149.
  6. *Вяземская Е. К.* Конфессия и национальность в историческом развитии Боснии и Герцеговины // *Роль религии в формировании южнославянских наций. М., 1999. С. 112–135.*

Д. П. Адамов
Уральский федеральный университет

Лига Наций в идеологии британских либералов в начале межвоенного периода

Первая мировая война стала большим потрясением для британского общества, пошатнувшим его устои и менталитет. Высокая экономическая и человеческая цена войны сделала вопрос о предотвращении будущих войн крайне актуальным. В межвоенный период многим казалось, что ключом к предотвращению будущих войн станет Лига Наций, основанная в Париже в 1919 г. при активном участии британского правительства [1, p. 180–182]. Хотя все крупные политические партии в Великобритании поддерживали Лигу Наций, особенно тесной была связь между Лигой Наций и либеральной партией. Достаточно вспомнить о том, что одним из главных вдохновителей Лиги Наций был либерал лорд Брайс, основатель группы Брайса, которая позже станет Союзом Лиги Наций и которую в 1919 г. возглавит лорд Эдвард Грей, один из самых видных деятелей либеральной партии и бывший министр иностранных дел [2, p. 30].

Учитывая эту твердую ассоциацию между либералами и Лигой Наций, было бы интересно рассмотреть то, как именно идеологи партии представляли себе роль Лиги Наций в системе международных отношений во время ее зарождения. Следует помнить, что в британской политике XIX – начала XX в. грань между интеллектуалами и политиками была весьма размытой, и многие

ведущие интеллектуалы были членами парламента. Особенно это касалось либеральной партии, в политической идентичности которой центральную роль играла приверженность вечным, общечеловеческим идеалам [2, р. 32]. Также важно помнить о сложной внутренней ситуации в партии после окончания войны – в то время как премьер-министром коалиционного правительства был либерал Дэвид Ллойд Джордж, лидером партии оставался его предшественник Герберт Генри Асквит, возглавивший оппозицию. Обвиняя Ллойд Джорджа и его союзников в чрезмерном прагматизме, «независимые либералы» были вынуждены делать упор на свои принципы и идеалы [2, с. 25–30].

В ноябре 1918 г. департамент публикаций либеральной партии выпустил руководство по либеральной политике по вопросам политической и социальной реконструкции, состоящее из статей ведущих парламентариев-либералов по разным острым вопросам начала послевоенного периода. В статье Герберта Сэмюэля «Война и мир» создание Лиги Наций подается как торжество идеалов либерализма на международной арене, прежде всего таких, как национальная свобода и власть международного закона. Удовлетворенные в своих законных требованиях нации смогут в полной мере пользоваться своим суверенитетом под крылом «мирового правительства», которое Сэмюэль противопоставляет «мировой анархии», приведшей к войне, говоря, что военная угроза ущемляет государственный суверенитет в гораздо большей степени, нежели членство в международной организации [3, р. 8–16]. Сэр Уиллоби Диксон развивает эту мысль в статье, посвященной самой Лиге Наций. Он называет Лигу Наций «либерализмом в применении к мировой политике», проводя аналогию между внутренней жизнью цивилизованного сообщества и тем состоянием мира, справедливости и согласия, к которому Лига Наций должна привести сообщество государств [4, р. 17–23].

Хотя энтузиазм либеральных интеллектуалов по отношению к самой идее Лиги Наций продолжал быть сильным, довольно скоро у них появились сомнения по поводу успеха ее воплощения. Радикальный вариант этой позиции можно найти в книге журналиста и либерального политика Эллиотта Доддса, «Либерализм мёртв?», вышедшей в 1920 г. Повторяя мысль Сэмюэля о том, что Лига Наций является кульминацией либеральных идей в международной политике, Доддс добавляет также, что это единственное средство примирить друг с другом две противоположные тенденции в либеральной внешней политике – стремление к «блестящей изоляции» и желание помочь делу свободы за рубежом. Однако, как пишет Доддс, Лига Наций в существующей ныне компромиссной форме далека от этого идеала, будучи скорее Лигой Правительств Победителей. Он требует ввести в ее управление элемент демократического представительства и защиты интересов «расовых» меньшинств в управлении. Кроме того, он утверждает, что без участия Германии и России в лиге она никогда не сможет стать мировым арбитром. Но если

Лигу Наций удастся привести в большее соответствие идеалу, то она станет главным гарантом мира и краеугольным камнем любой истинно либеральной внешней политики [5, p. 55–65].

-
1. *Overy R.* The Morbid Age. London, 2009.
  2. Bentley M. The Liberal Party 1900–1939: Summit and Descent // A Companion to Early Twentieth Century Britain. Oxford, 2003. P. 23–37.
  3. *Samuel H.* The War and the Peace//Liberal Policy in the Task of Social and Political Reconstruction. London, 1918. P. 7–16.
  4. *Dickinson W.* Liberalism and a League of Nations//Liberal Policy in the Task of Social and Political Reconstruction. London, 1918. P. 17–23.
  5. *Dodds E.* Is Liberalism Dead? London, 1920.

М. Д. Бубликова

Уральский федеральный университет

Мемориальный комплекс в Дахау как объект сохранения памяти о жертвах нацистских преступлений

В мае 1945 г. командование вермахта подписало акт о безоговорочной капитуляции, признав свое поражение во Второй мировой войне. В послевоенной Германии началось осознание преступлений и последствий национал-социалистического режима и формирование отношения к ним. В современной науке до сих пор нет универсального определения данного процесса, ученые и исследователи используют различные термины для его обозначения: преодоление прошлого, проработка прошлого, культурная память, политика памяти, историческая политика, реализацией которого является возведение памятников и создание мемориальных комплексов.

Один из наиболее значимых мемориальных комплексов – KZ-Gedenkstätte Dachau. По мнению исследователей, концентрационный лагерь в Дахау – это первая «проба пера» нацистской «машины смерти», которая впоследствии распространилась практически на все оккупированные территории [1].

После прихода Гитлера и его Национал-социалистической рабочей партии Германии к власти ему было необходимо нейтрализовать своих оппонентов для получения контроля над национальным правительством [2]. Поэтому 22 марта 1933 г. в Дахау начал действовать первый концентрационный лагерь в нацистской Германии, который просуществовал 12 лет. Через его главные ворота со знаменитой надписью «Arbeit macht Frei» прошло огромное количество узни-

ков, выжили из которых лишь единицы. 29 апреля 1945 г. в лагерь, который уже оставили немцы, вошли американские войска и взяли его почти без боя [3].

Однако мемориальный комплекс на месте немецкого концентрационного лагеря в Дахау был создан только 1965 г. по инициативе бывших узников, объединившихся в Международный комитет Дахау, и при финансовой поддержке со стороны правительства Баварии. Со дня освобождения лагеря его посетило свыше 30 миллионов человек. Территория лагеря была примерно в четыре раза больше территории мемориального комплекса, открытого на его месте. В 2001 г. была проведена реконструкция, основной целью которой было точное воссоздание дороги, по которой заключенные попадали в лагерь. Современный мемориальный комплекс включает в себя сохранившиеся практически в первоначальном виде административный корпус и восстановленные после реконструкции бараки, в которых сейчас расположен музей истории концлагеря, где посетители могут изучить путь, пройденный каждым узником, начиная от дезинфекции и заканчивая освобождением или смертью.

Самая ужасающая часть мемориала – это сохранившиеся и впоследствии реконструированные крематории, а также помещения «душевых» – газовых камер, которые использовались для умерщвления людей.

Ежегодно мемориальный комплекс при поддержке Мемориального фонда Баварии организует памятные мероприятия в честь освобождения лагеря, на которых обязательно присутствует президент Международного комитета Дахау [4].

Кроме того, в бывшем концентрационном лагере ведется постоянная научная деятельность, проводятся дополнительные тематические экскурсии, тренинги для преподавателей, разрабатываются специальные программы семинаров для школьников и студентов, демонстрируются документальные фильмы.

20 августа 2013 г. мемориальный комплекс в Дахау в рамках своей предвыборной кампании посетила Ангела Меркель, чтобы почтить память жертв нацизма. Канцлер произнесла небольшую, но эмоциональную речь, в которой отметила, что территория лагеря представляет собой «ужасную главу в германской истории, подобной которой не было ни до, ни после» [5].

Таким образом, мемориальный комплекс, организованный на месте бывшего концентрационного лагеря в Дахау, является объектом сохранения памяти о событиях, которые никогда не должны быть забыты – о преступлениях, происходивших в самом сердце Европы – в Германии. Ориентируясь на сохранение памяти о трагедии прошлого, музей предлагает новые формы взаимодействия с разными возрастными и профессиональными группами.

---

1. Кащавцев А. Лагерь смерти Дахау. URL: <http://soloway.org.ua/lager-smerti-dachau/>

2. *Marcuse H.* Legacies of Dachau: the Uses and Abuses of a Concentration Camp, 1933–2001. URL: <http://www.history.ucsb.edu/faculty/marcuse/publications/legdach/bookintro.99v.htm>

3. KZ-Gedenkstätte-Dachau. URL: <http://www.kz-gedenkstaette-dachau.de/>
4. Jahrestag der Befreiung des Konzentrationslagers Dachau. URL: <http://www.kz-gedenkstaette-dachau.de/veranstaltungen-2013/articles/themenfuehrung-die-befreiung-des-konzentrationslagers-dachau-2346.html>
5. Меркель посетила Дахау в рамках предвыборной кампании. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2013/08/130820_germany_merkel_dachau_visit.shtml

Е. С. Щепин

Уральский федеральный университет

Эволюция взаимодействия геополитических акторов во второй половине XX – начале XXI вв.

До середины XX в. взаимодействие акторов геополитического процесса рассматривалось как взаимоотношения государств, которые признавались единственно значимыми субъектами. На основании этого на рубеже XIX–XX вв. сформировалась классическая геополитическая парадигма, связанная с анализом природы государства и его функционирования в географическом пространстве, обоснованием роли и цели государств, постоянно взаимодействующих друг с другом. Немецкий исследователь геополитики Ф. Ратцель вывел «основные законы пространственного роста государства», т. е. экспансии, определяющие прямую связь государства с географическими параметрами [1]. Его шведский коллега Р. Челлен дополнил данную концепцию, считая государство живым организмом, подверженным естественному отбору, а войну – борьбой за существование [2]. Британский исследователь Х. Маккиндер рассматривал проблему установления господства над пространствами [3].

Итак, до конца второй мировой войны геополитическое взаимодействие представлялось как отношения государств по отдельности или в форме военно-политических блоков государств. Такое взаимодействие характеризовалось непрерывной борьбой за территории и пространства. Правда, уже во второй половине XIX – первой половине XX в. возникли новые объединения государств – международные правительственные организации (МПО) для объединения усилий государств в осуществлении общих целей. Сначала центральное место занимали вопросы сохранения и поддержания мира. После 1945 г. появилась новая глобальная МПО ООН, а также крупнейшие региональные военно-политические МПО – НАТО и ОВД со всеми признаками классических военно-политических блоков, но с долгосрочным форматом сотрудничества государств-членов.

Постепенно формировалась современная (модернистская) геополитическая парадигма, где вместо географического положения государств на первый план выдвигались экономические, идеологические и информационные аспекты взаимодействия государств. Классические геополитические концепции опирались на военную мощь государств, но с середины XX в. новые концепции формировались с учетом появления ракетно-ядерного оружия. Исследователи Б. Броди и П. Галлуа, придерживались стратегии сдерживания – предотвращения войны с применением ядерного оружия [4; 5]. Идеи о сдерживании легли в основу появления мирных геополитических концепций. Так, А. Тойнби и С. Хантингтон отмечали ускоряющийся процесс унификации государств, который ведет к политическому объединению мира, но чтобы избежать глобальной межцивилизационной войны необходимо признать уникальность всех локальных цивилизаций (объединения близких по культуре государств) [6; 7].

Современные исследователи Дж. Най, К. Уолтц, Ф. Фукуяма выступают за «геополитику взаимодействия, а не конфронтации». Государства должны развивать сотрудничество прежде всего в экономической сфере, а также в решении глобальных проблем человечества [8; 9; 10]. Ж. Аттали считает, что на рубеже XX–XXI вв. снизилась роль государств в мировой политике, и на первое место вышли экономические акторы: глобальные и транснациональные корпорации, международные валютные и финансовые институты [11].

Вместе с тем современные исследователи геополитики, в частности З. Бжезинский [12, с. 13], по-прежнему используют многие классические постулаты. Таким образом, в конце XX–XXI в. идея геополитической борьбы государств за обладание гегемонией вовсе не отрицается, а лишь рассматривается в иных геополитических условиях. Это предполагает расширение геополитического взаимодействия с использованием новых пространств и привлечением большого числа акторов.

-
1. Ратцель Ф. Политическая география // Геополитика : хрестоматия. СПб., 2007.
  2. Челлен Р. Государство как форма жизни. М., 2008.
  3. Маккиндер Х. Дж. Географическая ось истории // Классики геополитики. XX век. М., 2003.
  4. Броди Б. Стратегия в век ядерного оружия. М: Воениздат. 1960.
  5. Галлуа П. Стратегия и ядерный век. М., 1962.
  6. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории. М., 2003.
  7. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
  8. Най Дж. Мягкая сила. Как добиться успеха в мировой политике. М., 2006.
  9. Уолтц К. Глобализация и американская мощь. URL: <http://lib.rin.ru/doc/i/104842p1.html>

10. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М., 2004.
11. Аттали Ж. На пороге нового тысячелетия. М., 1993.
12. Бжезинский З. Великая шахматная доска. Господство Америки и ее геостратегические императивы. М., 1998.

СЕКЦИЯ VIII.

ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОЧНИКИ, ДИСКУССИИ, ИНСТИТУТЫ

Ю. В. Гурянин

Уральский федеральный университет

Государство Древнего Египта в зеркале чиновных «поучений»

Чиновные «поучения» – специфический литературный жанр [1, с. 77], памятники которого отличают литературную традицию Древнего Египта. Аналогов ему нет в других культурах Древнего Востока, что должно быть связано с особым характером древнеегипетского государства и его связи с обществом. Только в Египте мы видим ту зрелость государственности, которая вытеснила общинно-гражданские структуры, свойственные другим государствам современной ему эпохи. В результате любые формы собственности и управления, не связанные с государством, здесь отсутствовали. Государственная служба была главным пропуском в мир чиновной корпорации, в форме которой был представлен господствующий класс данной страны. Литературные «поучения» явились отражением его системы ценностей, его корпоративной культуры. Они позволяют глубже понять положение этой корпорации в социальной структуре, ее отношение к остальному обществу и государству.

В «поучениях» выделяется несколько общих мест. Первое, что обращает на себя внимание, это выделение государственного служащего на фоне профессиональной структуры. За этим просматривается уникальная особенность древнеегипетской экономики, которая функционировала в форме государственного хозяйства. В этом смысле государство выступало в роли дающего, причем в первую очередь дающего каждому его работу. Иерархия общества просматривается со всей очевидностью, но в качестве главного в ней выступает именно профессиональный критерий. Красной линией в литературных текстах проходит замечание о том, что высокое положение в обществе не является привилегией: труд чиновника – это такая же профессия, как и все остальные, но из всех она – самая труднодоступная. Главным

условием доступа к ней является образование. Путь в высший класс начинается с должности писца. В папирусе Саллье I пишущий взывает к ученику: «[О,] плохой! [О,] упрямый! Да слушаешь ты, когда я говорю тебе. Спешу к ней [должности писца]...» [2, с. 104–105]. Наставление нерадивому ученику, относящееся ко времени XIX–XX династий, доносит до читателя-ученика мысль о необходимости получать образование [3, с. 211].

Другой характерной чертой является четкое противопоставление государственной службы всем остальным профессиям с точки зрения ее преимуществ. Этому служат примеры, напоминающие о том, что будет, если ученик станет воином или простым земледельцем. Избавление от физической работы служит первым доказательством в пользу выбора должности чиновника [4, с. 129]. Другим обязательным доводом является гарантированное богатство последнего, отсутствие у него нужды в чем-либо [5, с. 233–234].

Несмотря на то, что «поучения» несли в себе дидактическую функцию и были адресованы подрастающему поколению, в них нет даже намека на возможные тяготы, которые можно ожидать от этой работы. Характерно и выделение должности писца как таковой из всех других в служебной иерархии. Утверждается, что писец освобожден от всяких повинностей и обязанностей. И это, очевидно, не случайно. Из всех возможных должностей в «поучениях» воспевается самая, на первый взгляд, скромная, но зато и самая востребованная и при этом почти не обремененная ответственностью. Ниша, занимаемая писцом в аппарате государства, самая безопасная. Он простой исполнитель, которого в критической ситуации едва ли коснется гнев фараона.

Наконец, «поучения» открывают нам еще одну содержащуюся в них ценностную установку. Хотя они и осуждают вольное поведение писцов в роли учеников, однако воспевают профессию писца как источник благополучия со всеми его удовольствиями в будущем, в том числе как источник обогащения. Служба и карьера ни в малейшей степени в дидактических сочинениях не рассматриваются с точки зрения морали и ответственности перед обществом. Будущие кадры государства не отягощены своими наставниками понятиями о долге и чести. Как это ни удивительно, но в «поучениях», превозносящих достоинства писцовых должностей, нет и понятия о служебных злоупотреблениях и тому подобном. Все, что таковым можно назвать, не подвергается моральному осуждению, и это позволяет говорить о высокой степени коррупции, о глубоком нравственном разложении чиновной прослойки древнеегипетского общества в те периоды, когда эти литературные памятники создавались.

---

1. История всемирной литературы : в 9 т. / под ред. И. С. Брагинского. Т. 1. М., 1983.

2. Папирус Саллье I // Хрестоматия по истории Древнего Востока : хрестоматия. М., 1980. Ч. 1. С. 104–105.

3. Болонский папирус 1094 г. // М. А. Коростовцев. Писцы Древнего Египта. СПб., 2001. С. 211.

4. Папирус Анастаси II // История Древнего Востока: тексты и документы. М., 2002. С. 129.

5. Папирус Лансинга // М. А. Коростовцев. Писцы Древнего Египта. СПб., 2001. С. 233–234.

Е. О. Сысоева

Высшая школа экономики

Проект сенатора В. Ю. Соймонова об образовании горного генерал-губернаторства

Первая четверть XIX в. ознаменовалась существенными переменами в управлении Российской империей. Введение министерской системы привело к тому, что с 1819 г. в рамках эксперимента во внутренних губерниях стал вводиться институт генерал-губернаторства. Интерес к данной проблеме растет. Появились специальные работы Л. М. Лысенко, Д. И. Раскина, В. Г. Арутюняна, А. Н. Бикташевой, посвященные изучению местной реформы 1820-х гг. и созданному в ходе ее реализации институту генерал-губернаторов. В историографии прослеживается тенденция анализа как осуществленных, так и неосуществленных проектов [1; 2; 3; 4; 5]. В монографии Л. Ф. Писарьковой «Проект образования горного генерал-губернаторства», составленный сенатором В. Ю. Соймоновым по повелению императора Александра I [6, Л. 19–68] значится как неосуществленный [7, с. 359–360]. Вероятно, это утверждение обусловлено тем, что данный проект находился среди документов Комитета 6 декабря 1826 г., с решением которого увязывается отмена существующих наместничеств во внутренних губерниях. Действительно, нового генерал-губернаторства на Урале создано не было, но был реализован законопроект о главном начальнике заводов Уральского хребта. В основу его был положен проект сенатора В. Ю. Соймонова об управлении горным делом на Урале. Обращение к тексту этого проекта позволяет исследовать механизмы регионального управления в начальный период царствования Николая I.

Целью работы было выявление специфик управления внутренними губерниями Российской империи как способа реализации генерал-губернаторского проекта Александра I. Для этого были собраны источники, способствующие реконструкции текста «Проекта образования горного генерал-губернаторства, составленного Владимиром Юрьевичем Соймоновым по повелению Императора Александра I»; проанализирован политический контекст его возникновения; составлен комментарий.

Источник оказался доступен в двух вариантах: опубликованный в 1894 г. в Горном журнале [8, с. 262–291], а также в виде черновиков записок, которые сенатор направлял государю через И. И. Дибича [9, Л. 19–68].

Для исследования проекта В. Ю. Соймонова необходимо было сопоставить оба варианта и соотнести их с политическим контекстом [10]. Это способствовало выявлению специфики управления Волго-Уральским регионом в 1822–1826 гг. Она заключалась в осознании правительством невозможности введения института генерал-губернаторства во всех губерниях, даже внутренних по единому образцу. Во время проведения генерал-губернаторского эксперимента в Казанской губернии (ревизия В. Ю. Соймонова и Екатеринбургская временная горная комиссия) были обнаружены многие социально-демографические, экономические и политические факторы, имеющие в различных регионах неравное соотношение. Для Казанской губернии это был социальный и политический «дворянский фактор», плохо сочетающийся с центральной властью, для Урала уже с начала XIX в., с введения должности Пермского и Вятского генерал-губернатора, это было горное ведомство. Е. Ф. Канкрин, который был инициатором Екатеринбургской временной горной комиссии, избрал кандидатуру В. Ю. Соймонова на должность ее председателя учитывая его опыт в горном деле, а также деятельность в должности генерал-губернатора в Казани. Вероятно, что на данное решение повлиял А. Гумбольдт.

Полномочия главного начальника заводов Уральского хребта были сформированы В. Ю. Соймоновым в рамках проводимого Александром I эксперимента для горного генерал-губернаторства.

Специфика проекта заключалась в делегировании части полномочий центром отдельно взятому региону, а также в совмещении территориальной и отдельной ведомственной власти в руках одного человека. Его полномочия по сравнению с полномочиями генерал-губернаторов были практически неограниченными.

---

1. Лысенко Л. М. Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи. М., 2001. 354 с.

2. Черкасов В. В. Институт генерал-губернаторства и наместничества в российской империи. СПб., 2001. Т. 1.

3. Арутюнян В. Г. Генерал-губернаторства в начале 1820 гг. // Вестник Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2005. № 4. С. 68–82.

4. Арутюнян В. Г. Генерал-губернаторства при Александре I : дис. ... канд. ист. наук. М., 2008. 268 с.

5. Бикташева А. Н. Антропология власти: Казанские губернаторы первой половины XIX в. М., 2012. 496 с.

6. ОПИ ГИМ. Ф. 395, Д. 17, Л. 19–68.
7. Писарькова Л. Ф. Государственное управление России в первой четверти XIX в.: замыслы, проекты, воплощение. М., 2012. 448 с.
8. Кулибин С. Н. Горное хозяйство, статистика и история // Горный журнал. 1894. № 2. С. 262 – 291.
9. ОПИ ГИМ. Ф. 395. Д. 17. Л. 19–68.
10. ОПИ ГИМ. Ф. 395. Б.о. Д. 120–124, 112.

М. Д. Гай

Удмуртский государственный университет

Агенты политического сыска в России во второй четверти XIX в.

В отечественной историографии нет работы, показывающей роль агентов николаевского царствования в становлении системы политического сыска в Российской империи.

Агентурная сеть, созданная ранее при Николае I, укрупняется, так как ей необходимо было адаптироваться и к новым органам политического сыска, и к новым задачам. Среди агентов политического сыска николаевского времени можно выделить три основных типа агентов:

1. агенты наружного наблюдения;
2. агенты литературного шпионажа
3. агенты внутреннего наблюдения:
  - а) внедряющиеся в организацию, но не являющиеся ее активными членами;
  - б) провокаторы.

Агенты наружного наблюдения устанавливали слежку за тайным обществом или конкретным человеком. К данному типу могут быть отнесены купец В. М. Шапошников и мещанин Н. Ф. Наумов, следившие за обществом петрашевцев.

Литературный шпионаж становится типичным явлением во второй четверти XIX в. [1, с. 46], так как цензура была одним из способов выявления оппозиционных настроений. Агенты литературного шпионажа были широко представлены в учреждениях политического сыска, но их деятельность не была тайной для широкой общественности, и поэтому им не доверяли политические тайны.

Информация о деятельности агентов литературного шпионажа представлена в их воспоминаниях. Так, в мемуарах Ф. Б. Булгарина описаны мотивы его поступков, которые с точки зрения мемуариста были вполне благородны [2]. В них он пытается оправдать себя и свою роль в развитии русской журналистики.

Агенты внутреннего наблюдения способствовали раскрытию тайных обществ. В Николаевское царствование среди них выделяется такой тип, как агент-provokator, – явление редкое на тот период, но наиболее эффективное. Их деятельность была направлена на то, чтобы внедриться в организацию, создать определенные провокационные обстоятельства для того, чтобы подтолкнуть участников к антиправительственным действиям и затем арестовать ее. Данный тип агента был новым для того времени, поэтому провокации были мелкими, а грань между агентом наружного и внутреннего наблюдения размытой. Наиболее известным агентом-provokatorом николаевской эпохи является П. Д. Антонелли.

Данные об этом типе представлены в двух видах источников: источники личного происхождения и судебно-следственные документы. Первую группу составляют мемуары участников кружка Петрашевцев [3, с. 151]. Среди судебно-следственных документов наибольший интерес представляют донесения агента Департамента полиции Антонелли [4], изучив и проанализировав которые можно проследить не только механизм работы агента-provokatora, но и его отношение к организации в целом. Антонелли составил подробные отчеты о вечерах, которые служат важным историческим источником о «пятницах» [5, с. 112; 6]. Отличительной чертой донесений является проникновение во все детали, как ежедневной будничной жизни членов общества, так и в их деятельность. Эти сведения послужили основным материалом для составления вопросов пунктов допроса Петрашевцев. Характеристики, которые Антонелли дал практически каждому участнику общества, сыграли важную роль при следствии.

Подводя итог, можно сказать, что благодаря представителям III отделения и Министерства внутренних дел сложился единый образ «всесильных жандармов в голубых мундирах», порой лицемерных, порой жестоких, но всегда лавирующих в изменяющихся обстоятельствах. Именно в Николаевское время формируется агентурная сеть как один из основных методов работы системы политического сыска. Особенности личностей и специфика складывания системы отражены в двух группах источников: личного происхождения и судебно-следственных документов.

---

1. Троцкий И. М. III-е Отделение при Николае I; Жизнь Шервуда-Верного. Л., 1990.

2. Булгарин Ф. Б. Воспоминания. М., 2001.

3. Первые русские социалисты: Воспоминания участников кружков петрашевцев в Петербурге. Л., 1984.

4. Дело Петрашевцев. М.; Л., 1951. Т. 1, 3.

5. Егоров Б. Ф. Петрашевцы. Л.: «Наука», 1988.

6. Удовенко Ю. А. Агенты России. URL: <http://www.rulit.net/books/agenty-rossii-read-317654-33.html>.

Царство Польское (1832–1843 гг.): один проект, два видения имперского управления

Имперский опыт управления для геополитического состояния современной России приобретает особую значимость. Каждый региональный случай в рамках имперского контекста следует рассматривать сквозь призму анализа практик и управленческих дискурсов. Эти практики пронизаны теми мнениями, позициями и проектами, которые исходили от управленческих звеньев, являющиеся главными инициаторами и мотиваторами преобразовательной деятельности. Для моей темы, связанной с формированием и разработкой проекта по управлению территорией Царства Польского после восстания 1830–1831 гг., данными звеньями являются шеф жандармов А.Х. Бенкендорф и наместник Царства Польского И.Ф. Паскевич – Эриванский. На основе архивного материала, который отложился в 110 фонде ГАРФ (Штаб отдельного корпуса жандармов) и обнаруженный нами в недавно вышедшей монографии по внутренней политике Николая I Г.Н. Бибикова, я исследую и проанализирую проекты и мнения, которые сформировались у двух разнонаправленных политиков по вопросу о подчинении Царства Польского центру империи [1].

Как уже было отмечено выше, я буду базироваться на архивном материале. Среди многочисленных дел в указанном выше фонде хранятся: циркуляры, формульные послужные списки, министерские предписания, донесения штаб-офицеров и жандармов. Во второй описи отложилось дело № 273 под названием «О вызове из действующей армии в С.Петербург Генерал-Лейтенанта Корпуса Жандармов Лесовского для совещания об учреждении Жандармов в Царстве Польском <....> » [2].

Дело, из названия которого понятно, что речь пойдет о различных действиях и трансформациях в структурных и институциональных сферах, необходимые для создания новой имперской территориальной единицы – третьего округа, содержит 300 листов, разной степени сохранности и четкости текстуального содержания. В концептуальном плане это дело содержит межведомственную переписку за период 1831–1843 гг. между несколькими государственными структурами и институтами, такими как Министерство внутренних дел, Военный департамент, Министерство юстиции, Отдельный штаб корпуса жандармов, III Отделение канцелярии Его Императорского величества, личной канцелярии императора. Данный формат коммуникации позволяет нам проследить эволюцию разночтений и поляризацию мнений и позиций по поводу выработки проекта об управлении Царство Польским, который появляется в 1843 г. [3, № 17038].

Позиция А.Х. Бенкендорфа понятна и предсказуема, так как будучи «правой рукой» императора Николая I и приверженцем централизованной модели управления территорией империи, шеф жандармов сообщает о своем видении политики управления Царством Польским 7 октября 1831 г. следующим образом: «...чтобы они (чиновники корпуса жандармов. – Э. Э.) в последствии поступили в мое ведение и составили один и тот же Корпус с чиновниками в России, находящимися дабы тем самым сосредоточить во всей империи действия корпуса жандармов и из частей, раздробленных составить одно целое» [1, с. 2–3]. Более того, Александр Христофорович добавляет, «что жандармы Царства Польского со временем составят одно целое жандармами всей Империи, я намерен смешать сих чиновников так, чтобы впоследствии между ними не было разницы и для того назначаю в Царство польское людей опытных» [1, с. 16–17]. Таким образом, позицию А.Х. Бенкендорфа можно назвать «проимперской»; она лишает всяческих автономных образований и компетенций в административно-правовом аспекте Царство Польское, тем самым окончательно сформировав вектор управленческих трансформаций, заложенный Манифестом от 1832 г. [4, с. 83–90].

И.Ф. Паскевич, назначенный Николаем I наместником в Царстве, выразил иное видение по поводу этой проблемы. Говоря о том, что на территории Царства Польского уже достаточно органов, выполняющих полицейские функции, наместник и вовсе высказывает сомнение по поводу создания ещё одной институции полицейского типа: «...но между тем, я приемлю смелость повергнуть Высочайшему благоусмотрению Вашему, что, помоему мнению, учреждение Чиновников Жандармского Корпуса из Русских и таким образом, чтобы они составляли один и тот же Корпус с Чиновниками в России... преждевременным» [1, с. 24]. Столь разительное видение у наместника по сравнению с позицией шефа жандармов связано с его лучшей осведомлённостью и знанием о положении дел в Царстве Польском.

Поляризация мнений среди управленческих звеньев привела к тому, что проект от 1843 г. выработал под собой компромиссную трактовку и формулировку разных мнений и позиций А. Х. Бенкендорфа и И. Ф. Паскевича, которые внесли весомый вклад в разработку новой модели управления территорией Царства Польского.

-
1. Бибииков Г. Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.
  2. ГАРФ. Ф. 110. Оп. 2. Д. 273.
  3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1833. Т. 28.
  4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб., 1833. Т. 7.

Проект реформирования начальной школы в России 1856 г.

Необходимость реформы образования в середине XIX в. была вызвана потребностью в широкой сети начальных школ и осознавалась государством и общественностью, которые в период начавшейся модернизации испытывали дефицит в грамотных кадрах. Развитие учебных заведений зависело от политики правительства, отношения общества к просвещению народа, самого народа к образованию [1, с. 5–7].

Исходным пунктом преобразований явился доклад А. С. Норова, поданный императору 5 марта 1856 г., в котором по пунктам изложены его взгляды на главные недостатки существующей системы и видение будущих преобразований. Норов, человек гуманный и просвещенный, понимал необходимость выведения министерства из стеснительных условий и восстановления нормального течения учебной жизни на основе действующих уставов [2].

Норов считал, что основой воспитания и образования должна быть православная вера. Министерство не могло довольствоваться тем, что нередко обучение принимает отвлеченную, схоластическую форму. Оно должно заботиться, чтобы преподавание закона Божия носило нравственно-назидательный характер и вселяло в учеников христианский образ мысли и жизни. Средством для этого должен был стать строгий выбор законоучителей при содействии местного митрополита (император велел войти в сношение с духовными властями). Низшие и средние учебные заведения должны давать ученикам широкое общее гуманитарное образование не только для мальчиков, но и для девочек всех сословий [3, с. 75–84]. Предложено дать единство системе народного образования, избавить ее от пережитков, обновить соответственно с местными нуждами. Для этого необходимы были новые учебники, новые штаты, единые правила подбора учителей для учебных заведений [4, с. 136–138]. Управление общеобразовательными учебными заведениями должно быть сосредоточено в Министерстве народного просвещения, а не разбросано по ведомствам [3, с. 75–84].

Собирание материалов для новых проектов уставов учебных заведений было возложено на Ученый комитет Главного правления училищ, который действовал на основании Правил, утвержденных императором в 1856 г., и должен был разработать устав, «более сообразный с современным взглядом на обучение и воспитание и более отвечающий действительным потребностям в учении» [5, с. 122–126; 6, с. 20].

В марте 1858 г. Норов подал в отставку, не закончив преобразований. Работа Ученого комитета затянулась, а первый «Проект Устава низших и сред-

них училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения» появился лишь в 1860 г. [7, с. 88–110]. 1856 г. явился знаковым для истории школы в России: был дан старт будущим реформам, начался сбор материала, определены основные направления и идеи реформ.

---

1. Очерки русской культуры XIX в. М., 2001. Т. 3. Культурный потенциал общества.

2. *Рождественский С. В.* Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902. URL: <http://ushinskiy.ru/jspui/handle/123456789/638>

3. Всеподданнейший доклад о мерах и предположениях по устройству системы народного образования от 5 марта 1856 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1876. Т. 3. С. 75–84.

4. Извлечение из отчета Министерства народного просвещения за 1856 г. // Журнал Министерства народного просвещения. 1857. № 7. С. 3–138.

5. Высочайше утвержденные Правила действия Ученого комитета Главного правления училищ от 15 июня 1856 г. // Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. СПб., 1876. Т. 3. С. 122–126.

6. Очерки истории школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX в. М., 1976.

7. Проект Устава низших и средних училищ, состоящих в ведомстве Министерства народного просвещения // Журнал Министерства народного просвещения. 1860. № 3. С. 88–110.

Ю. Р. Шакурова

Высшая школа экономики, Пермский филиал

Справки сельсоветов в следственных делах 1937 г.: содержание и функции

Для данной статьи было рассмотрено дело № 11642 о создании контрреволюционной повстанческой организации. Дело относится к периоду «массовой операции» по приказу № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов». В нем обвинялась группа из 17 человек, каждый из которых был арестован по подозрению в антисоветской и антиколхозной агитации, в замысле совершения вооруженного антисоветского восстания.

В качестве источника для данной статьи были взяты социальные справки-характеристики, которые были даны каждому из арестованных председате-

лем Гуринского сельсовета Галищевым Дмитрием Васильевичем. В этот период происходила массовая фальсификация справок, поэтому при изучении данного времени на них нужно обязательно обращать внимание. По приказу требовалось выискивать кулаков и справки должны были их выявить. Нужно отметить, что данные справки были первым документами, которые рассматривались при следствии и сразу же давали представлении об арестованном, поэтому мы и обратили на них свое внимание.

Среди характерных черт социальной справки можно выделить написание простым, разговорным языком. В них можно встретить такие выражения, как: «служил у белых на какой-то командной должности...», «в 1935 г. вступил в колхоз с целью спасти свою шкуру...» [1, Л. 5].

Также каждая справка включала в себя определение крестьянина как кулака. Причем также стоит отметить, что каждое упоминание кулака в справке было подчеркнуто красным карандашом, следовательно, на этом акцентировалось внимание следователя, допрашивающего. Это действительно важный момент, поскольку все арестованные по данному делу были или сами кулаки, или дети кулаков. Когда мы уже более подробно изучили дело и дошли до обзорной справки по обвинению бывшего начальника УНКВД Шахова Д. А., станет известно, что он и его бригада искусственно создавали несуществующую контрреволюционную организацию, в которой основные кадры были именно кулаки. Шахов составил подложный список, который включал арестованных и подлежащих аресту кулаков [1, Л. 315].

Конечно же, нужно сказать, что справки содержали в себе только отрицательное описание крестьян-колхозников, характеризовали арестованных только с негативных сторон. Во-первых, как было описано выше, в каждой значилось, что крестьянин является кулаком. Нередкими были замечания о враждебном настроении к советской власти кем-либо из арестованных, об антисоветской агитации, направленной на развал колхоза. Также указывались и факты хищения какой-либо колхозной собственности, например, в данном деле указано, что Ладанов Николай Степанович занимался хищением фонда – украл 70 кг семени в весенний сев [1, Л. 37].

Но, как выяснится позднее, данные справки были сфальсифицированы. Галищев Дмитрий Васильевич, председатель Гуринского сельсовета, в ходе допроса признался, что он подписывал эти справки, но сам лично их не составлял, так как он работал в этом колхозе совсем недолго и некоторых людей вообще не знал. Справки ему были даны представителями органов НКВД, которые убеждали его в том, что эта информация подтвержденная. Как сказал Галищев Дмитрий Васильевич: «Сомневаться было опасно» [1, Л. 360–361].

В итоге хотелось бы указать на роль справок в следственных процедурах. Они создавали видимость законности, являлись подтверждением того, что

арестованные действительно враги (хотя чаще всего задерживали невиновных, которых брали ради статистики).

---

1. ПГАНИ. Ф.641/1. Оп.1. Д. 11642.

В. А. Бондарь

Уральский федеральный университет

Трансформации понятия «машиночитаемый документ» в СССР и России

Понятие «машиночитаемый документ» появилось чуть позднее активного распространения ЭВМ и одновременно с концепцией автоматизированных систем управления в 70-х гг. XX в. Оно отражает влияние автоматизации на управленческие процессы, поскольку именно для них предназначена большая часть обрабатываемой информации. Формулировка и толкование соответствующего термина были стандартизированы в 80-е гг. XX в. и составлены исходя из опыта работы с документами на нетрадиционных носителях [1; 2].

Первоначально определяющим признаком были особенности носителя информации и работы с ним, то есть машиночитаемый документ рассматривался как противоположность человекочитаемому (традиционному) документу. Именно таков был подход во всех нормативных актах, касающихся работы с данным видом документации. Из-за сравнительно поздней фиксации соответствующего понятию термина, он был исследован лишь в общих чертах. Традиция трактовки понятия сохранилась и в новых условиях, потребовавших переосмысления как управленческих процессов, так и связанных с ними понятий и терминов документоведения и архивоведения.

В ГОСТ Р 51141–98 рассматриваемая категория документов обозначена как «документ на машинном носителе», то есть акцент делается на носителях и способах записи документа [3]. Это подчеркивает преемственность с выработанным в советское время термином «машиночитаемый документ». Словосочетание «машинный носитель» в целом употребляется значительно реже, чем слово «машиночитаемый», и в других нормативных актах не встречается. Поэтому нельзя с уверенностью считать концепт «документ на машинном носителе» этапом эволюции рассматриваемого понятия.

В более поздних определениях явления, описываемого понятием «машиночитаемый документ», акцент сместился на особенности и форму пред-

ставления информации. Это отразилось в формулировках «документ на электронном носителе» и «электронный документ». Налицо факт, что второй вариант считается основным в современных нормативных правовых актах. Первый же вариант практически не встречается в нормативных актах и большей части научных работ, но закреплён в последней редакции терминологического словаря [4, с. 96, 99].

Термины «машиночитаемый документ», «документ на машинном носителе» и «электронный документ» употребляются в схожем контексте и могут быть если не синонимами, то вариантами, показывающими эволюцию обозначаемого ими понятия. Новый терминологический словарь официально признал данные термины синонимами с пометкой, что первые два термина являются устаревшими [4, с. 99].

Тем не менее объём этих понятий нельзя считать тождественным, так как не всякий машиночитаемый документ – электронный (например, валики фонозаписи, перфоносители), но любой электронный документ – машиночитаемый. Таким образом, понятие и по формулировке, и по содержанию со временем изменяется и приспособляется к практической деятельности. Кроме того, предложена концепция собирательного названия для многих разновидностей документов на нетрадиционных носителях – технотронные документы. По мысли М. В. Ларина, так же следует относиться и к электронным документам [5, с. 28–29]. Тем не менее представления о технотронном документе не настолько сформировано, как концепция электронного документа, поэтому не представляется возможным более-менее точно оценить соотношения этих понятий.

Влияние процесса развития информационных технологий на управление в целом и работу с документами в частности выразилось в появлении понятия машиночитаемого документа, описывающие новый тип документов. Накопление научных знаний и изменения во внешней среде изменили не только содержание понятия, но и сам концепт, приобретший иную формулировку – электронный документ. Понятие электронного документа не идентично по объёму понятию машиночитаемого документа, но употребляется в аналогичном контексте, поэтому может быть признано следующей ступенью его развития.

---

1. Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения // Предпринимательское право: портал правовой поддержки предпринимательской деятельности. URL: [http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33696_DocumIsPrint__Page_1\(2\).html](http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_33696_DocumIsPrint__Page_1(2).html)

2. Основные правила работы государственных архивов СССР// Консультант-плюс: правовой сайт. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=14721;frame=2200>

3.ГОСТР51141–98.Делопроизводствоиархивноедело.Терминыиопределения// Гарант: информационно-правовой портал. URL: <http://base.garant.ru/181655/>

4. Управление документами. Термины и определения : словарь. М., 2013. 120 с.

5. Ларин М. В. Проблемы совершенствования документационного обеспечения управления в современных условиях // Отечественные архивы. 1999. № 3. С. 26-33.

Ю. И. Гильмутдинова

Уральский федеральный университет

Эффективность и результативность документации в условиях применения процессного подхода

Вопрос результативности и эффективности управления документацией до сих пор стоит перед организациями, внедряющими процессный подход в свою деятельность. Под результативностью в процессном подходе понимается степень реализации запланированной деятельности и достижения запланированных результатов, под эффективностью – связь между достигнутым результатом и использованными ресурсами. Опираясь на данное определение, мы можем уточнить, что результативность – это отношение фактически достигнутого результата к плановому; а эффективность процесса – отношение фактически достигнутого результата к затраченным на его получение ресурсам [1].

Марк Бейкер в своей статье «Адвокат пользователя: никто не читает документацию» ставит вопрос о том, каким именно образом работники используют документацию, в частности техническую, однако сюда же можно отнести и управленческую. Автор утверждает и последовательно доказывает, что «люди не читают документацию. Они ищут в ней ответы на вопросы» [2]. Именно поэтому, говорит он, создавать документацию необходимо не для чтения, а для поиска информации. Как это связано с показателями результативности и эффективности?

Для того чтобы оценить успешность применения той или иной документации, необходимо определить мерило для оценки. Для оценки результативности процесса управления документацией традиционно используются такие показатели, как соблюдение сроков при управлении документацией, наличие документов в подразделениях, где они необходимы, отсутствие на рабочих местах не зарегистрированной или неактуальной документации, отсутствие

случаев непреднамеренного использования отмененных документов, выполнение годового плана разработки, актуализации и внедрения документации. Однако гораздо острее стоит вопрос качества и эффективности применения конкретного документа, поскольку критерии, которые выделяют в управлении документацией, легко исполняемы и контролируемы, однако не обеспечивают в полной мере доступность и применимость информации, содержащейся в документе, а только обеспечивают доступ к самим документам. Основной проблемой при принятии решений является затраченное время на поиск необходимой информации, и именно этот показатель можно применить при измерении результативности и эффективности документации.

Следовательно, под результативностью документации в таком случае можно понимать отношение фактически затраченного времени на поиск необходимой для принятия решения информации к плановому. Под эффективностью же можно понимать отношение затраченного времени на поиск информации в документе ко времени, затраченному на создание такого документа, который бы удовлетворял условиям поиска. Здесь также встает вопрос эффективности информации или знания, содержащегося в документе, и дающее основу для принятия того или иного решения, однако это вопрос, требующий более глубокой разработки [3].

И в таком случае, если мы возьмем за основу вышеописанные определения эффективности и результативности документации, критерием результативности процесса управления документацией является наличие и функционирование системы документации, предоставляющей новые знания для принятия успешного и своевременного решения [4].

---

1. ГОСТ Р ИСО 9000-2011. Системы менеджмента качества. Основные положения и словарь. URL: <http://docs.cntd.ru/document/gost-iso-9000-2011>

2. *Mark Baker*. Users' Advocate: Nobody Reads Documentation. URL: <http://techwhirl.com/users-advocate-nobody-reads-documentation/>

3. *Попов Е. В., Власов М. В.* Институты миниэкономики знаний. М., 2009.

4. *Суровцева Н. Г.* Документация системы менеджмента качества. Екатеринбург, 2010.

СЕКЦИЯ IX.

ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО В ОТРАЖЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

А. С. Ошонков

Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет

Практика «объявления вне закона» и феномен изгнания в норвежском и исландском обществах IX–XIII вв.

В исландских и норвежских исторических источниках XI–XIII вв. практика «объявления вне закона» предстает важным социально-правовым институтом. В его задачу до усиления королевской власти (середина XI в.) входило устранение нежелательных элементов. Объявленный вне закона выключался из социальных связей, лишался правовой защиты и становился изгоем, последнего не мог приютить ни один человек.

В норвежской и исландской правовых системах отражены две формы «изгнания»: это высылка обычно на три года – неполное изгнание (*fiorbaugsgarfr* древнесканд. «двор платы за жизнь»); окончательное изгнание (*skoggangr* древнесканд. «поход в лес»), которое представляло собой полное удаление индивида из социума. Оба приговора предполагали изъятия потерпевшей стороной имущества преступника. Если человек в течении трех лет не уезжал из страны, то малое изгнание автоматически превращалось в полное [1, с. 355–356; 2, с. 293].

На древность данного института указывают исторические параллели. Например, Древнерусское право (XI в.) и право салических франков (V–VI вв.) знают схожие с «объявлением вне закона» институты. В пространной редакции Русской Правды сходное с изгнанием наказания отражено в словосочетании «поток и разграбление». У Салических франков смертная казнь как право короля влияла на отмирание института «объявления вне закона». Тем не менее, его признаки сохранились с некоторыми исключениями.

В исландском и норвежском обществе институт «кровной мести» способствовал поддержанию мира. Убийство члена одного коллектива членом дру-

гого вызывало ответную реакцию, поэтому скандинавы старались улаживать свои дела мирными путями. Если все-таки распрю не удавалось предотвратить, то провинившегося человека можно было объявить вне закона. Последний в таком случае лишался защиты своих родичей.

Изгой, отторгнутый от общества, в том числе от своих родственников в источниках часто упоминается как «uheilagr» (древнесканд. – не сакральный, не священный) или «ut-lagr» (древнесканд. – стоящий вне закона). Надо сказать, что в германской семантической картине мира право было связано с космогоническим актом творения [3, с. 87]. Поэтому Человек, переступивший закон, посягал на мировые устои и таким образом терял свою связь с сакральным. Во втором случае приставка «ut» указывает на его исключенность из мира людей (Midgard). Ut-lagr понимался как существо, представляющее силы хаоса (Utgard). Кроме того, в источниках таких людей часто называли «Skoggangsmadr» (букв. с древнесканд. – бродящий по лесам) или vargr (волк, преступник). Видимо, с потерей социальных связей человек переставал отождествляться с человеческим существом и приобретал черты «волка».

Сюжет, отождествляющий волка и изгоя, представлен в Младшей Эдде, сборнике мифологических сюжетов, записанных Снорри Стурлусоном в XIII в. Можно предположить, что в данном мифологическом сюжете отразились реальные социальные взаимоотношения в скандинавских обществах [4, с. 169–171]. Поэтому можно констатировать, что данный сюжет отражает взаимодействия изгоя, волка Фенрира, в среде полноправных общинников, асов.

Специфический образ «изгоя», связанный с образом «волков», представлен в Саге о Беовульфе, записанной англосаксами в VIII–IX вв., где рассказывается о борьбе героя Беовульфа с неким Гренделем. Особый интерес вызывает то, что автор саги описывает нечеловеческое существо Гренделя как человека. Упоминаются его предки: рожденный от «двух матерей»: brimwylf – волчицы моря и grundwerzenne – чудовища-волчицы на дне озера [5, с. 403]. Но самое главное, что автор наделяет Гренделя характеристиками недостойными германца. Не стоит также забывать, что он существует в полном одиночестве и даже изоляции от себе подобных [6, с. 94].

Как отмечает А.Я. Гуревич, в его образе сплелись разные ипостаси зла. Одна из них это отверженный, поставленный вне закона человек. Показательно, что в самой поэме, под влиянием христианства, он был назван потомком Каина [7, с. 5–26].

---

1. Байок Д. Л. Исландия эпохи викингов. М., 2012.

2. Буайе Р. Викинги История и цивилизация. СПб., 2012.

3. *Топорова Т. В.* Семантическая структура германской модели мира. М., 1994.
4. *Мелетинский Е. М.* Поэтика мифа. М., 1975.
5. *Иванов В. В.* Реконструкция европейских языков и текстов, отражающих культ волка // Литература и язык. 1975. Т.34. № 5. С. 399–408.
6. *Мельникова Е. А.* Меч и Лира. Англосаксонское общество в истории и эпосе. М., 1987.
7. *Гуревич А. Я.* Беовульф (вступительная статья) // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975.

А. Д. Плотникова
Курганский государственный университет

Маргиналы в исландском обществе эпохи народовластия по материалам родовых саг

Темой нашего исследования является вопрос о маргинальных слоях общества, которые лишь упоминаются в работах историков, но чья сущность не раскрывается ни в одной известной работе. Хронологическое ограничение исследования связано с признанной эффективностью системы, которая поддерживала политическую стабильность общества и его структур в данный период [1, с. 132]. Пользуясь определением из современного толкового словаря русского языка Ефремовой, маргинал – тот, кто утратил прежние социальные связи, находится на периферии своей социальной среды, не приспособился к новым условиям жизни и не имеет устойчивого социального статуса; изгой [2, с. 508]. Следует разобраться, кого на самом деле можно относить к маргинальным элементам общества и насколько это применимо к исландским реалиям. Родовые саги дают возможность выделить несколько причин, по которым тот или иной его представитель мог бы считаться изгоем. Во-первых, необходимо назвать тех, кто потерял свое имущество и резко опустился по социальной лестнице, чему во многом способствовали тяжелые климатические условия, которые часто приводили к разорению бондов [3]. Вторая возможная причина – вынесение наказания за преступление в виде изгнания на три года из определенной области или страны в целом. В-третьих, причиной могло послужить объявление человека вне закона, при котором осужденный мог быть убит любым свободным человеком без права мести. Подобные случаи упоминаются в сагах и часто подробно описаны, но далеко не всегда мы можем назвать маргиналами людей, попавших в обстоятельства, описанные выше. Рассмотрим несколько примеров.

Героя «Саги о Ньяле» Гуннара, который имел статус могучего бонда, объявляют вне закона. Несмотря на это, Гуннар продолжает ездить «на все сборища и тинги... Некоторое время он разъезжал, словно не был объявлен вне закона» [4, с. 108]. Жизнь этого бонда остается прежней, он не относит себя к изгоям общества, не считает необходимым исполнять решение тинга, поэтому нельзя утверждать, что после вынесения приговора он становится маргиналом. Руководствуясь приведенным примером, можно предположить, что одним из основных критериев маргинализации личности является самосознание и самоощущение человека, его восприятие происходящего и личностные психологические характеристики. Следует понимать, что подобных примеров в саговой литературе множество и каждый из них заслуживает отдельного внимания.

Саги дают возможность относить к маргиналам тех, кто был вынужден жить в Исландии в непривычных для него условиях на протяжении определенного времени. В «Саге о Греттире» Грим объявляется вне закона, вынужден скитаться, жить в пещере неопределенное количество времени. Далее в саге сообщается, что он смог выкупить себе место на корабле и стал «большим мореходом» [5, с. 103–105]. Вполне возможно считать Грима маргиналом то время, пока он жил в Исландии после осуждения. На его маргинальность указывает то, что вне зависимости от его самовосприятия и признания виновности, он вынужден жить в крайне непривычных и неблагоприятных для себя условиях какое-то время. Следует отметить, что в данном случае герой стремился исправить свое положение, что в конечном итоге ему удалось.

В сагах описано большое количество спорных ситуаций, где нельзя однозначно утверждать был ли тот или иной представитель общества маргиналом или нет. Тем не менее можно выделить ряд закономерностей. Большинство нищих, не имеющих своего дома или работы, объединялось по половозрастному признаку. Упоминаются группы нищенков в «Саге о Ньяле», несколько мальчиков-бродяг, прибывших на альтинг в «Саге о Гисли», мужчины-бродяги, объединившиеся с объявленным вне закона Хёрдом для защиты от врагов в «Саге о Хёрде и островитянах» [6; 7]. Также следует заметить, что общественная система Исландии была довольно четко структурирована, существовал институт помощи бедным – хрепп [1, с. 118–119]. Обедневшие исландцы могли без труда наниматься на работу к более удачливым бондам, брать в аренду землю и скот, тем самым улучшая свое материальное положение и повышая свой статус [1, с. 406–407].

Маргинал в Исландии мог стать представитель любой социальной категории при обстоятельствах, о которых упоминалось выше, но были возможности избежать выпадения из социальной структуры.

-
1. *Байок Д. Л.* Исландия эпохи викингов. М., 2012.
  2. Современный толковый словарь русского языка Ефремовой. М., 2006.
  3. *Буайе Р.* Средневековая Исландия. М., 2009.
  4. Сага о Ньяле. Исландские саги. М., 1956.
  5. Сага о Греттире. Литературные памятники. Новосибирск, 1976.
  6. Сага о Гисли. URL: <http://ulfdalir.ru/sources/42/1197/1214>.
  7. Сага о Хёрде и островитянах. URL: <http://norse.ulver.com/src/isl/hord/ru.html>

Я. В. Левинская

Уральский федеральный университет

Роль Михаила VIII Палеолога в восстановлении Византийской империи: взгляд современников

Во второй половине XIII столетия Византийское государство, расколовшееся в 1204 г., возродилось под эгидой никейского императора Михаила VIII Палеолога. Начало этому процессу было положено еще в правление Феодора I Ласкариса [1], однако только спустя пятидесятилетие задуманному было суждено свершиться. Безусловно, 1261 г. – важный год в восприятии византийцев, не менее важна и фигура василевса, благодаря которому жизнь государства продлилась еще на несколько веков. О роли Михаила VIII в восстановлении империи начали писать еще его современники, воздавая правителю почести как завоевателю Константинополя.

Как известно, византийская традиция презентации императорской власти предполагала использование ряда стандартных приемов при описании василевса. Михаил VIII Палеолог, несмотря на ослепление законного наследника престола – Иоанна Ласкариса с целью единоличного правления, не был обделен вниманием историками. Он наделялся всем спектром доблестей и добродетелей: мужественностью, щедростью, интеллектом [2, с. 123–125], что свидетельствует в пользу признания его власти подданными. Без признания легитимности власти не могло быть и признания его роли в восстановлении империи.

Авторы, повествующие о жизни Михаила VIII, часто ссылаются на ключевое событие его биографии – взятие Константинополя. Георгий Акрополит упоминал о веселии, великой радости и безмерном ликовании ромейского народа [3, с. 138] после взятия Константинополя Палеологом. Георгий Пахимер рисовал противоречивую картину вхождения императора в город: с одной стороны народ был преисполнен удовольствия, с другой же – страхом, ввиду отсутствия Иоанна Ласкариса вместе с Михаилом Палеологом во время вступления в столицу [4, с. 148]. Конечно, ослепление законного

наследника по поручению Михаила в дальнейшем сказалось на отношении духовенства и народа к нему, но это не отменило его роли в воссоздании империи в глазах византийцев. Пожалуй, данный факт косвенно способствовал венчанию Михаила VIII Палеолога на царство патриархом.

Историческая память византийцев сохранила образ Михаила VIII как образ василевса-строителя: строителя не только новой династии, но и государства в целом. Его роль в восстановлении империи была признана и более поздними авторами [5]. Возможно, на это повлиял и факт основания Михаилом самой долгоправящей византийской династии.

Таким образом, можно констатировать, что роль Михаила VIII Палеолога в восстановлении империи в оценках византийцев была, несомненно, ключевой. Несмотря на все противоречия по отношению к василевсу, народ не только видел в нем своего правителя, но и воздавал к нему особое почтение, как к строителю и основателю государства и новой династии, что зафиксировалось в исторической памяти потомков.

---

1. *Васильев А. А.* История Византийской Империи. Т.2. URL: http://fb2lib.net.ru/read_online/10616.

2. *Никифор Григора.* Римская История, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами (1204–1341). Рязань, 2004. Т.1.

3. *Акрополит Георгий.* История. СПб., 2005.

4. *Пахимер Георгий.* История о Михаиле и Андронике Палеологах. СПб., 1862.

5. *Doukas.* Decline and fall to the Ottoman turks. Detroit, 1975.

Л. М. Кожевникова

Курганский государственный университет

Адаптация пленных Кучумовичей в Московском государстве осенью 1598 – зимой 1599 гг.: методология и источники

Проблема русско-сибирских отношений – одна из актуальных проблем истории Сибири: организуются различные конференции по тюрко-татарским средневековым государствам, выпускаются сборники по соответствующей теме. Наблюдается тенденция рассматривать не только столкновения русских и коренных народов, но и оценить ситуацию с точки зрения столкновения различных культур: христианской и исламской [1, с. 125–136]. По мнению Д. Н. Маслюженко и Е. А. Рябининой, через особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей можно проследить отношения Московских дипломатов к фигуре сибирского и его наследников [2, с. 75–93]

Для исследования такой темы, как повседневность, стали использоваться официальные документы – отписки Тарских воевод царю. Это объясняется тем, что во-первых, практически не имели распространения в тот период в России эго-документы, во-вторых, пленение родственников Кучума, а также обеспечение их всем необходимым, по-видимому, было важным событием, так как хорошо освещены в отписках такие аспекты повседневной жизни, как еда и одежда пленных родственников Кучума. Для выяснения данного вопроса мы пользовались этнологическими методами в своем исследовании. Также мы использовали микроисторический подход к изучению данной темы. Все это дает нам возможность через повседневную жизнь Кучумовичей проследить их статус и положение в Московском государстве.

Например, в отписке царю Тарских воевод Степана Козмина, Андрея Воейкова и Петра Пивова особое внимание отводилось вопросу обеспечения питания пленных. Детям боярским и атаманом, которые стояли во главе отряда, было велено «собирать по ямам, всем им и по рублю и по четыре алтына и по две деньги» на день. В документе также отмечается, что была выдана кормовая «память» для записи поименных выдач отдельным лицам [3, с. 6].

Проблемой в адаптации к московскому укладу жизни явилось нежелание есть мясо «нашего резу», как отмечалось в отписке от 12 января 1599 г. Савина Воейкова. Вероятно, это было связано со стремлением соблюдать исламский обычай резать скот без пролития крови. Скоро выход был найден: новым поваром был назначен пленный татарин Еснигельдей [3, с. 12]. Интересно то, что Московское правительство чутко и быстро реагировало на возникновение каких-либо проблем, будь то конфликт царевичей с Пятунией Петровым, опасность заражения болезнью или же нехватка продуктов и предметов: яблок, шафрана, свечей [3, с. 15]. В данный период у русского правительства распространенной практикой в отношениях с кочевниками было взятие в заложники.

Особого внимания заслуживает также раздача платья царевичам и царицам. 15 января 1599 г. началась подготовка к въезду семейства Кучумовичей в Москву. Андреяну Ярцову и переводчику Степану Полуханову была вручена память о раздаче пожалованного царицам и царевичам платья. Сама раздача была осуществлена на следующий день. Вся одежда как по видам, так и по цветовой гамме подбиралась с учетом вкусов московской знати. Кучумовичи просили им дать одежду в соответствии со вкусом московской знати, что позволяло им лучше приспособиться к особенностям московской жизни в качестве своеобразной мимикрии. Одежда, отмеченная в этой памяти, схожа с описанием русских традиций у Джильса Флетчера «О государстве Российском» [2, с. 75–93]. Судя по дорогим материалам, из которых

сшита пожалованная одежда, пленные имели высокий статус в Московском государстве. Выданная одежда различалась по старшинству родственников Кучума. Чуть позже состоялась по просьбе царевичей раздача оружия, а также предметы костюма – тюбетейка, жемчужное ожерелье и т. д. [3, с. 22]. С этого момента, скорее всего, они не могли считаться пленными, а переходили в разряд гостей.

Таким образом, с помощью этнологических методов и привлечением официальных документов (отписок воевод царю) мы можем проследить стремление пленных Кучумовичей адаптироваться в Московском государстве. Вместе с этим, наряду со стремлением вжиться в новую среду, они принимали московский уклад жизни не во вред своему мировоззрению, не отказываясь от своих привычек. Это было взаимовыгодным положением для обеих сторон в сложившейся ситуации. С одной стороны, пленные родственники хана Кучума, скорее всего, служили гарантом обеспечения восточной политики Российского государства. С другой стороны, Кучумовичам было обеспечено почетное отношение со стороны Москвы и возможность проживания в России, сохраняя свой высокий статус.

---

1. *Матвеев А. В.* Татауров С.Ф. Сибирское ханство во второй половине XVI в. (некоторые аспекты политической истории) // Научный Татарстан. 2011. № 2. С. 125–136.

2. *Маслюженко Д. Н., Рябинина Е. А.* Особенности повседневной жизни пленных Кучумовичей в Московском государстве осенью 1598 – зимой 1599 г. // Средневековые тюрко-татарские государства. Вып. 3. Казань, 2011. С. 75–93.

3. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 2. 1598–1613. СПб., 1841.

М. Т. Накишова

Уральский федеральный университет

Феномен самозванчества в социально-политической культуре России XVII в.

Известно, что XVII в. привнес в русскую историю такое явление, как самозванчество. Конечно, его нельзя считать исключительно русским феноменом. Во многих странах, начиная с Персидской державы Ахеменидов, появлялись авантюристы, выдававшие себя за представителя монаршего рода.

Но только в России самозванчество сыграло столь важную роль в социально-политической культуре.

Самозванчество сразу же, «с легкой руки первого Лжедмитрия» [1, с. 146], обрело исключительную популярность. Став в XVII в. серьезной угрозой царской власти в России, оно достигло своего апогея в XVIII столетии. Ученые насчитывают около 60 случаев монархического самозванчества, 20 из которых приходятся на XVII в. и 40 – на XVIII в. [2, с. 53].

Важно отметить, что отношение к данному явлению менялось на протяжении всего развития исторической науки. В дореволюционный период самозванчество представлялось плодом индивидуальной выдумки и как феномен не изучалось. В советский период большинство исследователей определяли самозванчество как особую форму антифеодальной борьбы, проявление наивного монархизма, то есть веры в «хорошего царя». В настоящее время ученые, применяя комплексные методы, представляют нам всю многогранность и многоаспектность изучаемого явления.

Каково происхождение самозванческой интриги? Этот вопрос был и остается актуальным для исследователей. Долгое время в исторической науке преобладали две теории. Первая, поддержанная большинством историков, основывалась на мысли, что внутренние враги Бориса Годунова, стремившиеся к власти, были более всех заинтересованы в появлении «истинного государя». Другая переносила «родину» самозванца либо к казакам, уже знакомым с молдавскими господарчиками, либо за границу, в Речь Посполитую. Во второй половине XX в. К.В.Чистовым была предложена концепция, связывающая самозванчество с распространением в обществе социально-утопической легенды о «возвращающихся царях-избавителях», которая явилась плодом выдумки коллективного сознания крестьянских, казачьих и посадских масс [3, с. 26].

Особое влияние на появление и популяризацию самозванческой идеи оказала сакрализация царской власти. Ведь именно потому, что имя царя представлялось чем-то священным, простой люд шел за новоявленным «государем», не требуя особых доказательств, искренне веря в истинность претендента и в то, что новый царь будет «их жаловати и в чести держати и ученит их в тишине и в покое и во благоденственном житии» [4, с. 169]. Что мотивировало народ? Это и стремление избавиться от крепостного гнета, и надежда на сытую жизнь, на повышение социального статуса, и желание установить справедливость, и многое другое.

Конечно, успех самозванца неизбежно зависел от действий народных масс, от их надежд и веры, но немаловажную роль играло поведение самого авантюриста.

Во-первых, необходимой была поддержка самозванца «всемирным», так как только удачливость претендента говорила о его богоизбранности. Причем обязательным считался союз «подлинного» царя с донскими казаками. Кроме того, в народном сознании хранился определенный план, по которому

нужно было действовать самозванцу – вооруженная борьба с изменниками и дальнейший поход на столицу.

Во-вторых, образ жизни «правителя» должен был строго соответствовать предписаниям царского чина. Так, поводом для свержения Лжедмитрия I послужило его пристрастие к католикам, дружба с иностранцами и казаками, нарушение дворцовых порядков, пренебрежение народными обычаями.

И, наконец, в силу того, что самозванчество основано на «перемене мест» легитимного и нелегитимного царей, претендент обязан был осуществлять активную пропагандистскую деятельность, главной целью которой можно признать стремление подорвать веру в истинного, выбранного народом царя, объявив его обманщиком и узурпатором.

Подводя итоги, стоит заметить, что самозванчество связано с возникновением в XVII в. личностного сознания. Оно как своего рода самосакрализация оказывается средством обретения собственного «Я». В России явление первого лжецаря было покушением на «борисо-глебовскую» духовно-поведенческую модель, сложившуюся еще в XI в. и сохранявшуюся в Смутное время как основной идеологический догмат. Свободный акт воли Григория Отрепьева способствовал формированию свободной личности, творящей себя, мир и историю, что характерно для Нового времени.

---

1. *Ключевский В. О.* Русская история. Полный курс лекций в 3 кн. Кн. 2. М., 1993. Кн. 2.

2. *Усенко О. Г.* Самозванчество на Руси: норма или патология? // Родина. 1995. № 1. С. 53–57.

3. *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды. М., 1967.

4. *Платонов С. Ф.* Очерки по истории смуты в Московском государстве XVI–XVII вв. Опыт изучения общественного строя и сословных отношений в Смутное время. М., 1995.

Н. А. Павлюкова

Уральский федеральный университет

Социальный облик Н. А. Демидова в середине XVIII в. (на примере ботанической и зоологической коллекции)

Серьезным увлечением уральского заводовладельца Никиты Акинфиевича Демидова в середине XVIII в. являлись покупка и содержание различных растений и животных.

Данное исследование охватывает период от смерти отца Никиты, Акинфия в 1745 г. до начала 1760-х гг., когда окончательно завершился раздел отцовского наследства и Н.А. Демидов вступил в управление своей частью предприятий.

Описания коллекций Н.А. Демидова не сохранились, поэтому реконструируются они на основе переписки заводовладельца, а также различных росписей его имущества.

Никита Акинфиевич продолжает традицию старших братьев по разведению ботанических садов. Согласно «Выписке о расходах», в 1748 г. Демидов покупает в Астрахани виноградные кусты и «семена персидские и шептажные косточки» [1, Л. 63], в 1749 г. он выписывает в Москву садовника Марка Дьякова. Тогда же из Фокина до Голутвина отправляются «сады» (т. е. садовые растения).

Вопросы заказа, пересылки и выращивания растений занимают одно из центральных мест в переписке Никиты Акинфиевича. Письма его демонстрируют серьезные познания в ботанике. Так, в письме Иоганну и Матиасу Клефкернам в 1756 г. он не только перечисляет растения, которые уже получил или только желает купить (каштаны, сливы, груши, «парасон перенис», пальмы «Феминима Фон Флабена»), но и просит «такой ординарной мелочи не присылать» (речь идет о присланных ему плодовых деревьях) [2]. В том же году он благодарит Пропста за «последнее известие с приложением о деревьях натаций». В конце 1750 – начале 1760-х гг. младший Акинфиевич ведет активную переписку с Давидом Варнером по вопросам покупки растений и найма садовника. Своеобразным итогом стал найм садовника Эклебена, который, однако, вскоре перешел на работу «для государственных садов», рекомендовав вместо себя брата [3]. В указанный период Н. А. Демидов заказывает у разных иностранных садовников 2 пальмы (которые предлагает купить или обменять на *Palma femina folio Illabelle forme*), 6 штук *Ananas folio non serrata*, 6 *dito fructu Rubro*, *Poma desina Aculeata*, 1 *cerasum Hottentottorum*, «*Pinus Italicum*» [4].

Неоднократно Н.А. Демидов упоминает растения в переписке с Нижнетагильской заводской конторой. Так, в письме от 18 февраля 1759 г. он требует прислать в Москву «прошлогодных кедровых шишек... до шести штук кедровых дерев... да по ста дерев лиственничных и пихтовых не мен[ь]ше», а в Петербург – «каждо предписанного сорта по ш[е]сти дерев тоже по пропорции» [5, Л. 24–24 об.]. В 1763 г. он просит прислать в Москву «кедровых деревцов ос[ь]мнатцать», причем детально описывает условия транспортировки [6, Л. 271–271 об.]. Известно, что в начале 1760-х гг. заводовладелец

начал строительство московского «Слободского дома» – основного своего места жительства на протяжении изучаемого периода и последующих лет. По более поздним описаниям в усадьбе существовали оранжереи, сад-парк площадью около 10 гектаров [7, с. 132]. Возможно, именно для этого парка и заказывались указанные деревья.

Н.А. Демидов не ограничивался коллекционированием растений. Известно, что еще у его отца, А.Н. Демидова, в домах при заводах и вотчинах содержалось 2 обезьяны, 39 маралов, 15 павлинов, 84 лебедя и 5 журавлей [8, Л. 373]. Не сохранилось информации о каком-либо зверинце, принадлежавшем Н.А. Демидову, однако его переписка фиксирует несколько упоминаний о различных животных. Так, в 1763 г. в письме Нижнетагильской заводской конторе он требует: «Нынешнею весною на караване прислать ко мне в Москву лебедей десеть пар, выбрав которые полутчее» [9, Л. 136]. В том же году он пишет: «...прикажите тому скол[ь]ко есть молодых прошлогодних и нынешних [маралов], приучать печеным хлебом и овсом кормить из рук... пар до шести или скол[ь]ко к людям привыкнут, будущего года в караване прислать ко мне в Москву» [10, Л. 225–225 об.].

В 1765 г. Пеагея Дурново в письме к Н. А. Демидову упоминает птиц, живших в московском доме: «и птиц ваших смотрели, и ворон ваш так прославился, што многия ездят смотреть...» [11, Л. 4–4 об.].

Собрание растений и животных, принадлежавшее Н. А. Демидову демонстрирует принадлежность владельца к высшему слою дворянства того времени, окончание процесса одворянивания заводчика. Приобретение дорогостоящих растений, создание регулярных садов и оранжерей при домах в столицах, заказ животных – все это демонстрирует стремление заводовладельца примкнуть к «высшему обществу» середины XVIII в.

---

1. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 17.

2. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 78.

3. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 17, 56, 73, 79.

4. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 79.

5. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 70.

6. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112.

7. Юркин И. Н. Демидовы – ученые, инженеры, организаторы науки и производства: Опыт науковедческой просопографии. М., 2001.

8. РГАДА. Ф. 11. Оп. 1. Д. 95. Т. 2.

9. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112.

10. ГАСО. Ф. 643. Оп. 1. Д. 112.

11. РГАДА. Ф. 1267. Оп. 1. Д. 25.

Попытки яицких казаков записи в двойной раскольничий оклад в начале царствования Екатерины II*

Политический курс на либерализацию отношений к старообрядцам, наметившийся в середине 50-х гг. XVIII в. [1, № 10284, 10619, 10889; 2, № 11179, 11265], получил свое развитие при Петре III и был продолжен Екатериной II. В целом действия правительства соответствовали идеям «просвещенного абсолютизма». Екатериной был издан ряд указов и манифест, предписывающих прекращение следствий по делам староверов, пожелавших вернуться в Россию. В 1763 г. была закрыта Раскольничья контора [3, № 11989, п. 19]. Несмотря на некоторые отклонения от курса, такие как вторая ветковская «выгонка» 1764 г. [4, с. 396], впоследствии старообрядцы получили и некоторые права, уравнивавшие их с православными [5, № 12425; 6, № 12997, 13023, 13076; 7, с. 729–732].

Манифестом от 3 марта 1764 г. предписывалось «раскольников..., какого бы они звания ни были» записывать в двойной оклад [3, № 12067]. Воспользоваться возможностью решили и яицкие казаки. 22 января 1765 г. «желающие в раскол к записке явилось в Яицком (городке. – *Т. Р.*) мужеска и женска (пола. – *Т. Р.*) сто шестнадцать (человек. – *Т. Р.*), в Сакмарском (городке. – *Т. Р.*) осмнадцать», однако «в Оренбургской губернской канцелярии (было. – *Т. Р.*) определено об отказе» (8, Л. 2 об.). 12 марта того же года отставные казаки Алексеевской крепости М.К. Судоплатов и Сакмарского городка С. Федоров также получили отказы (9, Л. 1–3 об.). Причиной тому послужили строки того же манифеста: «кои православной церкви не чуждаются, и таинства церкви от православных священников приемлют, а только в застарелых и безрассудных... остаются обычаях..., от... двойного оклада освобождаются» [3, № 12067, п. 4]. По сведениям В. Н. Витевского, на тот момент в Яицком войске находилось четыре церкви: три – в Яицком городке, одна – в Гурьеве [10, с. 1]. Все они официально числились православными, хотя служба в них и велась по старым книгам и обрядам, о чем знало как местное начальство, так и центральные власти. Принадлежность старообрядцев к приходу одной из подобных церквей делала формально невозможной их запись в «раскол».

---

* Статья подготовлена в рамках реализации гранта Правительства РФ по привлечению ведущих ученых в российские образовательные учреждения высшего профессионального образования и научные учреждения государственных академий наук и государственные научные центры Российской Федерации (Лаборатория эдиционной археографии, Уральский федеральный университет). Договор № 14.А12.31.0004 от 26.06.2013 г.

Стоит отметить, что ни в манифесте, ни в последующих указах не упоминались казаки [3, № 12141, 12281, 12301, 12315]. Будучи военнослужащими они не могли записаться в двойной оклад. К тому же власти надеялись, что казаки-старообрядцы, большая часть которых на тот момент в целом лояльно относилась к церковным и гражданским властям, со временем сами перейдут в лоно официальной церкви.

Данная противоречивая ситуация так и не получила окончательного разрешения. В качестве руководства для старшин и атаманов Яицкого войска Екатериной был издан специальный указ от 10 ноября 1764 г. Он запрещал силой и угрозами «отвращать» казаков от записи в двойной оклад и предписывал действовать секретно «уверениями и доказательствами из божественного писания» [11, с. 85]. Через 8 дней граф Г.Г. Орлов выступил с письменным предложением относительно необходимости разъяснений желавшим перейти в «раскол» казакам о потере при этом ими многих привилегий. Записавшись в двойной оклад, они «посчитают себя уволенными от служб..., через самое то теряют и те преимущества, которые они по службе у себя имеют...» и в правах сравниваются с земледельцами [12, Л. 1–1 об.]. Но это предложение, судя по всему, осталось без внимания императрицы.

Вопреки желаниям правительства, отказы в разрешении казакам записываться в «раскол», не привел в дальнейшем к уменьшению численности скрытых старообрядцев. Официальный статус казаков, как православного населения, позволял властям не акцентировать внимание на проблеме распространения староверия. Для историков же это стало причиной больших сложностей по выявлению роли и степени влияния религиозного фактора на дальнейшие события. Такие как волнения 1772 г. и восстание под предводительством Е. Пугачева.

-
1. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 14.
  2. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 15.
  3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 16.
  4. *Лилеев М. И.* Новые материалы для истории раскола на Ветке и в Стародубье XVII – XVIII вв. Киев, 1893.
  5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 17.
  6. Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. СПб., 1830. Т. 18.
  7. Собрание постановлений по части раскола, состоявшихся по ведомству Св. Синода. Кн. 1. (1716–1800). СПб., 1860.
  8. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2978.
  9. ГАОО. Ф. 172. Оп. 1. Д. 2992.
  10. *Витевский В. Н.* Сведения о православных и единоверческих церквях Уральского войска. Б. м., б. г.

11. *Рябинин А.* Уральское казачье войско. СПб., 1866. Ч. 2. Приложения. (Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба).

12. РГАДА. Ф. 18. Оп. 1. Д. 214.

А. А. Кохановский

Уральский федеральный университет

Документы революционной эпохи как источник о распаде «левого блока» на Урале в 1918 г.

Коалиция большевиков и левых эсеров в Совнаркоме стала решающей в укреплении Советской власти в послеоктябрьский период, однако неприятие партией левых социалистов-революционеров (ПЛСР) Брестского мира марта 1918 г. положило начало ее расколу. Но на Урале ПЛСР удержала 50 % в Пермском и Уфимском губсоветах и около 20 % мест по уездным съездам [1, с. 132].

На I Пермском губернском съезде советов 7–15 апреля 1918 г. из 607 делегатов было представлено 307 левых эсеров и лишь 211 большевиков [2, с. 94], а председателем избрали члена ПЛСР В. Воловича. Но большевики проиграли борьбу за представительство в исполкоме, покинув съезд и передав решение конфликта Уралоблсовету, который отдал 14 мест большевикам и 11 эсерам [2, с. 98]. Инцидент рассматривался на II апрельском Всероссийском съезде ПЛСР: он решил, что однопартийцам не стоило входить в исполком, «пока не будет предоставлено пропорциональное представительство», не допуская «вступления на путь вооруженной борьбы», чтобы «не устраивать драку на месте» [3, с. 373].

Взаимодействовали обе партии и в Екатеринбурге, где 22 мая на выборах трибунала труда и других комиссий горсовета избрали по 1 эсеру и 1 большевику [4, Л. 10]. Борьбу за крестьянство левые эсеры выигрывали за счет позиций в дискуссиях по продовольственному вопросу и комбедам, увеличивая влияние в советах.

Уральские большевики сами накаляли конфликт: на требование эсеров выдать оружие для отражения Чехословацкого корпуса, областной военком Ф. Голощекин ответил, что «не знает, кто они такие», указав, что эсеры «и в Самаре...шли против нас» [4, Л. 20–21], и приказал им подчиниться общему командованию. ПЛСР ответила лозунгом «долой комиссародержавие» [4, Л. 23].

Приближение Гражданской войны давало ПЛСР надежду на сохранение коалиции, а боевая организация партии уже в июне вела бои под Шадринском, передав затем большевикам руководство Северо-Уральским фронтом. На заседаниях горсовета Екатеринбурга председателями часто выбирались члены ПЛСР, а их предложения по продовольственному вопросу одобрялись большевиками. Когда 19 июня при выборах делегатов на V Всероссийский съезд

Советов выяснилось, что норма представительства позволит горсовету делегировать одного человека, левые эсеры уступили мандат большевикам. Тогда же комиссаром юстиции единогласно выбрали эсера М. Зайда [4, Л. 48].

Однако в дни работы V съезда в Москве вспыхнул мятеж ПЛСР, подавленный большевиками. Обком Советов Урала даже получил телеграмму, гласившую, что к мятежу «примкнули правые эсеры и меньшевики, а среди эсеров раскол, их съездовская часть к авантюре непричастна» [6, Л. 292]. Поэтому облизполком предложил членам ПЛСР, не подчинившимся воле V съезда, покинуть ответственные посты, объявив: «Всякая попытка неподчинения... будет признана изменой революции и встречена беспощадным отпором» [6, Л. 233].

Итогом борьбы стало постановление президиума Уралоблсовета 13 августа 1918 г. об удалении из него представителей ПЛСР, обоснованное тем, что «несмотря на постановление 9 июля члены фракции не выявили своего отношения ни к левоэсеровскому мятежу, ни к резолюциям V съезда Советов и...остаются на советских постах...продолжая дезорганизаторскую работу...против Советской власти» [6, Л. 244]. Но и после этого эсеры сохраняли места в уездных исполкомах, а на августовском съезде Советских организаций Гороблагодатского округа было представлено 34 коммуниста и 8 эсеров, один из которых стал товарищем председателя президиума [5, Л. 33]. Рядовые члены РКП(б) вообще жаловались на преследования в отношении бывших союзников, продолжив работать с ними в контакте. Поэтому большевистский облсовет инициировал ряд мер, направленных на полный вывод левых эсеров из местных органов власти: так, 7 сентября в ходе следствия над Кунгурским уездным исполкомом и ареста части его членов он постановил до перевыборов назначить в президиум большевиков [6, Л. 248].

В результате 17 октября 1918 г. собрание организаций ПЛСР Урала постановило выйти из партии, влившись в ряды РКП(б), что позволило остаться у власти. На оставшихся в партии начались гонения, затронувшие максималистов и эсеров Перми, обвиненных в подготовке восстания вместе с белогвардейцами [6, Л. 263].

Итак, анализ документов дает понять, что несмотря на борьбу большевиков с ПЛСР в центре страны, на местах в уральском регионе сотрудничество продолжалось, а тактика насильственного выдавливания левых эсеров из органов власти и решение ЦК ПЛСР о разрыве с большевиками не одобрялись членами низовых парторганизаций обеих партий, что объясняется широтой круга решаемых в военное время проблем.

---

1. Васильев А. Н. «Левый блок» на Урале в 1917–1918 гг. Пермь, 1984.

2. Люхундаев М. И. Левые эсеры в политической жизни Урала в 1917–1918 гг. Екатеринбург, 2001.

3. Партия левых социалистов-революционеров. Документы и материалы. М., 2000. Т.1.

4. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 102.

5. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 1. Д. 107.

6. ЦДООСО. Ф. 41. Оп. 2. Д. 327.

А. Д. Кузеванова

Уральский федеральный университет

**«Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их
не было повода, а терпеть невозможно»:
к вопросу о высылке интеллигенции в 1922 г.**

Одним из последствий Октябрьской революции 1917 г. была самая многочисленная эмиграция из страны тех, чьи взгляды на судьбу России расходились со взглядами новой власти, но если в большинстве случаев она носила добровольный характер, то для небольшого числа людей эта эмиграция была насильственной – речь идет о пассажирах «Философского парохода» – высылке интеллигенции, проводимой большевиками в 1922 г.

Переход к НЭПу, который в скором времени мог привести не только к оживлению экономической жизни, но и политической, заставил большевиков задуматься о судьбах «инакомыслящей» интеллигенции, которая, объединившись, могла «создать огромную силу, противостоящую Советской власти» [1].

Одним из представителей такой силы был наш земляк – Изгоев (Ланде) Александр (Арон) Соломонович, который родился в г. Ирбите и там же закончил гимназию. Он один из авторов сборника «Вехи». Его политическая деятельность сначала протекала в русле легального марксизма, позднее же он перешел в социал-демократизм и стал членом партии кадетов. Он не принял ни одну из русских революций, произошедших в 1917 г., критиковал большевиков и активно выступал против их власти, ведя при этом только публицистическую и общественную деятельность. Изгоев был сторонником вооруженного сопротивления диктатуре пролетариата, за что неоднократно арестовывался, ссылаясь в Сибирь, Архангельск, Оренбуржье, а в 1921 г. попал в московский Ивановский концентрационный лагерь. При этом, будучи ярким противником советской власти, он отмечал, что практически все русские революционеры по своему характеру были большевиками, но только у большевиков хватило смелости взять власть, и здесь его точка зрения совпадает с позицией Н. Бердяева, который был уверен, что именно РКП(б) в данный момент была самым сильным претендентом на руководство страной.

В конце концов, когда в РСФСР началась борьба с «контрреволюционной» интеллигенцией, закономерным было, что имя Изгоева-Ланде оказалось в

«списках деятелей интеллигенции, подлежащих высылке» по г. Петрограду, со следующей характеристикой: «Изгоев-Ланде А. С. Правый кадет, старый веховец. Довольно сильная фигура. Всегда был большевиконенавистующим кадетом. Это опасная его сторона. Его «дурачки и умненькие» – хороший памфлет на большевиков. Он умный и хитрый литератор. До сих пор избегает всяческого соприкосновения с нами и ведет довольно упорную борьбу в «Доме литераторов». Душа всяких протестов, резолюций, которые там выносятся» [1].

Уже 3 августа 1922 г. он был арестован и 8 дней провел «в грязном и подлом сарае Чрезвычайки» [2, с. 6] вместе с Л. П. Карсавиным и А. Б. Петрищевым. Последующие три месяца ушли на подготовку к эмиграции из страны: необходимо было собрать документы, получить визы, выдаваемые немецким посольством и собрать вещи, вывоз которых был ограниченным: «борьба шла из-за лишней простыни, из-за лишнего золотника золотых вещей» [2, с. 11]. Поэтому многие, в том числе и Изгоев, эмигрировали, оставив очень многое в России, обрекая себя тем самым на достаточно бедственное существование за границей.

16 ноября 1922 г. из Петербурга в Германию отплывал один из «Философских пароходов» – пароход «Preussen», пассажиром которого был и А. С. Изгоев-Ланде. Уезжал он вместе со своей женой. В воспоминаниях Александр Соломонович описывает процедуру таможенного осмотра, которая, по его мнению, была очень формализованной, главной задачей которой было не задерживать отплытие «Preussen» и поскорее избавиться от «контрреволюционеров». Все было очень формально: «Руки надсмотрщиков рылись в вещах, но они ничего оттуда не вынули, и глаза их ни на что не смотрели. Осмотр происходил, и в сущности, его не было. <...> У меня сложилось впечатление, что были даны особые указания не чинить нам никаких притеснений. Советская власть точно хотела подчеркнутой вежливостью украсить наше расставание с Родиной и тем – облегчить или отяготить наши последние минуты» [2, с. 11].

В эмиграции Александр Соломонович не отошел от публицистической деятельности: публиковался в журналах и газетах, откликался на события, происходящие и в эмиграции и в Советском Союзе. До конца 1920-х гг. жил в Праге, а в начале 1930-х гг. переехал в Эстонию, где и умер в июне 1935 в г. Хаапсалу.

---

1. Препроводительная записка И.С. Уиншлихта И.В. Сталину с приложением протокола заседания Комиссии Политбюро ЦК РКП(б) и списков деятелей интеллигенции, подлежащих высылке. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/56067>

2. Изгоев А. С. Пять лет в Советской России // Архив русской революции. Т. 10. Берлин, 1923. С. 5–55.

Материалы обсуждения закона «О землепользовании и землеустройстве» как исторический источник начала коллективизации в Уральской области

Во время работы по составлению обзора документных фондов Государственного архива Свердловской области по истории коллективизации наше внимание привлекло одно дело [1] фонда Уральского областного земельного управления (ОблЗУ). Это дело содержит материалы по обсуждению проекта закона «Об общих началах землепользования и землеустройства» 1928 г. [2; 3]. Данное дело интересно прежде всего тем, что дает представление как об основных интересах крестьян, представителей земельных обществ, к началу проведения политики по коллективизации земли, так и о той линии, которую проводили земельные органы в отношении землеустройства земельных обществ.

Документы в деле расположены следующим образом: материалы обсуждений закона по отдельным округам Уральской области оформлены в общую сводку, представляющую собой в табличной форме изложение всех предложений по конкретным статьям, а затем следуют заключения по предложениям каждой из статей, данных ОблЗУ. Для нас интересны следующие статьи закона о землеустройстве и землепользовании, касающиеся устройства коллективных хозяйств: это ст. 19 о землеустройстве коллективных хозяйств [1, Л. 9, 30–32] и глава V [1, Л. 12–13, 34–37] закона о льготах для колхозов. Рассмотрим их подробнее.

Статья 19 говорит о преимущественном перед прочими землепользователями выделении для коллективных хозяйств удобно расположенных земель, необходимых для ведения правильного хозяйства, а также прочих ресурсов (водоемов, дорог). По этой статье в сводку включено двенадцать предложений. Из них лишь одно поддерживает положение статьи: земля должны предоставлять колхозам «не только лучшая по качеству, но и ниже существующей в обществе нормы» [1, Л. 9]. Остальные одиннадцать так или иначе отвергают ст. 19, заявляя, что раздел земли должен производиться на равных условиях для всех, причем акцент делается на соблюдении интересов оставшихся вне колхозов бедняков и середняков, либо земельного общества целиком. Одно предложение говорит о выделении земли на равных основаниях, исходя из необходимости сохранения союза середняка с бедняком. Особенно интересно заключение ОблЗУ по этой статье. Первоначальное заключение [1, Л. 30–32], было зачеркнуто, а написанное чернилами поверх него уместилось лишь в несколько строк: это, по сути, констатация изложенных предложений, никаких конкретных выводов не сделано. А между тем в

отвергнутом варианте заключения говорилось о том, что землеустройство новых колхозов должно производиться без нарушения интересов середняцких хозяйств, которые, по все видимости, будут и дальше на протяжении значительного числа лет главными производителями сельскохозяйственной продукции. В связи с этим, чтобы избежать экономического подрыва середняцких хозяйств и ухудшения их отношений с рабочим классом, необходимо учитывать и их интересы.

Из девяти предложений, поступивших по ст. 30, семь касаются судьбы земель после ликвидации колхозов: три из них требуют поступления земель колхозов в распоряжение земельных органов и три – местному земельному обществу [1, Л. 12]. По этим предложениям ОблЗУ постановил, что если колхоз был образован на трудовых участках земельного общества, то земля должна остаться в пользовании бывших членов колхоза. Предложения по ст. 34 [1, Л. 13], предусматривающей право меньшинства членов земельного общества создавать колхоз опять вызвало пять замечаний [1, Л. 37], которые сводятся к тому, что бы оградить земельное общество от возможных потерь, которые оно может понести в этом случае (установление минимума дворов для колхоза, наличие согласия земельного общества). Здесь ОблЗУ вынуждено было согласиться, заключив, что эти интересы земельного общества должны определяться законодательством союзных республик [1, Л. 34–35].

Итак, судя по рассмотренным предложениям относительно закона об общих началах землеустройства и землепользования, крестьянство к 1928 г., году начала коллективизации, прежде всего отстаивало интересы своего земельного общества. Поддержка советской властью колхозов не нашла среди большинства крестьян понимания: из двенадцати предложений в статье о выделении лучших земель для колхозов, лишь одно поддерживает эту статью, остальные направлены на ее ограничение. Разных мнений о будущем курса коллективизации придерживались и в руководстве ОблЗУ. Судя по зачеркнутому заключению, предусматривающему, что индивидуальное хозяйство еще долго будет доминировать в деревне, там имелись как сторонники постепенной коллективизации при сохранении нового курса в экономике, так и противники, полагавшие (и не без оснований), что НЭП – всего лишь временное отступление перед возвращением к старым методам военного коммунизма.

---

1. ГАСО. Ф. Р-239. Оп. 2. Д. 199.

2. Постановление ЦИК СССР от 15 декабря 1928 г. об утверждении Общих начал землепользования и землеустройства. URL: http://www.ussrdoc.com/ussrdoc_communizm/ussr_3541.htm.

3. Общие начала землепользования и землеустройства. URL: <http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=3130>

Образ врага на страницах «Исторического журнала» (1939–1945 гг.)

Ежемесячный научно-популярный исторический журнал печатался с 1931 г. издательством «Огонек» под названием «Борьба классов». В 1932 г. был передан издательству ЦК ВКП (б) «Правда». С 1937 г. стал выходить под названием «Исторический журнал», в 1941 г. был передан издательству Института истории Академии наук СССР. В том же году редакция включила в свой состав работников упраздненного издания «Историк-марксист». Журнал был рассчитан на профессиональную аудиторию. Довоенный тираж был 50 тыс. экземпляров. С № 7–8 за 1941 г. – 20 тыс. Задача «Исторического журнала» была в пропаганде исторического знания, которое базировалось на «Кратком курсе истории ВКП (б)». Журнал освещал проблемы внутренней и внешней политики России и СССР.

Несмотря на явные противоречия в оценке ряда стран, таких как Германия, Англия, Польша и т. д., политика Сталина и его руководства изображается как мудрая и дальновидная. Одной из главных особенностей статей является то, что их историческая подоплека является своевременным отражением происходящих событий во внешней политике.

Накануне и во время Второй мировой войны резкие повороты во внешней политике СССР в ряде публикаций журнала характеризовались как, безусловно, мудрые, необходимые, отвечающие интересам советского народа и трудящихся зарубежных стран. Оценки внешней политики зарубежных стран носили ярко выраженный конъюнктурный характер.

В № 9 за 1939 г. выходит статья В. Игнатьева о заключении Брестского мира в 1918 г. с явным намеком на необходимость договора о ненападении, подписанный с Германией накануне. В № 5 за 1941 г. Н. Рубинштейн обосновывает тезис о том, что союз Германии и СССР на Генуэзской конференции «разрушил планы стран Антанты превратить СССР в полуколонию, обслуживающую капиталистическое хозяйство» [1, с. 26]. Германия представляется читателям как дружественная страна.

После нападения на Советский Союз Германия на страницах журнала предстает как вероломный и жестокий захватчик не только в настоящее время, но и на протяжении исторически длительного периода. Примечательно, что в статье З. Неедлы расовая теория Гитлера опровергается утверждением, что «в жилах северных немцев, именно прусских, большая доля славянской крови» [2, с. 63].

С начала Второй мировой войны Англия представляется исторический агрессором. М. Шварц в своей статье обвиняет Великобританию в том, что «подго-

товленная ходом развития в течение десятилетий мировая война была спущена с цепей при прямой и сознательной провокации Великобритании» [3, с. 139].

С октября 1941 г. формируется положительный образ Англии, сохраняющийся до конца войны. В то время как Сталин и Черчилль ведут переговоры о союзной сотрудничестве и открытии второго фронта в Европе, В. Захаров публикует статью, в которой приводится пример помощи Англии французскому союзнику в период Первой мировой войны – Англия смогла отправить на помощь Франции более 2 млн солдат.

В период «дружбы» СССР с гитлеровской Германией присутствует крайне отрицательная характеристика Польши. А. Манусевич утверждал, что «Польша, созданная из лоскутов произвольно вырезанных территорий и не менее произвольно загнанных в ее пределы народов, с первого дня своего существования таила в себе стремление к распаду» [4, с. 69].

В сентябре 1941 г. В. Пичета представляет Польшу как страну, извечно борющуюся с германскими государствами, а Германию обвиняет в создании теории о неспособности поляков к государственности.

В 1943 г. советско-польские отношения обострились в связи с претензиями польской стороны на восстановление восточной границы 1939 г. В начале 1944 г., Польша вновь предстает как угнетатель восточных славян. Подчеркиваются неразрывные культурные связи русских, украинцев и белорусов. В № 4 за 1944 г. приводилась мысль о том, что Англия и США одним из условий создания независимой Польши в 1918 г. ставили вхождение в нее только польского населения. Однако Польша «произвольно, путем насилия и нарушения международного права, утверждала центральную и северную части своей восточной границы» [5, с. 66].

Летом 1944 г. создается Польский комитет национального освобождения – советская альтернатива эмигрантскому правительству Миколайчика. В связи с этим журнал, признавая право поляков на независимость, связывает, однако, ее достижение с необходимостью преобразования польского правительства в интересах польского пролетариата.

---

1. *Рубинштейн Н.* Раппальский договор // Исторический журнал. 1941. № 5.

2. *Неедлы З.* Каннибальская расистская теория в фашистской историографии // Исторический журнал. 1941. № 7–8.

3. *Шварц М.* На путях к мировой войне 1914–1918 гг. – прямое указание на виновника начала первой мировой войны // Исторический журнал. 1940. № 9.

4. *Манусевич А.* Исторические предпосылки краха Польши // Исторический журнал. 1939. № 11.

5. *Манусевич А.* К дипломатической истории вопроса о восточных границах послеверсальской Польши // Исторический журнал. 1944. № 4.

Два источника об изменении в границах критики личности и деятельности Сталина

Доклад Н. С. Хрущева XX съезду КПСС от 25 февраля 1956 г. и постановление ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 г. посвящены одному вопросу. Ввиду затянувшегося выхода в свет постановления, думается, что в нем произошли существенные изменения в границах критики личности и деятельности И. В. Сталина.

Авторы обоих документов почти единодушны в вопросе о причинах не прижизненного развенчивания культа и оправдывают свою бездеятельность, говоря об успехах И. В. Сталина в первые годы: продолжал линию В. И. Ленина, боролся с крамолой и сохранил единство партии. В обосновании своей дальнейшей инертности они менее многословны и ссылаются на то, что власть «отца народов» возросла. Больше сходств, нежели отличий, можно проследить и в оценке личности Сталина: в обоих случаях приводятся слова Ленина: «Сталин слишком груб», «сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью» [1, с. 54, 359]. Интересно, что сам Ленин представляется великим вождем, осуждавшим культ одного человека и выступавшим за коллегиальное управление. Согласны они и в осуждении разрыва отношений с Югославией и вины Сталина в не подготовке к войне. Далее, их единомыслие заканчивается и начинается целый ряд разночтений.

Так, рассуждая о причинах и об источниках формирования культа, Хрущев заключает, что он формировался с помощью кинокартин, художественной литературы, монументов и т. п., с досадой отмечая, что даже в гимне есть слова «нас вырастил Сталин ...» [1, с. 106]. Иное объяснение дает постановление: в ответе на то, как «возник и получил распространение культ личности Сталина», надо иметь «в виду как объективные ... условия, в которых проходило строительство социализма в СССР, так и некоторые субъективные» [1, с. 357]. К первым партия причисляет необходимость борьбы с внутренними (троцкистами и правыми) и внешними (фашизмом и империализмом) врагами. Ко вторым – неспособность Сталина устоять от опьяняющего воздействия власти.

Характеристика внешней и внутренней политики также скорее отлична. Лейтмотив речи Хрущева – репрессии и критика Сталина как полководца. Партия же, вскользь упомянув о репрессиях и признав, что они заблуждение борющегося с уже побежденными «эксплуататорскими классами» Сталина, сосредотачивает внимание на «серьезных ошибках» в организации сельского хозяйства, что не увело СССР с коммунистического пути развития [1, с. 355].

Больше всего несоответствий в критике сподвижников Сталина. ЦК ограничивается несколькими неприятными словами в адрес Л. П. Берия, не упомянув при этом других имен. Хрущев более многословен: Берия – разоблаченный и справедливо наказанный «провокаатор» и «иностранный агент» [1, с. 95]. В отношении остальных сподвижников Сталина он избегает прямой критики, что, однако, не мешает ему обходными путями показать их связь с политикой вождя. Так, рассказывая об одном из эпизодов войны, Хрущев осторожно критикует Маленкова за его подчиненность Сталину. На счет В. М. Молотова и А. И. Микояна он замечает, что «если бы Сталин еще несколько месяцев находился у руководства, то ... (они – *Т. К.*) не выступали бы» [1, с. 115]. Не критикуемым остался лишь Г. К. Жуков: Хрущев исправляет ошибки Сталина в недооценке Маршала, назначив его (за несколько дней до съезда) на пост военного министра. Подобное вполне логично, ибо позиции Хрущева еще весьма шатки: он нуждается в поддержке Жукова.

В вопросе о степени десталинизации, как это уже следует из названий документов, мнения Генсека и партии также противоположны. Со слов Хрущева следует, что страна только начинает борьбу с разрушением культа. Он даже предлагает ряд мер по его преодолению. Партия пишет, что с момента смерти Сталина ведется непрерывная борьба по развенчиванию культа личности Сталина и недопущению создания новых культов. И это спустя несколько месяцев!

Итак, обилие разночтений позволяет определить границы критики в докладе и постановлении. Так, Хрущев, преследовавший две цели: формальную – развенчать культ личности усопшего вождя и реальную – вывести из под критики партию (параллельно дискредитируя соперников) – не склонен критиковать внутреннюю политику Сталина и его борьбу с крамолой. Постановление же создавалось для народа с целью разъяснения позиции партии о культе личности Сталина, а значит, из-за необходимости сохранить авторитет партии в критике Сталина партия обошла стороной репрессии. Оглашение представленных Хрущевым сведений, было чревато непредсказуемыми последствиями и потерей легитимности. Не будучи способной рассказать народу о том, что сделал их вождь, партия стремилась мобилизовать массы на трудовые подвиги в новой пятилетке, борьбу с империалистическим врагом и построение социализма во всем мире.

---

1. Доклад Н. С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС: Документы. М., 2002. С. 51–119, 353–368.

Индустриализация на Кубе в начале 60-х гг. XX в.

Кубинская революция взбудоражила мир в конце 1950-х гг., когда молодые и харизматичные революционеры во главе с Фиделем Кастро свергли режим генерала Фульхенсио Батисты и принялись за кардинальные преобразования во всех сферах жизни общества.

Однако реформы на Кубе, которые с каждым днем становились все более левыми, шли вразрез с политикой проводимой США в Латинской Америке. Мало того, что хорошо налаженные связи, с помощью которых Соединенные Штаты вывозили с острова сахар – системообразующий продукт для экономики острова по бросовой цене – были нарушены. Новая власть не пошла на контакт с соседствующей сверхдержавой, и более того национализировала американские заводы по переработке сахара и нефтеперерабатывающие заводы, без возмещения средств собственникам. После этих ходов отношения между Кубой и США предельно обострились. США ввело эмбарго по отношению к Кубе и пользуясь своим влиянием в Латинской Америке добилось, чтобы латиноамериканские страны также прекратили экономические отношения с островом.

В условиях политического и экономического давления со стороны Штатов, а также географической отдаленности от СССР и стран советского блока кубинцы принимают решение создать самодостаточную экономику, по образу Советского Союза, которая смогла бы удовлетворить основные потребности острова.

7 октября 1959 г. во главе нового отдела промышленности Национального института аграрной реформы встает Че Гевара, который еще во времена Сьерра-Маэстры был главным защитником идеи создания автономной экономической системы. С самого момента победы повстанцев он последовательно отстаивал необходимость индустриализации страны, которая должна положить конец зависимости Кубы от сельскохозяйственного экспорта. Че Гевара делал ставку на форсированную индустриализацию, в соответствии с которой тяжелопромышленный комплекс за 3–5 лет должен был стать стержнем всей экономики Кубы, вокруг которого будут группироваться все остальные отрасли.

Развитие промышленности в различных районах осуществлялось с учетом их конкретных особенностей. В западных районах этому содействовало сложившееся размещение производства, а также ряд других факторов, таких как сравнительная обеспеченность кадрами, прежде всего высокой квалификации, и жильем, относительно более развитая транспортная сеть, что облег-

чало новое строительство без крупных затрат на инфраструктуру. В восточных районах отсутствовала достаточно развитый экономический потенциал, поэтому здесь приходилось начинать с создания опорных баз индустриализации, новых полюсов промышленного производства.

В период с 1960 по 1963 г. в стране были построены 62 новых промышленных объекта [1, с. 56], однако эта цифра была куда меньше запланированной. Большой ошибкой кубинского правительства и персонально Че Гевары стало то, что при планировании были преувеличены возможности кубинской экономики, был не учтен целый ряд объективных условий, прежде всего отсутствие необходимых финансовых, а также трудовых и сырьевых ресурсов для проведения индустриализации.

На наш взгляд, причина неправильного планирования выходит из самой природы кубинской революции и тех людей, которые стояли в ее главе. Ведь сам Че Гевара говорил, что: «Начало нашего революционного государства, так же как все первые этапы нашего правительственного правления, оставались сильно пропитаны тактикой вышедшей из герильи» [2, с. 334]. Имело место назначение на государственные должности не профессионалов, а приверженцев режима, вследствие чего страдало качество государственного управления.

Опыт, накопленный Кубой в 1962–1963 гг., показал, что процесс индустриализации «любой ценой» и в максимально сжатый срок не является рациональным. Связанная с этим процессом переориентация специализированных на выпуске монопродукции производственных мощностей страны обернулась сокращением ее экспортной выручки, замедлением темпов развития экономики. Опыт этот убедительно показал, что ошибочным является стремление создать в каждой небольшой стране полный комплекс всех современных производств. Такое распыление сил и средств, механическое копирование отраслевой производственной структуры самых крупных стран способно лишь снизить эффективность экономики страны [3, с. 105].

---

1. Куба: строительство социализма: экономические и социально-политические аспекты. М., 1983.

2. *Кормье Ж.* Че Гевара. М., 1997.

3. Куба: строительство социализма: экономические и социально-политические аспекты. М., 1983.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АЭБ – архив Этнографического бюро

ГА ДЛС РТ – Государственный архив документов по личному составу Республики Татарстан

ГАОСО – Государственный архив административных органов Свердловской области

ГАОО – Государственный архив Оренбургской области

ГАРФ – Государственный архив Российской Федерации

ГАСО – Государственный архив Свердловской области

ЛА – личный архив

ЛАИ УрФУ – лаборатория археографических исследований Уральского федерального университета

НАРТ – Национальный архив Республики Татарстан

ОПИ ГИМ – Отдел письменных источников Государственного исторического музея

ПГАНИ – Пермский государственный архив новейшей истории

ПМА – полевые материалы автора

РГАВМФ – Российский государственный архив Военно-морского флота

РГАДА – Российский государственный архив древних актов

ЦДОСО – Центр документации общественных организаций Свердловской области

СОДЕРЖАНИЕ

ПЛЕНАРНЫЕ ДОКЛАДЫ

Галкина Ю. М. Сербия и Франция в Первой мировой войне – партнерство или братство?	6
Калинин Д. М. Военные действия СССР против Югославии: реальная возможность или миф?	9

СЕКЦИЯ I.

РЕЛИГИЯ, ЭТНИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ

Михеева А. А. Богослужечно-певческая культура староверов Вятки (по материалам полевых дневников Уральской объединенной археографической экспедиции)	11
Хорин Д. Е. Традиционные напитки чувашей Тюменского Притоболья	13
Алексанова М. В. Реализация декрета об отделении церкви от государства на Урале в документах эпохи	15
Попова Н. Ю. Баптистская община Свердловска в 1920–1950-е гг.	17
Суворина Е. С. Современное состояние буддийских общин Российской Федерации.	20
Бахарев Д.С. Мониторинг идентичности русских уральцев (по материалам ЭтноЭкспедиции «Урал–2014»).	22
Михалева Е. А. Татаро-нагайбакский диалог (по материалам ЭтноЭкспедиции «Урал–2014»).	24
Коптяева Е. А. Этничность и соседские установки в представлении молодежи г. Екатеринбурга	25
Викулова Н. О. Многослойный памятник Усть-Менза-6 (Груздевая)	27
Верещагин А. В. Лук и стрелы в военном деле аборигенов северо-западной Сибири (по данным фольклора и этнографии)	30
Мосунова А. В. О преемственности погребальной традиции коптяковской культуры	32
Булакова Е. А. «Текстильная керамика» как источник для изучения древнего ткацкого производства	34

СЕКЦИЯ II.

«АНТИЧНЫЕ ЭТЮДЫ»: КЛАССИЧЕСКАЯ ДРЕВНОСТЬ И ЕЕ НАСЛЕДИЕ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Кондратьев В. С. Архаическая Иония и Лидийская держава: проблема взаимоотношений	36
Ляхин Е. В. Спарта: от античного полиса к римскому муниципию	39

Рассохин Ф. В. Когда и сколько дней праздновали Гимнопедии в Спарте	41
Трошин В. А. Причины первого приезда Платона ко двору Дионисия Младшего	43
Поплавская Н. В. Взгляды Р. Ю. Виппера на античную демократию	44
Хмара И. В. Эволюция понятия «Любовь»: от Плотина к Максиму Исповеднику . . .	47

СЕКЦИЯ III.

«ЧЕЛОВЕК МЫСЛЯЩИЙ: ИСТОРИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ, ТЕКСТОВ, ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК

Тарасов С. О. Пути обхождения историографических трендов (на примере В. А. Попова, Н. М. Гиренко, П. Л. Белкова, В. В. Бочарова)	49
Рукавичникова М. В. «Анабасис» Ксенофонта и византийская историография середины XIII – середины XIV вв.: опыт сравнительного анализа	51
Градковская Е. В. Городские жители Японии в новеллах Ихара Сайкаку	53
Митюрёва Д. С. Жан Боден и влияние его концепций на идеологов Английской революции XVII в.	55
Шипицына Ю. С. Прерафаэлитизм и Викторианская Англия: поиск новых эстетических идеалов	57
Макогон О. А. «Россия и русские» Н. И. Тургенева как попытка реформирования самодержавной власти и российского общества в интерпретации современников	59
Морозов Д. А. Письма А. Д. Михайлова как источник по истории революционного терроризма в России в 70–80-х гг. XIX в.	61
Сухарев Е. А. Роман Эриха Марии Ремарка «На Западном фронте без перемен» как предвидение Второй Мировой войны	63

СЕКЦИЯ IV.

ИСТОРИЯ ПУТЕШЕСТВИЙ И ВОСПРИЯТИЙ: ИСТОЧНИКИ И ОБРАЗЫ

Возчиков Д. В. Сведения об Индии и Китае в венецианском историко-географическом трактате XIV в.	65
Жигалова Н. Э. Турки глазами сербского писателя XV в.	67
Долгих Ю. С. «Обратная сторона Европы»: иезуиты и Япония во второй половине XVI – первой половине XVII вв.	69
Косых Т. А. Британская «terra incognita»: горная Шотландия и ее жители глазами С. Джонсона	71
Киссер Т. С. Описание чермисов: от А. Олеария до И. Георги	73
Иванов А. В. Картографические представления о курильской проблеме XVIII – начала XIX в. в контексте понятий о праве и справедливости	75
Иванова Д. С. Топографические съемки на Урале в 1854–1865 гг.: вклад французских инженеров-топографов Э. Бержье и А. Аллори	77
Воропаева Т. В. Путевые заметки иностранных путешественников как источник изучения пространства Сибири во второй половине XIX – начале XX в.	79

СЕКЦИЯ V. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ИСТОРИИ: МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИСТОЧНИКИ

Курасова А. С. История повседневности: исследовательская рефлексия	82
Плате А. Применение законодательства в области уголовного права Екатерины II на примере одного дела нижней расправы г. Екатеринбурга	84
Сурков М. Ю. Доходный дом и дом-коммуна: формы организации быта в конце XIX – начале XX в.	86
Беспалова К. А. Путешествие Люка Дюртена и Шарля Вильдрака в СССР: взгляд французских левых интеллектуалов на советскую действительность	88
Буренко К. А. Казанская специальная средняя школа ВВС Красной Армии № 9 в годы Великой Отечественной войны	90
Веретёнов В. А. Личный автомобиль как элемент образа жизни советского человека	92
Фоминцев О. С. Формы и сферы бытования советского анекдота в период «застоя»	94
Перевай Д. Н. Герой или муза: образ женщины в советских и немецких кинофильмах 1930–1940-х гг.	96
Ковалёва Е. В. Досуг металлургов Челябинска в 1980-е гг.	98
Пастух М. П. Проблемы и перспективы использования газет как источника о трудовых конфликтах	100
Сидоркина Т. С. Молодежная контркультура в Великобритании в 70–80-е гг. XX в. (на примере панк-рока)	102

СЕКЦИЯ VI. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ

Назаров А. Д. Принципы комплектования легионов в эпоху Ранней империи	104
Васев А. А. Тюркские контингенты в составе вооруженных сил халифата Аббасидов во второй половине IX в. (по данным «Тактики Льва»)	106
Капсалыкова К. Р. Призывы к трезвости на военной службе у византийских авторов X–XI вв.	108
Силачева Е. А. Архонты Херсона VIII – первая половина IX в.	110
Долженков А. А. Характер дружины норвежских королей в эпоху викингов	113
Пимонов И. С. Воспоминания офицеров Отдельного Кавказского корпуса в период Кавказской войны (1817–1864 гг.): особенности восприятия «образа врага».	114
Павленко А. П. Союз офицеров Черноморского флота в 1917 г.	116
Пыльцын Ю. С. Битва за Терек. 1919 г.	119

СЕКЦИЯ VII. ПОЛИТИКА, ЭКОНОМИКА И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Нестерова Н. С. Русско-византийский договор 907 г. в оценках российских историков XVIII в.	121
Мартюшев А. В. К вопросу об истории францисканского ордена в землях Боснии и Герцеговины в XIX в.	123
Адамов Д. П. Лига Наций в идеологии британских либералов в начале межвоенного периода	125
Бубликова М. Д. Мемориальный комплекс в Дахау как объект сохранения памяти о жертвах нацистских преступлений.	127
Щепин Е. С. Эволюция взаимодействия геополитических акторов во второй половине XX – начале XXI в.	129

СЕКЦИЯ VIII. ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ: ИСТОЧНИКИ, ДИСКУССИИ, ИНСТИТУТЫ

Гурянин Ю. В. Государство Древнего Египта в зеркале чиновных «поучений»	132
Сысоева Е. О. Проект сенатора В. Ю. Соймонова об образовании горного генерал-губернаторства	134
Гай М. Д. Агенты политического сыска в России во второй четверти XIX в.	136
Эпштейн Э. Э. Царство Польское (1832-1843 гг.): один проект, два видения имперского управления.	138
Калинина А. В. Проект реформирования начальной школы в России 1856 г.	140
Шакурова Ю. Р. Справки сельсоветов в следственных делах 1937 г.: содержание и функции	141
Бондарь В. А. Трансформации понятия «машиночитаемый документ» в СССР и России.	143
Гильмутдинова Ю. И. Эффективность и результативность документации в условиях применения процессного подхода	145

СЕКЦИЯ IX. ЛИЧНОСТЬ, ОБЩЕСТВО, ГОСУДАРСТВО В ОТРАЖЕНИИ ИСТОРИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Ошонков А.С. Практика «объявления вне закона» и феномен изгнания в норвежском и исландском обществах IX – XIII вв.	147
Плотникова А. Д. Маргиналы в исландском обществе эпохи народовластия по материалам родовых саг.	149
Левинская Я. В. Роль Михаила VIII Палеолога в восстановлении Византийской империи: взгляд современников	151

Кожевникова Л. М. Адаптация пленных Кучумовичей в Московском государстве осенью 1598 – зимой 1599 гг.: методология и источники	152
Накишова М. Т. Феномен самозванчества в социально-политической культуре России XVII в.	154
Павлюкова Н. А. Социальный облик Н. А. Демидова в середине XVIII в. (на примере ботанической и зоологической коллекции)	156
Романюк Т. С. Попытки яицких казаков записи в двойной раскольничий оклад в начале царствования Екатерины II	159
Кохановский А. А. Документы революционной эпохи как источник о распаде «левого блока» на Урале в 1918 г.	161
Кузеванова А. Д. «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть невозможно»: к вопросу о высылке интеллигенции в 1922 г.	163
Савин Д. П. Материалы обсуждения закона «О землепользовании и землеустройстве» как исторический источник начала коллективизации в Уральской области	165
Колодяжная Е. Н. Образ врага на страницах «Исторического журнала» (1939–1945 гг.)	167
Козлова Т. Ю. Два источника об изменении в границах критики личности и деятельности Сталина	169
Бибнев А. А. Индустриализация на Кубе в начале 60-х гг. XX в.	171
Список сокращений	173

Научное издание

МИР ИСТОРИИ: НОВЫЕ ГОРИЗОНТЫ.
ОТ ИСТОЧНИКА К ИССЛЕДОВАНИЮ

Материалы докладов VII Всероссийской научной конференции
студентов, аспирантов и соискателей

Екатеринбург, 29–30 ноября 2014 г.

Фотография Ю. С. Кирьякова сделана А. Курлаевым

Редактор Е. Е. Крамаревская

Верстка А. Ю. Матвеев

Ответственный за выпуск Д. Д. Шакирзянова

Подписано в печать 24.06.2015. Формат 60×84 1/16
Усл. печ. л. 10,2. Бумага офсетная. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 100 экз. Заказ 270.

Отпечатано в Издательско-полиграфическом центре УрФУ
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
Тел.: +7 (343) 350-56-64, 350-90-13
Факс: +7 (343) 358-93-06
E-mail: press-info@mail.ru